

**ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ
МНОГООБРАЗИЕ И
ГРАЖДАНСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В
ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ ЭТНИЧНОСТИ
И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ
И ГРАЖДАНСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ
МОЛОДЕЖИ В ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

Коллективная монография

*Под общей редакцией
доктора социологических наук, профессора
Шайхисламова Рафаэля Бадретдиновича*

**Уфа
РИЦ БашГУ
2021**

УДК 316.32
ББК 60.52
Э91
doi.org/10.14258/ecd.2021

*Монография подготовлена и опубликована в рамках
Программы фундаментальных и прикладных исследований
«Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление
общероссийской идентичности» (Поручение Президента РФ № ПР-71 от
16.01.2020 г.) (рук. акад. РАН В.А. Тишков) по проекту
«Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность,
толерантность, диалог» (рук. проф. Р.Б. Шайхисламов)*

*Печатается по решению кафедры социологии и работы с молодежью
факультета философии и социологии БашГУ.
Протокол № 2 от 30.09.2021 г.*

Рецензенты:

Зарипов А.Я. – доктор философских наук, профессор
(УГАТУ, г. Уфа);

Егорышев С.В. – доктор социологических наук, профессор
(Институт стратегических исследований РБ, г. Уфа)

**Этнокультурное многообразие и гражданская и этническая
Э91 идентичность молодежи в постсоветском пространстве:**
коллективная монография / под общей ред. д-ра социол. наук,
проф. Шайхисламова Р.Б. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – 188 с.
ISBN 978-5-7477-5428-7

В коллективной монографии публикуются результаты исследований,
посвященных анализу различных этнокультурных процессов в
постсоветском пространстве, проблем формирования гражданской и
этнической идентичности молодежи.

Предназначено для научных работников, преподавателей среднего и
высшего образования, аспирантов и студентов, а также для всех, кто
интересуется проблемами этнокультурного развития общества.

УДК 316.32
ББК 60.52

ISBN 978-5-7477-5428-7

© Асадуллина Г.Р., Бедрина Е.Б.,
Валиева И.Н., Волков В.В., Данилов А.Н.,
Ефлова М.Ю., Коровкина Н.В.,
Лавренюк-Исаева Н.М., Максимова О.А.,
Нагматуллина Л.К., Намруева Л.В.,
Садретдинова Э.В., Шайхисламов Р.Б.,
Шаповалова И.С., 2021
© БашГУ, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия.....	4
Глава I Этнокультурное многообразие общества и сложная этнокультурная идентичность молодежи.....	6
Глава II Этническая идентичность молодежи: от интолерантности к диалогу между «Я», «Мы» и «Они».....	30
Глава III Евразийская культура в межкультурной дистанции.....	49
Глава IV Межэтнические отношения в Республике Татарстан: оценки и установки молодого поколения.....	68
Глава V Социокультурное кодирование городской идентичности молодежи в этнически многообразном регионе.....	81
Глава VI Система национального образования – основной канал воспроизводства этнической культуры (на примере Республики Калмыкия).....	94
Глава VII Этнокультурное многообразие и национальная идентичность молодежи Беларуси.....	103
Глава VIII Идентичность и историческая память русского этнического меньшинства Латвии (1991-2021).....	111
Глава IX Этническая идентичность и явление ксенофобии в молодежной среде российского приграничья	122
Глава X Этнические и миграционные анклавы Свердловской области.....	139
Глава XI Образ соотечественника в формировании общероссийской идентичности молодежи.....	151
Библиографический список.....	172
Сведения об авторах.....	186

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

---

30 лет назад распался Советский Союз, представлявший собой не только политическое и экономическое объединение союзных республик, но и уникальное этнокультурное образование. Нельзя сказать, что это было чем-то искусственным, показавшим свою нежизнеспособность. Несмотря на драматические и подчас трагические процессы за эти три десятилетия, наследие советского этнокультурного образования сохраняется во всех странах бывшего СССР, прежде всего в памяти и социокультурной практике тех, кто вырос в прошлом веке.

СССР для современной молодежи – это история, это реальность, существовавшая во время молодости родителей, молодости и зрелости прародителей. Практически вся молодежь постсоветского пространства формировалась в новых социально-политических, экономических и духовных условиях, в социокультурных реалиях новых суверенных государств. В разных странах постсоветского пространства формирование гражданской и этнической идентичности молодежи происходит по-разному. Становление государственности, политических институтов предполагает формирование гражданско-государственной идентичности всех поколений, особенно – у подрастающих поколений. Формирование такой идентичности – это достаточно длительный, противоречивый процесс.

Формирование государственно-гражданской идентичности в значительной степени обусловлено этническим составом новых государств. В одних странах, в которых «титальный» этнос составляет абсолютное большинство населения, синтезируется гражданско-государственная и этническая идентичность. В других странах, население которых представлено двумя и более многочисленными этническими группами, наблюдается более противоречивая картина.

Авторы настоящей монографии – ученые России, Казахстана, Беларуси, Латвии – анализируют различные аспекты противоречивого, иногда и конфликтного, становления нового, постсоветского этнокультурного многообразия. В центре внимания авторов монографии – гражданская и этническая идентичность молодежи. Именно в период молодости формируется в основных чертах социальная и культурная идентичность человека, его самоидентичность. Социокультурная идентификация молодежи – процесс сложный, противоречивый, многоуровневый, отражающий и сложность, противоречивость общественного развития. В то же время

будущее общества связано с тем, как, в каких направлениях идет в настоящее время процессы социокультурной (в том числе гражданской, региональной, этнической) идентификации молодого поколения.

*Ответственный редактор,
доктор социологических наук, профессор*
Р.Б. Шайхисламов

ГЛАВА I

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ ОБЩЕСТВА И СЛОЖНАЯ ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ¹

Шайхисламов Р.Б.

*профессор кафедры социологии и работы с
молодежью Башкирского государственного
университета, главный научный сотрудник
БашГУ, г. Уфа*

Аннотация. В главе монографии автором предлагается понимание этнокультурного многообразия как качественной характеристики общества. Понятие «многообразие» рассматривается во взаимосвязи с другими понятиями – «разнообразие» и «однообразие». Этнокультурное многообразие рассматривается как множество составляющих, имеющих общую основу – единое смысловое и нормативное пространство, близкую, интегрированную социальную и культурную дистанцию. Если этнокультурное однообразие и разнообразие являются основой дезинтеграционных процессов в обществе и барьером для формирования общегражданской идентичности, то этнокультурное многообразие представляет собой фундамент межэтнической общности социальной, культурной и индивидуальной жизни. Этнокультурное многообразие способствует формированию сложной гражданской (общероссийской) идентичности молодежи, представляющей собой открытую (постоянно меняющуюся, адаптирующуюся) систему позитивных этнических, региональных и других мезо- и микро- идентичностей. Усложнение этнической идентичности проявляется в ее открытости и адаптации к другим этническим культурам, к межэтническим коммуникациям.

Ключевые слова: молодежь, этнокультурное многообразие, этнокультурное однообразие, этнокультурное разнообразие, сложная идентичность, этническая идентичность, множественная идентичность, российская идентичность.

В нашей главе мы рассматриваем в качестве ключевого понятие «этнокультурное многообразие». Многообразие в качестве характеристики процессов в общественной жизни применяется

---

¹ Глава подготовлена по проекту «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» в рамках реализации Программы фундаментальных прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности».

достаточно часто («многообразие форм собственности», «многообразие социальных групп», «многообразие деятельности» и т.п.). Однако сама категория «многообразие» не получила теоретико-концептуальной разработки, хотя и использовалась многими видными представителями социологии, этнологии, антропологии, культурологии¹. Достаточно часто для характеристики определенного социального множества используется понятие «разнообразие». Являются ли синонимичными эти два понятия? Дело, конечно, не в терминах, а в том, какие социальные объекты и процессы описывать и интерпретировать при помощи этих слов. Если обратимся к англоязычной литературе, то для характеристики объектов и процессов, неоднородных по своему составу, используется термин «diversity», что может переводиться на русский язык и как многообразие, так и как разнообразие. Однако и в русском, и в английском языках существуют термины, которые определяют смысл разных явлений – многообразия (manifold) и разнообразия (diversity).

В основе понятия «многообразие» находится слово «множество». Оно в быденном языке означает количество различных объектов и процессов. Но как научное понятие «множество» имеет более строгое определение. Проблема понятия множества существует с античной философии.² В математике под множеством понимается математический объект, представляющий из себя совокупность объектов (элементов множества), *обладающих общими для всех характерными свойствами*, то есть определенный класс явлений. Если исходить из данного понимания множества, принятого в самой фундаментальной науке, то и понятие многообразия становится выражением различных объектов, процессов обще-порядкового типа (как, например, четные числа, но не четные и нечетные числа).

Этнокультурное многообразие, если принять данное понимание множества, является качественной характеристикой различных социумов. В обществе, в регионах, городах и селах может быть представлено различное количество этнических групп, языков, культур. Однако такое количество будет этнокультурным многообразием при условии, если удастся их свести к определенному классу, выделяемому определенными общими характеристиками. В

---

¹ Киреев Е.Ю. Социальное многообразие: некоторые подходы к социологическому осмыслению // Социальная политика и социология. 2018. Т.17. №2. С.78-85.

² Сарумов А.А., Савченко В.Н. О понятиях «единое-много» и «множество» в ретроспективе философской мысли // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9-2 (35). С. 158-161.

условиях российской действительности такими характеристиками этнокультурного многообразия являются: 1) российская культура, которая не противопоставляется этническим культурам, не заменяет их; российская культура представляет собой интегрированное целое различных этнических, региональных и иных культур; 2) этническое многообразие населения регионов, городов, крупных поселков, членов организаций; отсутствие четко обозначенной этнической демаркации пространств; 3) этническая идентичность индивидов, сочетающаяся с позитивным отношением к другим этносам и общероссийской идентичностью. «Именно этот момент не взаимоисключающей двойной (гражданской и этнической) идентичности, – отмечают В.А. Тишков, Р.Э. Бараш и В.В. Степанов, – является сегодня характерным для российской молодежи, и он должен стать ключевым в современном государственном нациестроительстве»¹.

Однообразие, в отличие от многообразия, представляет форму существования целого в одинаковом, неизменном, унифицированном его проявлении, характеризуется отсутствием перемен, новизны, постоянным повторением одного и того же. Однообразные этнокультуры в современном мире – редкость. Это в основном архаические этнические группы. Но более распространенным типом является этнокультурное разнообразие как совокупность однообразных этнокультур. Примером этнокультурного разнообразия служат, например, исторически сложившиеся многонациональные территории, в которой соседствуют однообразные этнокультуры (как правило, это территории в силу географических, религиозных или иных особенностей характеризуются множеством барьеров для межатнического общения). Этнические культуры при этом функционируют автономно и не образуют даже при взаимодействии между собой новую надсистему. Потенциал однообразных и разнообразных этнокультур ограничивается их внутренними ресурсами.

В этом отличие этнокультурного многообразия от этнокультурного разнообразия – множества несходного, различного, отличающегося друг от друга. Этнокультурное разнообразие – это совокупность различных, слабо связанных между собой, но представленных в одном социальном пространстве, однообразных, замкнутых, в значительной степени закрытых этнических групп и этнических культур.

---

¹ Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. Идентичность и жизненные стратегии студенчества в России // Социологические исследования. 2017. №8 (401). С.81-87.

Этнокультурное многообразие, разнообразие и однообразие – это «идеальные типы», не встречающиеся в социальной реальности в «чистом виде», в действительности проявляют себя различные сочетания этих типов, доминирование и тенденции изменения того или иного типа. Следовательно, мы можем говорить о преобладании, тенденции роста в конкретном социальном пространстве этнокультурного многообразия, разнообразия или однообразия. Каким бы ни было сочетание этих типов, устойчивые связи между этническими группами и культурами в определенном социальном пространстве образуют этнокультурную систему.

Системный подход к анализу этнокультурного многообразия представляет собой характеристику устойчивой взаимосвязи различных компонентов, благодаря которой образуется «система систем». Каждая этническая общность представляет собой системное образование, обладает определенной устойчивостью, стремится к определенной инвариантности (относительному постоянству свойств при изменениях, преобразованиях внешних условий). Этническая культура также обладает характеристиками системы, т.е. обладает целостностью. Однако важно при этом отметить, что этно-системы сами по себе еще не образуют этнокультурное многообразие. Для этого они должны быть открытыми – способными сохранять свою устойчивость путем непрерывной адаптации к изменениям внешней среды. В результате происходит интеграция этно-систем, под которой следует понимать не утрату целостности этно-систем, а процесс образования единого социального и культурного пространства.

Мы полагаем, что этнокультурная система обладает *определенной мерой* внутреннего многообразия, благодаря чему обеспечивается ее устойчивость, равновесие. Чем многообразнее внутренняя среда этнокультурной системы, тем она сложнее. И, наоборот, чем разнообразнее, тем более, однообразнее эта система, тем она проще.

Как известно, любая система, в том числе этнокультурная система, существует и функционирует в пределах своей внешней среды. Эта среда в современных условиях изменчива, динамична, и это оказывается проблемой для этнокультурных систем. Если системы оказываются способными адаптироваться к изменениям внешней среды, то они обеспечивают свое внутреннее динамическое равновесие путем внутренних изменений, тем самым сохраняя свою целостность. Внутренние изменения способствуют росту богатства внутреннего многообразия – компонентов, структуры, организации, функций, свойств.

Однообразные этнокультуры и их сосуществование в виде разнообразных этнокультур при изменениях внешней среды стремятся к статистическому равновесию, к минимизации внутренних изменений, угрожающих их целостности. Если та или иная этнокультура, этносоциальная система, равно как и этнокультурная система, состоящая из определенного количества этнокультур и этносоциальных систем, в условиях внешних изменений стремится сохранить свою инвариантность за счет недопущения внутренних изменений, за счет консервации этнического состава и этнической культуры, то это неизбежно приводит их к деградации и распаду. В этом заключается проблематичность в современных условиях сохранения этнокультурного однообразия и разнообразия.

Исходя из такого видения природы этнокультурных систем, мы можем сделать вывод: чем больше в ней однообразия и разнообразия, тем больше обнаруживается стремление к их закрытости, внутреннему упрощению. Доминирование тенденции многообразия и являющееся следствием этого становление сложности ведет к открытости этнокультурных систем к изменениям и одновременно сохранению своей целостности. Если этнокультурная система состоит из ряда этнокультурных подсистем (например, в рамках региона), то ее сложность определяется как многообразием этих подсистем, так и внутренним многообразием самих подсистем.

Основной чертой современных обществ является усложнение социокультурного мира, появление сложностей более высоких порядков. Глубинное содержание сложностей современных обществ пока мало изучено, поскольку оно остается латентным. Сложность социокультурных процессов и объектов становится предметом философского осмысления. Так, сложность современных обществ, по мнению Н.И. Лапина, является свойством их самоорганизации. «Если в математике сложная функция – это функция от функции, то сущность сложности сообщества людей я вижу прежде всего в синергичном взаимопроникании его разнородных универсалий..., а сложность познания и регулирования эволюции этого объекта можно охарактеризовать, вслед за одним из ведущих исследователей сложностей, как запрет на упрощения¹. Такой запрет означает требование конструктивных решений проблем путем повышения сложности самоорганизации объектов. Иными словами, для успешной эволюции российского общества и его региональных сообществ ключевым становится повышение сложности способов их

---

¹ Морен Э. Метод. Природа природы. М.: КАНОН+, 2013.

самоорганизации»¹. Касаясь «парадигмы сложности» Э. Морена, в своей статье В.И. Аршинов и В.Г. Буданов отмечают, что одна из ее особенностей состоит в ограничении классической стратегии познания, ориентированную на принцип редукции, познание сложного по частям².

Познание этнокультурного многообразия как проявление социокультурной сложности предполагает, исходя из данной парадигмы, не сводится к познанию совокупности отдельных однообразных и разнообразных этнокультурных систем. Сложность множества этнокультур, этнических групп и индивидов, идентифицирующих себя с этими культурами и группами, предполагает анализ их интегрированности и синергических эффектов.

Этнокультурная система есть разновидность более широкой социокультурной системы, представляющая собой единство личности, социума и культуры³. Сложность этнокультурной системы определяется тем, что, во-первых, личность формируется не как просто «этнический тип», она становится в процессе своего развития субъектом и объектом самых разных социальных отношений – в семье, организации, городе или селе, регионе. Соответственно, в этнокультурной системе личность является многомерным участником, а не просто как представитель определенного этноса. Во-вторых, конкретная этнокультура наряду с другими этнокультурами, семейными, организационными, поселенческими и т.п. культурами образуют такое множество, как культура общества. Этнокультура органически переплетена с другими культурами, интегрирована в более широкую культуру, цивилизацию. В-третьих, сложность этнокультуры проявляется в том, что любой этнос существует не сам по себе, не просто сосуществуют, представители разной этничности являются субъектами одних и тех же общностей – города, села, организации и даже семьи.

Преобладание этнокультурного многообразия характерно для тех социальных пространств (регионы, города, села), где различные этнические группы не просто сосуществуют, а каждодневно взаимосвязаны между собой деловыми и неформальными контактами.

---

¹ Лапин Н.И. Своеобразие культур цивилизаций – достояние и ресурс каждого человека и всего человечества // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 5-16.

² Аршинов В.И., Буданов В.Г. Концепция сети в оптике парадигмы синергетической сложности // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 49-58. См. также: Аршинов В.И. На пути к сетцентричному пониманию сложности // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2018. № 3. С. 34-55.

³ Наше понимание социокультурной системы см.: Шайхисламов Р.Б. Социокультурная система и личность. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005.

Таковыми регионами в Российской Федерации являются, прежде всего, области и республики Поволжья. В этих пространствах действуют такие факторы межкультурной интеграции, как язык (языки) межэтнического общения, билингвизм, преобладание позитивной этнической идентичности (одинаково уважительное отношение к своей и иной этнической группе), формирование наряду с ординарной множественной этнической идентичности. При этом и ординарная этническая идентичность не исключает, а скорее, предполагает усвоение личностью множества элементов культуры других народов.

В идеальном варианте этнокультурное многообразие предполагает симметрические межэтнические коммуникации (билингвизм как одна из черт всех этнических групп, равные возможности функционирования языков, множественные идентичности, формируемые в этнически смешанных семьях и т.п.). В реальности этнокультурное многообразие сочетается разнообразным и однообразным типами этнической картины. Так, ведущей тенденцией в таких пространствах может быть не социокультурная интеграция, а ассимиляция и доминирование одного языка. В рамках этнокультурного многообразия, таким образом, может проявляться стремление к этнокультурной однородности. Такое стремление может найти свое выражение в лозунгах и практических действиях определенных политических акторов.

Этнокультурное многообразие может трансформироваться в этнокультурное разнообразие как протест разных этнополитических элит, общественных движений против становления унитаризма, уменьшения возможностей сохранения родных языков.

Этнокультурное многообразие, таким образом, в реальности внутренне противоречиво, разнонаправлено. Оно может сохраниться как некий социокультурный баланс сил и устремлений, но может и разрушиться в результате роста дисбаланса. Трансформация этнокультурного многообразия общества в сторону однообразия и разнообразия ведет к исчерпанию социокультурного потенциала как самого общества, так и этносов, и их культур.

В современных условиях стремление сохранить «чистоту» этнической культуры, языка, этнического состава неизбежно приводит к архаизации и возвращению к традиционному укладу жизни. Архаизация обусловлена, прежде всего, с такой внешней угрозой для целостности этнокультур, как культурная интервенция – вторжением элементов иной культуры как неестественного, чуждого для другой культуры компонента. Культурная интервенция связана с глобализацией, военной интервенцией, массовой культурой.

Достаточно вспомнить такие факты, как движение «Талибан» в Афганистане, «исламскую революцию» в Иране, различные террористические объединения на Ближнем Востоке, которые явились политической и идеологической реакцией на культурную интервенцию Запада. Такая реакция закономерно ведет к архаизации, «возврату к истокам».

Современные социокультурные процессы характеризуются, как принято сейчас говорить, турбулентностью. Одновременно проявляют себя противоположные тенденции и в этнокультурной динамике. Мы наблюдаем тенденцию разнообразия – ослабления целостности социокультурного мира и рост его раздробленности. На это влияет ряд взаимосвязанных процессов. Во-первых, это глобализация с ее унификацией, стандартизацией культуры, языка. Во-вторых, рост инструментального подхода к жизни в условиях рыночной экономики (ценно то, что приносит выгоду). В-третьих, становление мозаичной (клиповой) культуры, в которой различные компоненты связаны не в одно целое, а образуют эклектичное их соединение, то есть разнообразие. Проявлением последнего является симбиоз амбивалентных, парадоксальных качеств людей, культур, социумов, который описывается как «общество риска», «кунтавр-проблема», «симбиоз культурно альтернативных ценностей» и т.п. (У. Бек, З. Бауман, Ж.Т. Тощенко, Н.И. Лапин).

Становление этнокультурного разнообразия в современном мире также обусловлено миграционными процессами. США и некоторые другие западные страны в течение прошлого века пытались переварить в «плавильном котле» культуры различных групп мигрантов однообразную культуру. Однако интенсивность миграционных потоков привела к утрате возможностей «плавильного котла» сформировать единую над-этническую, над-расовую и над-конфессиональную гражданскую идентичность. Сначала как социальная реальность, а затем и как политика и идеология в ряде западных стран (США, Канада, Австралия, Франция, ФРГ) во второй половине прошлого века сформировался так называемый мультикультурализм, сложный, неоднозначный, многовекторный по своему содержанию. В различных вариациях современного мультикультурализма обнаруживается преобладание и этнокультурного разнообразия, и многообразия, а также стремление к этнокультурному однообразию. В частности, в результате интенсивной миграции практически во всех мегаполисах, а также в ряде городов и сельских поселений образовывались этнические анклавы, представляющие собой форму этнического однообразия. В

совокупности различные этнические анклавы на одной территории формируют ее разнообразную этническую картину.

Со стороны доминирующей в той или иной стране культуры также довольно часто появляется стремление свести все этническое разнообразие к единообразию в рамках доминирующей культуры.

Представления об этническом разнообразии являются не просто отражением в сознании людей социальной реальности, они являются одновременно и теми конструктами, которые воспроизводят эту реальность в поведении, взаимодействиях индивидов. Как показывают наши исследования, представления о характере этнического состава российского общества в общественном сознании достаточно противоречивы.

В опросе, в котором был задан вопрос в формулировке *«Некоторые люди считают, что чем быстрее в нашей стране люди разных национальностей сольются в одну нацию, тем меньше будет среди недоверия, непонимания, конфликтов. Каково Ваше мнение по этому поводу?»*, мы получили следующее распределение суждений.

Таблица 1

Отношение к суждению «Чем быстрее все люди разных национальностей сольются в одну нацию, тем меньше будет недоверия, непонимания, конфликтов» * (в%)

<i>Отношение к суждению</i>	<i>согласен, все должны стать россиянами без деления на национальности</i>	<i>согласен, все должны стать русскими</i>	<i>не согласен, нации не должны исчезнуть, хотя многонациональность порождает конфликты</i>	<i>не согласен, многонациональность не является причиной конфликтов</i>	<i>Затрудняюсь ответить</i>
все	5,9	8,6	41,3	24,0	20,1
Этническая идентичность					
Русские	6,3	10,9	41,9	21,1	19,7
Башкиры	5,3	9,5	38,7	23,5	23,0
Татары	5,4	4,5	39,5	30,9	19,7
Другие	7,0	9,3	48,1	19,4	16,3
Возрастные группы					
18-24	8,6	8,6	43,8	22,7	16,4
25-30	1,3	8,5	44,4	21,6	24,2

Отношение к суждению	согласен, все должны стать россиянами без деления на национальности	согласен, все должны стать русскими	не согласен, нации не должны исчезнуть, хотя многонациональность порождает конфликты	не согласен, многонациональность не является причиной конфликтов	Затрудняюсь ответить
всего	5,9	8,6	41,3	24,0	20,1
Этническая идентичность					
Русские	6,3	10,9	41,9	21,1	19,7
Башкиры	5,3	9,5	38,7	23,5	23,0
Татары	5,4	4,5	39,5	30,9	19,7
Другие	7,0	9,3	48,1	19,4	16,3
31-40	2,3	5,5	34,4	25,8	32,0
41-50	6,4	12,1	36,4	32,9	12,1
старше 50	7,8	8,4	43,5	19,5	20,8

* Проект РФФИ «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан)», 2016.

Суждения о том, что желательно исчезновение этничности в пользу формирования так называемой политической нации, разделяет абсолютное меньшинство респондентов. Также немного тех, кто является сторонниками этнического (русского) однообразия. Признание необходимости сохранения этнической картины страны, хоть и сопряженной конфликтами, недоверием, непониманием друг друга – такова позиция большей части респондентов. Четверть респондентов не увязывают социальные конфликты, проявления взаимного недоверия и непонимания с этническим составом страны. С некоторыми оговорками можно считать, что сторонники третьей точки зрения представляют наше общество как этнически разнообразное, а сторонники последней точки зрения – как этнически многообразное.

Таким образом, при помощи теоретических конструктов «этнокультурное многообразие», «этнокультурное разнообразие» и «этнокультурное однообразие» можно анализировать сложные, противоречивые, разнонаправленные этнические процессы в современных обществах. Одновременно эти конструкты позволяют описать сложность идентичности и идентификации личности.

Исходя из социокультурного подхода, основывающегося на триаде П. Сорокина «социум, культура, личность», мы различаем три типа идентичности личности: социальную идентичность – тождественность с различными социальными группами (принадлежности или референтными); культурную идентичность – тождественность с ценностно-нормативными системами; самоидентичность – тождественность с собственной индивидуальностью. Эти три типа идентичности могут быть выделены не только аналитически. В условиях динамичных социальных трансформаций неизбежны разрывы между социальными, культурными и личностными изменениями. Идентичность личности перестает быть синкретической, она формируется в трех не во всем совпадающих ипостасях. Этническая идентичность, например, выступает как отождествление личностью и с этнической группой, и с определенной этнической культурой, и как определение на основе своих индивидуальных качеств принадлежность к той или иной этнической группе и культуре. При этом идентификация с этнической группой вовсе не предполагает аналогичную идентификацию с соответствующей этнической культурой. В качестве культуры-идентификатора часто выступают язык, традиции, символические системы иного этноса. В условиях социокультурной дифференциации общества становятся явно различимыми социальный, культурный и личностный аспекты этнической идентичности.

Множественность и сложность этнокультурной идентификации личности можно описать в рамках типовых переменных Т. Парсонса. В главе «Этническая идентичность молодежи: от интолерантности к диалогу между «Я», «Мы» и «Они» настоящей монографии мы показываем этническую идентичность молодежи в контексте переменных «ориентация на себя – ориентация на группу», «предписанное – достигнутое». Здесь дадим лишь общие выводы. Во-первых, в российской и этнической идентичности молодежи, в отличие от ее семейной идентичности, преобладает ориентация на себя, на «Я». Это связано с ростом автономности личности от социальных систем. Чем «слабее» (по выражению М. Грановеттера) социальные связи (опосредованные связи с различными субъектами), тем в большей степени приобретает значение «Я». Множественность этнической идентичности мы видим в том, что половина респондентов ее определяют на соотносительности «Я» и «Мы».

Во-вторых, этническая идентичность конструируется индивидом по двум типам признаков – предписанным (независящих от индивида) и приобретенным (достигнутым самим индивидом). Показателями этих

признаков в нашем исследовании в 5 субъектах РФ в 2020 году в рамках программы «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» наибольшая доля респондентов выделяет (74-84% в разных регионах) такой фактор своей этнической идентичности, как этническая идентичность своих родителей. Также значительна доля респондентов, для которых антропологические признаки (черты внешнего облика) являются значимыми в этнической идентификации (от 44 до 54% в разных регионах). Указываются такие факторы, как место жительства на исторической родине этноса (39-65%), общее историческое прошлое (21-42%). Приобретенные (достигнутые) признаки этнической идентификации (усвоенная этническая культура, соблюдение традиций, отмечание праздников, мышление и говорение на языке этничности, общие черты этнического характера) хотя и являются для респондентов значимыми (от 20 до 58% по разным признакам), в целом они в совокупности уступают представлениям о предписанной этнической идентичности. В то же время мы не видим полярных, дихотомических оценок по этим двум переменным. Подавляющее большинство отмечает одновременно те или иные конструкты и предписанной, и приобретенной этнической идентичности. Из этого можем делать вывод о том, что в конструировании своей этнической идентичности большинство респондентов синтезирует эти две переменные.

В другой главе настоящей монографии «Евразийская культура в межкультурной дистанции» мы показываем, что российская культура для большинства молодых респондентов представляется как синтез партикуляризма (в том числе этнической культуры) и универсализма (в том числе общечеловеческого).

Социальный аспект этнической идентичности характеризуется, как правило, партикуляризмом. Дети в семьях, основанных на межэтническом браке, определяют в большинстве своем не две, а одну свою этническую идентичность. В опросах некоторые респонденты указывают свою двойственную этническую принадлежность, но это не представляет общую тенденцию. Что касается культурного аспекта этнической идентичности, то для него больше характерен универсализм. Если индивид по национальности своих родителей однозначно относит себя к одной конкретной этничности, то, тем не менее, инкультурация не может замыкаться в рамках одной этничности. В процессе формирования личность «вбирает» в себя художественные, нравственные, политические, экономические ценности не только «иных» народов, но и надэтнические универсалии.

Более того, культурная составляющая этнической идентичности в условиях интенсивной социальной мобильности, межкультурной коммуникации начинает играть большую роль, чем идентичность по этничности родителей, непосредственному этническому окружению. Что касается этнического самоопределения личности, то оно является уникальным, индивидуальным синтезом социального и культурного аспектов этнической идентичности.

Таким образом, этническая идентичность в условиях этнокультурного многообразия приобретает характер множественности и сложности. Мы такую идентичность обозначаем как многомерную, в противоположность одномерной этнической идентичности (перефразируя известный термин Г. Маркузе). Одномерность этнической идентичности выражается в том, что она конструируется на одном измерении, на одном признаке (предписанного или приобретенного, универсального или партикулярного, индивидуального или социального). Многомерность как проявление сложности и множественности проявляет себя в конструировании этнической идентичности в том, что индивид ориентируется на ряд взаимосвязанных измерений. Такими измерениями этнической идентичности являются социальное, культурное и индивидуальное; «Я», «Мы», «Они»; микро-, мезо- и макроуровни социокультурной среды.

Рассмотрим некоторые аспекты многомерности в этнической идентификации на основе наших исследований, проведенных в 2021 году в рамках проекта «Социальное конструирование «родной язык» и «проблема сохранения родного языка» в молодежной среде Башкортостана» (N=1000 респондентов от 16 по 30 лет по районированной выборке с последующим случайным отбором). Далее в главе приводятся данные этого проекта. Сначала представим этнический состав респондентов:

Таблица 2

Этническая идентичность респондентов (в%)

Этническая принадлежность	Доля респондентов
Русские	31,1
Башкиры	26,6
Татары	21,8
Белорусы	0,2
Украинцы	1,0
Марийцы	2,9

Продолжение таблицы 2

Этническая принадлежность	Доля респондентов
Мордва	0,5
Удмурты	0,7
Чуваши	2,0
Двойная идентичность, включая русскую	9,9
Двойная идентичность, исключая русскую	3,2
Другие	0,1

Обратим внимание на то, что 13,1 процентов респондентов указали на свою двойную (а некоторые и на тройную) этническую идентичность, что представляет особый исследовательский интерес.

Ведущим фактором конструирования этнической идентификации в молодежной среде является представления о том, что этническая принадлежность определяется этничностью родителей.

Таблица 3

Отношение к суждению «Я отношу себя именно к этой национальности (национальностям), потому что мои родители – представители этой национальности (национальностей)», (в%)

Степени значимости	первостепенное	второстепенное	третьестепенное	не имеет значения
русские	76,2	13,8	2,3	7,7
башкиры	91,7	5,3	1,1	1,9
татары	86,3	8,7	1,8	3,2
другие	70,3	14,9	6,7	8,1
двойная идентичность	75,6	16,0	3,8	4,6

Определение своей этнической идентичности молодыми людьми устанавливается главным образом в виде конструирования «Я человек такой-то национальности, потому что у меня родители такой национальности». Этому аскриптивному конструкту придают первостепенное значение подавляющее большинство респондентов всех этнических идентичностей – от 70 до 92%. Наиболее ярко приверженность к такому конструированию этничности проявляют башкиры и татары.

Сравнительный анализ данных об этнической идентичности родителей респондентов и самих респондентов показывает, что этническая идентичность определяется и по обоим родителям, и по одному из родителей. Приведенные в таблице данные показывают, что

у респондентов одинарной этнической идентичности от 20 до 54 процентов – родители разной этнической идентичности. Это говорит о том, что среди тех, кто однозначно устанавливает свою этническую идентичность (как русские, как башкиры и т.д.), ориентируется на этничность только одного из родителей. Это может быть связано с различными установками и мотивами респондентов – языковой идентичностью, культурной идентификацией, патриархальными представлениями об этнической идентичности.

Еще больший интерес представляют данные по двойной идентичности респондентов. Они говорят о том, что те, кто указывает свою двойную (некоторые и тройную) идентичность, не во всех случаях ориентируются на этничность своих родителей. Так, среди респондентов, указавших свою идентичность как «русские-башкиры», «русские-татары», «башкиры-татары», «русские-чуваши», «русские-марийцы» и т.п., от 14 до 23 процентов родители являются представителями одной и той же этничности. Следовательно, эти респонденты в определении своей «дополнительной» этнической идентичности ориентируются на иные факторы, связанные с языком и культурой другого этноса.

Таблица 4

Соотношение этнической идентичности респондентов и этнической идентичности родителей

Этническая идентичность респондентов		Этническая идентичность родителей	
		Одинаковая	Разная
Одинарная идентичность	Русские	69,7	30,3
	Башкиры	79,2	20,8
	Татары	76,5	23,5
	Другие	46,0	54,0
Двойная (тройная) идентичность	Русские/башкиры	22,2	77,8
	Русские/татары	23,1	76,9
	Башкиры/татары	14,3	85,7
	Другие	17,9	82,1
Всего с двойной идентичностью		16,5	83,5
Всего		64,8	34,7

Рассмотрим особенности конструирования этнической идентичности детей в семьях, в которых родители являются представителями разных этносов. Респондентам было предложено определить свое отношение к ситуации с определением этничности

детей в семьях, основанных на межэтническом браке. Вопрос был сформулирован таким образом: «Одни считают, что национальность детей в межнациональных семьях следует определить по отцу. Другие считают, что национальность детей нужно определить по матери. Третьи полагают, что у детей в таких семьях должна быть двойная национальность. Четвертые думают, что родители сами должны выбрать одну из национальностей. Пятые считают, что национальность детей не надо определять, став взрослыми, они сами разберутся, какой они национальности. Какое суждение Вам представляется более обоснованным?». Ответы распределились следующим образом (таблица 5).

Таблица 5

**Как определить этничность детей в семьях, основанных на
межэтническом браке? (в%)**

Определение этничности детей	Всего	По полу		
		Мужской	Женский	
По отцу	26,7	30,8	23,9	
По матери	5,7	5,6	5,7	
Двойко – по отцу и матери	23,5	24,7	22,7	
По выбору родителей	5,8	5,4	6,1	
По выбору самих детей	24,6	20,3	27,6	
Затруднились ответить	13,7	13,2	14,0	
По возрасту				
	16-18	19-21	22-25	26-30
По отцу	20,8	22,7	25,1	33,5
По матери	5,7	4,8	7,2	5,0
Двойко – по отцу и матери	25,5	25,9	24,7	20,0
По выбору родителей	6,8	4,8	4,7	6,8
По выбору самих детей	23,0	29,1	24,7	22,9
Затруднились ответить	18,2	12,7	13,6	11,8
По месту жительства				
	Уфа	Другие города РБ		Село
По отцу	24,0	24,7		33,0
По матери	5,2	7,1		5,0
Двойко – по отцу и матери	22,9	27,5		20,4
По выбору родителей	5,9	5,0		6,5
По выбору самих детей	28,1	21,4		22,2
Затруднились ответить	13,9	14,3		12,9

Самыми распространенными представлениями являются определения «по отцу», «по отцу и матери», по выбору самих (взрослых) детей». Такие варианты, как определение по этничности матери и по выбору самих родителей, устраивают немногих респондентов. Таким образом, этничность отцов и матерей имеет совершенно разное значение в процессе этнической идентификации детей. В основе этих различий находятся разные причины.

Во-первых, патриархальные нормы и ценности и в современном обществе являются достаточно устойчивыми. За редким исключением, у разных народов социальный статус детей, включая этническую, конфессиональную, сословную и т.д. принадлежность, определялся по отцу. Эти традиционные представления сохраняются в определенной степени и сегодня. Это подтверждается, в частности тем, что не только 5,7% респондентов-девушек считают, что этничность надо определить по материнской линии. Во-вторых, это традиция «передачи» детям фамилии и отчества по отцу. А имя (в том числе фамилия, отчество) играют немаловажную роль в идентификационных процессах¹. Имя и отчество в большинстве случаев ассоциируется с определенными этносами, поэтому через имя, фамилия и отчество определенная часть индивидов устанавливает и свою этническую идентичность.

Как видно по таблице, варианта определения этничности детей по отцу придерживаются в большей степени респонденты в возрасте 26-30 лет (значительная часть которых, вероятно, имеет своих детей), сельские жители, что также обусловлено большей приверженностью традициям.

Определение двойной идентичности – по отцу и матери – является таким же распространённым представлением, как и первое. При этом каких-либо существенных различий в выборе этого варианта по полу, возрасту и месту жительства респондентов не прослеживается. С одной стороны, это говорит о тенденции к гендерному равноправию, к признанию разной этничности как ценности. С другой стороны, это вариант ответа, как и первый, связан с представлением о предписанном, унаследованном характере этнической идентичности. Действительно, многие, кто определяет свою этническую идентичность как двоякую, ориентируются на этничность родителей, но не на собственный выбор. Особенно это характерно для подросткового и юношеского возраста, в котором еще не завершены процессы индивидуализации, самоопределения, самоидентификации личности.

---

¹ Гарагуля С.И. Имя личное как знак идентичности индивида // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.9. 2007. Вып.4. Ч.П. С. 107-114.

Представления о том, что этническая идентичность устанавливается родителями (по отцу, по матери, по обоим родителям, по выбору родителей), основаны на представлениях о ее предписанном, наследуемом характере. В совокупности таких представлений придерживается большая часть молодых респондентов – 62 процента. Вариант «по выбору самих детей, когда они станут взрослыми» - основан на представлениях о приобретенном, а не наследуемом характере этнической идентичности. Респондентов, придерживающихся об этнической идентичности как результата самоопределения личности, несколько больше среди девушек и жителей мегаполиса. Несмотря на то, что только каждый четвертый респондент считает, что этническая идентичность должна быть результатом самоопределения личности, это говорит об определенной тенденции в идентификационных процессах, и не только в плане этнической идентификации.

Рассмотрим распределение ответов респондентов разной этнической идентичности на этот вопрос (таблица 6).

Таблица 6

Определение этничности детей в межетнической семье (в%)

	Одинарные идентичности				Двойная идентичность	
	Русские	Башкиры	Татары	Другие	В т.ч. русская	Кроме русской
По отцу	19,9	39,8	26,1	27,0	17,2	15,6
По матери	2,6	6,0	10,1	9,4	3,0	3,1
Двойка – по отцу и матери	21,2	22,6	21,1	25,7	36,4	25,0
По выбору родителей	6,1	5,3	6,9	6,8	4,0	3,1
По выбору самих детей	31,2	15,4	22,5	20,3	30,3	43,8
Затруднились ответить	19,0	10,9	13,3	10,8	9,1	9,4

Для определенной части респондентов одинарной идентичности вопрос о том, каким образом определить этничность детей, если родители – разной идентичности, не является праздным. Как отмечалось выше, среди тех респондентов, которые однозначно относит себя к русским, по крайней мере, один из родителей не является русским (таковых – 30%). Разную этническую идентичность родителей указали 21% респондентов башкирской идентичности, 24% -

татарской идентичности, 54% - других одинарных идентичностей. Следовательно, данная ситуация касается собственной биографии таких респондентов. Возможны разные мотивы определения ими своей этнической идентичности – по этнической идентичности одного из родителей, по большей близости одной из этнических культур, по языковой идентичности, под влиянием мнения окружающих, по доминирующему в среде общения языку и т.д. Однако в любом случае, когда в анкете такие респонденты указывают свою этничность, они это делают по своему усмотрению, по собственному выбору. Соотношение одинаковости или различности этничности родителей респондентов в значительной мере определяют и их ответы на заданный вопрос. Наименьшее значение такому варианту ответа, как «по выбору самих детей», придадут респонденты башкирской идентичности, в большей мере – респонденты русской, татарской и других идентичностей, среди которых, как уже отметили, больше представителей семей, основанных на межэтническом браке.

Если большая часть представителей одинарной идентичности могут относиться к рассматриваемой ситуации стороне, или к как возможной в будущем ситуации в своей семье, то к респондентам двойной идентичности, среди которых у 77-85 процентов родители являются представителями разной идентичности, эта ситуация имеет непосредственное отношение. Первое, что обращает внимание на себя, это то, сторонников «отцовского» варианта (как, впрочем, и «материнского» варианта) среди этих респондентов существенно меньше. Среди респондентов двойной идентичности, одной из которых является русская, больше, чем среди других, представляется правильным определение двойной идентичности – по отцу и матери. Среди респондентов двойной идентичности при отсутствии русской идентичности наиболее приемлемым вариантом является вариант «по выбору самих детей».

Определение этнической идентичности одинарного (единственного) типа связано с традиционными представлениями о том, что у человека может быть только одна национальность. Даже если родители являются представителями разных народов. Эти представления связаны с «сильными» (непосредственными) связями индивида со своим этносом, с моно-язычным характером общения, с практиками этнической солидарности, взаимной поддержки. По мере того, как возрастает значение «слабых» (опосредованных, отдаленных) связей индивидов в деловой, духовной, информационной сферах, представления о единственности этнической идентичности подвергаются сомнению или отрицанию. В этнически замкнутом

пространстве социализация и инкультурация человека не выходит за пределы этносоциальной и этнокультурной границы. В многообразном этнокультурном и этносоциальном мире этническая социализация и этническая инкультурация выходят за пределы этничности даже в случае, если сам индивид, оба его родителя являются представителями одной и той же этничности. В связи с этим традиционное представление о единственности этнической идентичности подвергается сомнению, хотя и остается доминирующим.

Для проверки гипотезы о том, что этническая идентификация утрачивает свои этнически однообразные черты и приобретает черты этнического многообразия, мы респондентам задали вопрос в виде отрывка письма одного респондента на открытый вопрос: *Один наш собеседник написал в анкете: «У меня родители и прародители родом из одного народа. Но правильно ли считать меня человеком только одной национальности, если я умею говорить на других языках, душевными являются песни разных народов; если я воспитан художественной литературой писателей разных национальностей; если мои лучшие друзья – других национальностей; если я чувствую родственные чувства и к другим народам? Я полагаю, что я – одновременно человек национальности моих предков и многонациональный человек». Вы можете отнести себя к такому «многонациональному» человеку?».*

Варианты ответов были сформулированы следующим образом: 1) Нет, у меня только одна национальность; 2) Частично да, что мои родители – разных национальностей, но к другим себя не отношу; 3) В чем-то согласен, но все же моя национальность является самой главной; 4) Согласен, я человек действительно многонациональный; 5) Затрудняюсь ответить. В таблицах приведем сокращенные формулировки этих ответов: 1) нет, одна национальность; 2) частично да, родители разной национальности, но к другим не отношу; 3) в чем-то согласен, но моя национальность – главная; 4) да, я – многонациональный человек.

Таблица 7

Относят ли себя к «многонациональному» человеку (по полу и возрасту респондентов), в %

Варианты ответа	Всего	Муж.	Жен.	
Нет, одна национальность	44,3	48,7	41,3	
Частично да, что мои родители – разных национальностей, но к другим себя не отношу	16,3	14,9	17,3	
В чем-то согласен, но моя национальность главная	13,1	13,7	12,7	
Да, я – многонациональный человек	9,8	7,6	11,3	
Затрудняюсь ответить	16,3	14,7	17,4	
Варианты ответа	Возраст			
	16-18	19-21	22-25	26-30
Нет, одна национальность	41,1	34,4	43,0	52,7
Частично да, что мои родители – разных национальностей, но к другим себя не отношу	16,1	22,8	16,5	12,6
В чем-то согласен, но моя национальность главная	11,5	16,4	12,9	12,4
Да, я – многонациональный человек	9,4	11,1	11,1	8,2
Затрудняюсь ответить	21,9	15,3	16,5	13,5

Таблица 8

Относят ли себя к «многонациональному» человеку (по месту жительства респондентов), в %

Варианты ответа	Место жительства		
	Уфа	Другие города РБ	Село
Нет, одна национальность	40,6	46,4	48,0
Частично да, что мои родители – разных национальностей, но к другим себя не отношу	16,3	17,8	14,7
В чем-то согласен, но моя национальность главная	12,5	11,8	15,4
Да, я – многонациональный человек	10,4	10,0	8,6
Затрудняюсь ответить	20,2	13,2	13,3

Таблица 9

Относят ли себя к «многонациональному» человеку (по этнической идентичности респондентов), в %

Вариант ответа	Русские	Башкиры	Татары	Другие	Двойная идентичность, включая русскую	Двойная идентичность, за исключением русской
Нет, одна национальность	50,5	53,4	50,5	31,1	7,1	12,5
Частично да, что мои родители – разных национальностей, но к другим себя не отношу	9,9	11,6	14,7	21,6	41,4	37,5
В чем-то согласен, но моя национальность главная	11,9	10,9	13,3	17,6	14,1	28,1
Да, я – многонациональный человек	8,4	7,9	9,6	17,6	15,2	6,3
Затрудняюсь ответить	19,3	15,8	11,9	10,8	22,2	15,6

Одномерность этнической идентичности основана на представлениях о наследуемом, предписанном ее характере. Свою одну, две или более идентичности многие респонденты указывают по признаку этничности своих родителей. Следовательно, ими исключается идентификация с теми этносами, с которыми не связаны с кровнородственными отношениями. Респонденты, этническая идентичность которых ограничивается только этно-социальной принадлежностью, среди всех опрошенных составляют 60 процентов. Существенных различий по полу и возрасту респондентов не обнаруживается. Кредо такой позиции высказано одним из наших респондентов так: *«У меня только одна национальность. Симпатии к другим культурам – это естественное явление, невозможно находить привлекательной только свою национальность, но возможно относить себя только к одной».*

Промежуточный вариант – признание собственной этничности самой главной при допущении учета не только национальности родителей, но и других факторов – является приемлемым для 13 процентов респондентов. Этно-социальная принадлежность (в данном случае, к семье) является базовой, а культурные (включая культуры других народов) – периферийной при определении этнической идентичности.

Вариант ответа «согласен, я человек действительно многонациональный» разделяет каждый десятый респондент. Такой «многонациональный человек», хотя среди всех респондентов представлен меньше, чем остальные, «присутствует» во всех демографических и этнических группах примерно равномерно. То, что каждый десятый молодой человек может быть определен как этнически многомерный человек, не исключает их этническую идентичность. Но эта идентичность приобретает более универсальный, переходящий границы одной этнокультурной системы, характер. Является ли это тенденцией? Трудно об этом судить, для этого нужно лонгитюдные исследования. Но, по крайней мере, мы можем говорить о существовании такого явления.

В заключение – о терминах. Сложную идентичность в научной литературе определяют как результат идентификации индивида с множеством социальных общностей – начиная с микро-общностей и завершая социетальной общностью. Заметим, что современный человек по «набору» своих идентичностей не бывает «простым», у него в той или иной форме и в той или иной степени есть и этническая, и региональная, и поселенческая, и этническая, и общегражданская идентичность. Но сама по себе такая идентичность не является сложной, если они не объединены в одну систему. Такая «сложная» идентичность на самом деле может быть набором мало связанных между собой идентичностей, не имеющих общей основы. Мы бы определили такую идентичность как разнородную.

Если мы говорим о сложной этнической идентичности, то и здесь речь не идет о том, что индивид устанавливает свое тождество с двумя и более этносами. Некоторые подходят к определению своей этнической идентичности чисто арифметически («у моих родителей – разные национальности, значит, у меня две национальности»; «у меня папа русский, а мама наполовину башкирка и татарка, следовательно, я наполовину русский, по четверти татарин и башкир» и т.п.). Для того, чтобы такая двойная или тройная идентичность было сложной, множественной, необходимо, чтобы человек определял свою этническую идентичность не по долям, а в целом. Сложная

этническая идентичность одновременно и единая (человек считает себя целостной личностью, а не собранным по кусочкам), и множественная (единая в многообразии). Совмещение в человеке разных идентичностей, имеющих разные природу, основания, целесообразнее назвать гибридной идентичностью.

Сложная, многомерная этническая идентичность, с нашей точки зрения, представляет собой интегрированность в одно целое различных качеств индивида, представляющих собой процесс и результат усвоения всего социокультурного, включая этнокультурного многообразия своей социальной среды.

ГЛАВА II

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: ОТ ИНТОЛЕРАНТНОСТИ К ДИАЛОГУ МЕЖДУ «Я», «МЫ» И «ОНИ»¹

Асадуллина Г.Р.

доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, старший научный сотрудник БашГУ, г.Уфа

Садретдинова Э. В.

доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, старший научный сотрудник БашГУ, г.Уфа

Шайхисламов Р.Б.

профессор кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, главный научный сотрудник БашГУ, г.Уфа

Аннотация. В данной главе рассматриваются особенности этнической идентичности молодежи на примере Республики Башкортостан. В основе конструирования этнической идентичности находятся образ «Мы» и «МЫ» – концепция определенной этничности («мы – русские», «мы – татары», «мы – казахи» и т.д.). Образ и концепция этноса в конструировании этнической идентичности являются объектом социального сравнения, с одной стороны, с образом «Я» и «Я» – концепцией, с другой стороны, с образом «Они» («Другие») и «Они» – концепцией. Двойное различие, осуществляемое в процессе этнической идентификации, может находиться в интервале от полного тождества («Я» = «Мы», «Мы» = «Они») до полного несходства («Я» – не «Мы», «Мы» – не «Они»). Анализ различий молодежью образов и концепций «Я – Мы – Они» позволяет не просто устанавливать факт идентификации с определенным этносом (этнотипами), но и определить типы, формы, уровни этнической идентичности.

---

¹ Глава выполнена в рамках программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг. по проекту «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог».

Ключевые слова: этническая идентичность, молодежь, образ «Я», «Я» – концепция, образ «Мы», «Мы» – концепция, тотальная идентичность, доминирующая идентичность, равновесная идентичность, позитивная этническая идентичность, этно-индифферентность, этно-нигилизм, этно-эгоизм, этно-изоляция, этно-фанатизм.

Глава написана на основе данных исследовательских проектов:

«Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере РБ) при финансовой поддержке РФФИ; стандартизированное интервьюирование по систематической выборке среди жителей старше 18 лет Республики Башкортостан в 2016 году, 1000 респондентов;

«Информационные события в конструировании образа России в системе «Я» – и «Мы» – концепций поколений Y и Z» при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ, стандартизированное интервьюирование по районированной выборке с последующим случайным отбором молодежи (16-30 лет); 1000 респондентов;

«Молодежь в межкультурных коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» в рамках программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг., стандартизированное интервьюирование молодежи от 14 до 35 лет по систематической выборке в Республиках Башкортостан и Татарстан, Алтайском крае, Тюменской и Белгородской областях в 2020 году, 4000 респондентов.

Образ «Я», «Я» – концепция – из числа наиболее популярных в западной социальной психологии терминов (Р. Бернс, Ч. Кули, Э. Эриксон и другие). В отечественной литературе внимание этим формам самопознания и самооценки человека уделяется гораздо меньше. Например, поиск работ с ключевым понятием «Я-концепция» в различных базах данных дает ограниченный результат – не более 10-15 работ. Практически во всех этих работах отождествляется «Я» – концепция и образ «Я», что методологически неприемлемо. Образ «Я» является результатом чувственного самопознания (восприятия и представления себя). «Я» – концепция – это форма рационального самопознания, соответственно, изучение «Я» – концепции предполагает анализ не образов (картинок), а понятий, суждений и умозаключений.

Что касается «Мы» – концепции, то отсутствует ее теоретико-методологическая разработка как в отечественной, так и зарубежной

научной литературе. Проблематика «Мы» – концепции находится лишь в самом начале научного становления. Анализ отечественной литературы показывает отсутствие, за редким исключением¹, работ, посвященных анализу «Мы» – концепции и образу «Мы». В этих работах «Мы» – концепция также понимается как интеграция образов и представлений группы о самой себе как едином субъекте, т.е. как образ «Мы».

Мы исходим из того, что «Я» – концепция и «Мы» – концепция представляет собой не образы, картинки, а понятия – необразные, отраженные и конструированные в вербальной форме общие и существенные свойства различных референтных и нереферентных групп. Поэтому и исследование «Я» и «Мы» – концепций строится на воспроизведении и реконструировании суждений респондентов. Изучение разных типов, форм, уровней этнической идентичности на основе образов и концепций «Я» и «Мы» является новым подходом в социологической и социально-психологической литературе.

Социокультурная идентификация является внутренне противоречивым процессом, производным от противоречий социокультурной дифференциации общества. С одной стороны, личность стремится к автономности от социальных и культурных систем, к определению своей уникальности, неповторимости. С другой стороны, в каждом человеке есть потребность в социальной принадлежности. Соотношение между автономностью и социальной принадлежностью (в нашем случае – этнической принадлежностью) в идентичности может быть различным. Условно можно выделить следующие характеристики идентичности.

Первая – *«тотальное Мы»* («Я» мыслится полностью в рамках «Мы», формулировка в анкете – «Мое «Я» без «Мы» просто не существует»).

Вторая – *«доминирующее Мы»* (относительная автономность при решающей роли социальной принадлежности; формулировка – «Для меня «Мы» на первом месте, «Я» – на втором месте»).

Третья – *равновесные «Я» и «Мы»* (*индивидуальная и групповая идентичности равнозначны («Для меня одинаково важны и «Я», и*

---

¹ Шевченко Н.А. К вопросу о структуре Мы-концепции личности и группы // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева. М., 2020. С. 553-556; Багичева Н.В., Чикаева Т.А. «Свиток, на котором отмечены все тайны бытия»: Архетипы Родины-матери в русском менталитете // Филологический класс. 2017. №3 (49). С.34-40; Postnikova Y. (2018). The Archetype of the Motherland in Modern Political Discourse (Aleksandr Prokhanov vs Dmitry Bykov). Quaestio Rossica, Vol. 6. № 4, 1174–1187.

«Мы»).

Четвертая – «доминирующее «Я» (групповая идентичность является второстепенной, «Я» мыслится как самостоятельная сущность, хотя и связанная с «Мы», формулировка - «Главное – это Я сам, а МЫ имеет второстепенное значение»).

Пятая – «тотальное «Я», или «номинальное Мы» («Мы» рассматривается индивидом исключительно как номинальная общность, связь между «Я» и «Мы» условна, формулировка; формулировка в анкете «Для меня это формальность, мое «Я» фактически не связано с этой группой»).

На основе такой типологии нами был разработан инструментарий измерения разных типов социальной идентичности (с семьей, родственниками, друзьями, городом/селом, регионом, этносом, конфессией, россиянами).

В таблице 1 мы рассмотрим типы этнической идентичности.

Таблица 1

Типы этнической идентичности среди молодежи (в%)*

Типы идентичности	Тотальное «Я»	Доминирующее «Я»	Равновесные «Я» и «Мы»	Доминирующее «Мы»	Тотальное «Мы»	Загрузились только ответить
всего	31,6	24,9	23,9	4,3	5,3	10,0
русские	34,6	25,6	23,2	4,6	3,1	9,0
башкиры	24,9	24,9	27,7	3,2	8,3	11,1
татары	31,6	25,3	21,0	4,2	5,8	11,6

*Данные исследования по проекту «Информационные события в конструировании образа России в системе «Я»- и «Мы» -концепций поколений Y и Z, 2021 год.

Тотальная «Я» – этническая идентичность, хотя и не превышает трети респондентов, является преобладающей среди молодежи. Вторым по доле респондентов является тип этнической идентичности «доминирующее «Я» – они составляют в целом по четверть опрошенных молодых людей. Чуть меньше доля респондентов, чья этническая идентичности характеризуются равновесием между «Я» и «Мы». Указанные три типа идентичности характеризуют степень автономности личности в отношении этнической группы – полной, преобладающей и равновесной.

То, что «Я» в социальном восприятии молодежи не «растворяется» в «Мы», не требуют особых комментариев. Социокультурная дифференциация обусловлена историческим типом

общества. В традиционном обществе социальная система, культура и личность существуют как слитное, неразличимое целое. Социальные отношения практически полностью контролируются существующими нормами и ценностями в виде традиций. Личностный смысл полностью поглощается этими традициями. В этих условиях личность полностью, практически абсолютно отождествляет себя с социальной группой. «Я» растворяется в «Мы» и не существует как самостоятельное представление о самом себе. Это – человек традиции: «Я» полностью отождествляется с образом «правильного» человека. В результате и не существует «Я» вне социальной и культурной моделей личности. Соответственно, и социокультурная идентификация личности является слитным, непротиворечивым процессом. В современном обществе личность, социальные системы и культура, хотя и образуют единую систему, в то же время они относительно автономны.

Но одно дело автономность личности, социальных систем и культуры, другое дело – их разорванность. Тотальное «Я» – это состояние отчужденности человека в социальной и культурной среде. То, что для трети молодежи этническая идентичность является чисто номинальной (формальной, условной), говорит о существовании достаточно серьезных проблем в идентификационных процессах в молодежной среде. Если исходить из того, что тип «тотальное Я» нельзя считать реальной, настоящей социальной идентичностью, то действительно идентифицируют себя в той или иной степени с этнической группой примерно 70% молодых респондентов.

Что касается доминирования социальной идентичности над самоидентичностью (доминирующее и тотальное «Мы»), то оно присуще примерно десятой части респондентов. Одна половина из этих респондентов полностью идентифицирует себя с этнической группой («Я» растворяется в «Мы»), другая половина отдает предпочтение «Мы» – идентичности. Несколько отличается в плане тотальной «Мы» – идентичности респонденты башкирской идентичности, но это нельзя назвать значимым отличием. То, что меньшая часть респондентов на первое место в идентификационной матрице ставят «Мы», обусловлено, как отмечалось выше, значимостью автономности личности. Тотальное «Мы» преобладает лишь в идентификации респондентов со своей семьей и родственниками (соответственно три четверти и половина). Доминирующее «Мы» более присуще идентификации с друзьями. В отношении «дальних» социальных общностей (города, села, региона, профессии, поколения, этноса, конфессии и других) доминирующая и тотальная «Мы» –

идентичность» присуща меньшинству респондентов.

Образ «Мы» в контексте этнической идентификации может быть наполнен разными чертами – положительными, отрицательными, нейтральными. Идеализированный образ этничности, как правило, конструируется в тех случаях, когда у индивида мало опыта межэтнического общения для сравнения информации о характере представителей разной этничности. Стереотипный образ «Они» и идеализированный образ «Мы» взаимно обуславливают друг друга. Критический образ «Мы» как результат социального сравнения является психологическим барьером для этно-фанатизма.

В целях изучения образов «Я» и «Мы» в молодежной среде мы использовали метод семантического дифференциала. Респондентам было предложено оценить проявление парных противоположных качеств – собственных и представителей своей этничности по шкалам: максимальное проявление (+3 балла), среднее проявление (+2 балла), слабое проявление (+1 балл) по положительным качествам, и по отрицательным качествам – максимальное проявление (-3 балла), среднее проявление (-2 балла), слабое проявление (-1 балл); отсутствие качества (положительного и отрицательного) оценивалось в 0 баллов. В таблице 2 приведены данные самооценок и оценок представителей своей этничности (респондентам, кроме этого, было предложено оценить качества своих сверстников и россиян).

Таблица 2

Каким Вы представляете себя и людей своей национальности?* (в средних баллах)

<i>Оцениваемые качества</i>	<i>Образ «Я»</i>	<i>Образ «Мы –люди моей национальности»</i>
дисциплинированный	1,2	0,6
демократичный	1,0	0,6
активный	0,6	0,65
энергичный	0,9	0,8
деловой	0,5	0,4
жизнерадостный	1,1	0,8
справедливый	1,5	0,6
надеется на себя	1,4	0,5
богатый	0,1	0,1
передовой	1,0	0,45
ответственный	1,4	0,5
умный	1,1	0,65

*Данные исследования по проекту «Информационные события в конструировании образа России в системе «Я» - и «Мы» -концепций

Как видно по данным, приведенным в таблице, подавляющим большинством молодых людей образ своего этноса не идеализируется: хотя и все приписываемые ему черты оцениваются в целом как положительные (со знаком +), сами эти оценки располагаются в интервале между шкалами «слабое проявление» и «отсутствие черт». Такое отношение к представителям своей этничности является достаточно критическим. Умеренные оценки молодыми людьми черт людей своей этничности определяются рядом факторов. У подавляющего большинства молодежи общение, учеба, работа не замыкается в этническом круге. Интенсивность межэтнического общения способствует ослаблению стереотипного восприятия людей своей и другой этничности, в том числе этноцентризма. Образы представителей своей и другой этничности перестают быть однообразными и становятся более дифференцированными, многообразными. «Все познается в сравнении»: чем больше представлений о людях другой этничности, тем в большей степени индивиды могут различать положительные и негативные черты людей своей этничности.

По таблице мы также видим, что образ «Я» оценивается по перечисленным чертам выше, чем образ своей этничности. С одной стороны, большинству людей свойственно причислять себя к числу лучших представителей социума. С другой стороны, образ «Я» формируется в виде сравнения не только с образом своей этничности, но и с другими этническими образами. Тем самым социальное сравнение, на основе которого конструируется этническая идентичность, утрачивает характер однообразия (когда объектом сравнения является только свой этнос) и разнообразия (на основе контраста образов своей и другой этничности). Теснота и интенсивность межэтнического общения в молодежной среде способствует становлению многообразного конструирования этнической идентичности.

В социальной психологии принято обозначать четыре основных типа социальной перцепции (восприятия, создания образов) – идентификация, стереотипизация, рефлексия и эмпатия. Если стереотипизация характеризуется восприятием представителя определенного социума через призму обобщенного образа этого социума, то идентификация является способом восприятия другого индивида или социума путем сравнения с образом «Я». При этом последний является, как правило, более привлекательным, чем образы

не только «Он», «Они», но и «Мы». Проявление механизма идентификации восприятия в нашем случае мы видим в том, что представления респондентов о себе говорят о достаточно низком уровне их самооценки: по большинству оцениваемых черт они располагаются в интервале между шкалами «слабое проявление» и «средне-слабое проявление». Как мы полагаем, низкий уровень самооценки в значительной степени определял и низкий уровень оценки черт представителей своего этноса.

Поскольку самооценка и оценка других, согласно формуле У. Джемса, прямо пропорциональна успехам и обратно пропорциональна уровню притязаний, мы измеряли уровень испытанных респондентами в 2020 году: а) чувств гордости – за собственные успехи и достижения и за успехи и достижения представителей своей этничности; б) переживаний за собственные ошибки и неудачи и за ошибки и неудачи представителей своей этничности. Респондентам было предложено оценить выраженность этих двух чувств – гордости и переживаний – в баллах от 1 до 10.

Таблица 3

Испытывали в 2020 году чувства гордости и переживания* (в средних баллах)

гордость за собственные успехи и достижения	7,0	переживания за собственные ошибки и неудачи	7,3
гордость за успехи и достижения людей своей национальности	6,2	переживания за ошибки и неудачи людей своей национальности	5,3

*Данные исследования по проекту «Информационные события в конструировании образа России в системе «Я»- и «Мы» -концепций поколений Y и Z», 2021 год.

В самооценках гордость и переживания выражены примерно на одинаковом уровне – выше среднего. В оценках представителей людей своей этничности гордость и переживания менее проявлены. Эти цифры позволяют нам утверждать, что позитивные и негативные чувства, связанные с образом своей этничности, являются сбалансированными, следовательно, молодые люди в целом здравомысляще относятся к представителям своей этничности.

По каким признакам осуществляется в этнической идентификации установление соответствия «Я» и «Мы»? Опрос, проведенный нами в 2020 году среди молодежи в рамках программы фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» в пяти субъектах страны, позволил определить значимость различных факторов (рисунок 1). Мы видим здесь, каким

образом молодежь устанавливает связь между «Я» – концепцией и «Мы» – концепцией.

Рис. 1 Факторы этнической идентичности молодежи*

*Данные исследования «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» в рамках программы «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», 2020, N=4000.

Молодежь первостепенное значение в своем этническом самоопределении придает этничности родителей – от 70 до 85% в разных регионах. Следовательно, основным конструктом этнической идентичности является формула «я = мои родители = мой народ». Этничность представляется подавляющему большинству молодых людей преимущественно как предписанный (аскриптивный) статус. Но в то же время этническая идентичность не рассматривается исключительно как унаследованный социальный признак. Если антропологические, территориальные, исторические характеристики могут респондентами рассматриваться как предписанные, то этническая культура, язык, этнический характер являются приобретенными. Следовательно, установление тождества между «Я» и «Мы – этнос» представляет собой сложную комбинацию предписанных (большей частью – этно-социальных) и приобретенных – этнокультурных – характеристик. В усложняющейся, становящейся многообразности социокультурных процессов этническая

идентичность становится многомерным сочетанием социальных и культурных факторов.

Этническая идентификация как установление тождества «Я» и «Мы», как указывалось выше, является многовариантным – от тотального «Я» при номинальном обозначении «Мы» до тотального «Мы» при номинальном обозначении «Я». Но определение степени тождественности «Я» и «Мы» – это одна сторона этнической идентификации. Другая сторона этого процесса – нахождение сходства-различий между «Мы» (образом и концепцией «Мы – этнос») и «Они» (образом и концепцией других этносов). Эта сторона этнической идентификации также может быть многовариантной – от полного противопоставления «Мы» и «Они» до полного безразличия.

Таблица 4

Предписанные и приобретенные конструкты этнической идентичности* (в%)

	Башкортостан	Татарстан	Алтайский край	Тюменская область	Белгородская область
<i>Предписанные конструкты этнической идентичности</i>					
У нас схожие черты внешнего облика	47,8	26,4	46,0	54,6	44,0
Живу на территории моего народа	39,4	51,6	56,2	54,4	65,2
Имеем общее историческое прошлое	30,0	21,3	30,6	37,0	42,0
У нас общая государственность	18,9	13,5	22,0	26,6	26,6
Мои родители – представители этого народа	83,7	80,8	70,6	74,0	77,0
<i>Приобретенные конструкты этнической идентичности</i>					
Культуру этого народа считаю своей	56,2	47,1	50,0	57,8	53,8
Отмечаю национальные праздники	53,5	40,5	42,0	29,6	50,0
Соблюдаю традиции народа	40,0	36,0	29,8	34,8	43,8
Думаю на языке этого народа	39,6	34,5	58,7	60,6	57,2
Общие черты национального характера	28,3	19,4	28,0	32,4	29,0

**Предписанные и приобретенные конструкторы этнической
идентичности* (в%)**

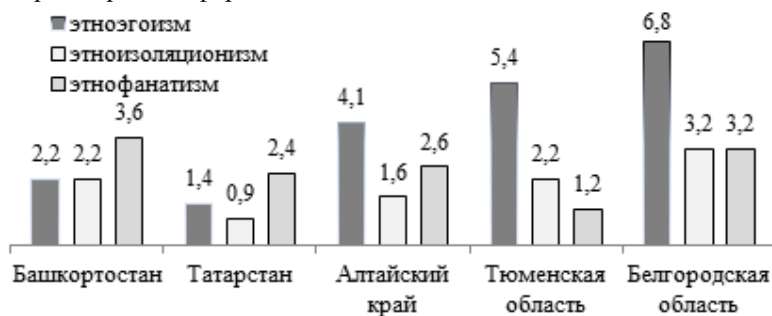
	Башкор тостан	Татар стан	Алтайски й край	Тюменская область	Белгородск ая область
<i>Приобретенные конструкторы этнической идентичности</i>					
Говорю больше на языке народа, хотя думаю другом языке	23,5	18,6	17,3	19,9	17,0
Исповедую религию этого народа	22,9	24,6	23,2	29,2	34,8

*Данные исследования «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» в рамках программы «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», 2020, N=4000. Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

Для измерения различных вариантов мы использовали тест на выявление типов этнической идентичности, разработанный Солдатовой Г.У. и Рыжовой С.В. Данный тест позволяет выявить такие типы идентичности, как гиперидентичность, гипоидентичность и позитивная идентичность. Этническая гиперидентичность проявляется в трех формах – этнозгоизма (восприятия этнической картины через призму концепции «Мой народ», стремление решать проблемы своего этноса за счет других), этноизоляции (ориентация на культурную, языковую, семейно-брачную «чистоту» этноса, установка на превосходство своего народа) и этно-фанатизма (признание приоритета прав этноса над правами личности, установка «цель оправдывает средства»). Этнофанатизм ориентирован на сохранение этнокультурного однообразия и разнообразия. Формы такой этнической идентичности представляют собой социально-психологическую почву для межэтнической нестабильности и конфликтности. Этническая гипоидентичность проявляется как этнонигилизм (отход от этнической идентичности и поиск неэтнических форм идентичности) и этническая индифферентность (неактуальность, размывание, неопределенность этнической идентичности). «Позитивная этническая идентичность представляет собой сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам»¹.

¹ Солдатова Г.У., Рыжова С.В. Типы этнической идентичности // Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл, 2008. С.140-146.

В нашем исследовании по проекту «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» в рамках программы фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и формирование общероссийской идентичности», проведенном в 2020 году в Белгородской и Тюменской областях, республиках Башкортостан и Татарстан, Алтайском крае, мы измерили представленность этих форм этнической идентичности среди молодежи (4100 респондентов в возрасте от 14 до 35 лет). В диаграммах представлены результаты измерения разных форм этнической идентичности.

Рис.2 Этническая гипер-идентичность среди молодежи

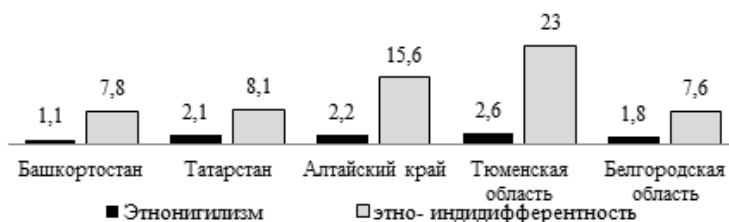
*Данные исследования «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» в рамках программы «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», 2020, N=4000.

Как видим, проявление различных форм этнической гиперидентичности в совокупности характерно от 5 до 13 процентов молодых респондентов. При этом наибольшую долю респондентов этнической гиперидентичности составляют этноэгоисты (за исключением Башкортостана и Татарстана).

Данные свидетельствуют о достаточно низком уровне этнической гиперидентичности в обследованных субъектах. Тяготение к этническому однообразию и разнообразию свойственно незначительной части молодежи всех этнических групп. Однако именно индивиды с подобными формами этнической идентичности могут быть зачинщиками различных конфликтов, а при дестабилизации социальной ситуации – превратиться в лидеров в молодежной среде.

По сравнению с этнической гиперидентичностью гиподентичность может выглядеть безобидной, нейтральной

социально-психологической характеристикой индивидов. Однако отход от этнической идентичности, поиск неэтнических форм идентичности, неактуальность, размывание, неопределенность этнической идентичности может означать не только отрицание этнокультурного однообразия и разнообразия, но и этнокультурного многообразия. Более того, такие формы идентичности могут быть связаны и с размыванием общероссийской идентичности. По сравнению с формами гиперидентичности, этнодифферентность характеризует достаточно значимую долю молодежи.

Рис. 3 Этническая гипoiдентичность среди молодежи

*Данные исследования «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» в рамках программы «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», 2020 год, N=4000.

Что касается позитивной этнической идентичности, то она характерна для абсолютного большинства молодых респондентов во всех указанных субъектах. Такая идентичность и является социально-психологической базой этнокультурного многообразия и позитивной общероссийской идентичности.

Рис.4 Позитивная этническая идентичность среди молодежи

*Данные исследования «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» в рамках программы «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», 2020 год, N=4000.

Преобладание позитивного отношения к собственному и другим этносам является показателем потенциала этнокультурного многообразия как основной тенденции социального развития регионов. Именно позитивная этническая идентичность является основой общероссийской идентичности, поскольку последняя базируется не на отрицании, а интеграции этнических идентичностей. По-другому говоря, в основе общероссийской идентичности находится многообразие (но не однообразие и не разнообразие) этнических идентичностей.

В то же время следует заметить, что соотношение различных форм может меняться в ту или иную сторону. При кризисных ситуациях не исключено усиление тенденции этнокультурного однообразия и разнообразия, рост межэтнической напряженности, что может снизить уровень позитивной этнической идентичности, соответственно, и позитивной общероссийской идентичности.

Если сравнить между собой данные о разных типах (соотношение «Я» и «Мы» в идентичностях) и формах (гипоидентичность, гиперидентичность, позитивная идентичность), то обнаружим их некоторую взаимосвязь.

Таблица 5

Сравнение долей типов этнической идентичности молодежи Башкортостана

Типы этнической идентичности					
<i>Тотально е «Я»</i>	<i>Доминирую щие «Я»</i>	<i>Равновесные «Я» и «Мы»</i>	<i>Доминирую щие «Мы»</i>	<i>Тотальное «Мы»</i>	<i>Затрудни ль ответить</i>
31,6	24,9	23,9	4,3	5,3	10,0
Типы этнической идентичности					
<i>Этно- нигилизм</i>	<i>Этно- индифферентн ость</i>	<i>Позитивная идентичност ь</i>	<i>Этно- эгоизм</i>	<i>Этно- изоляционизм</i>	<i>Этно- фанатиз м</i>
1,1	7,8	83,1	2,2	2,2	3,6

Доминирующее и тотальное «Мы» в этнической идентичности (полное или частичное подчинение «Я» «Мы-этносу») проявляется у 9,6% респондентов. Такие формы этнической гиперидентичности, как этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм в совокупности, проявляются у 8% молодых респондентов. Что касается форм гипоидентичности (этнонигилизм и этноиндифферентность), то их взаимосвязь с автономными «Я» типами этнической идентичности неоднозначная. Объясняется это тем, что типология этнической

идентичности строится на основе сравнения «Я» и «Мы», тогда как перечисленные формы этнической идентичности базируются на сравнении «Мы» и «Они». Те респонденты, которые считают, что этничность для них является чисто номинальной, могут относиться к другим этническим группам и безучастно, и позитивно.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы. Подавляющее большинство респондентов – от 70 до 90% в региональном, этническом, поселенческом измерениях – характеризует такой тип этнической идентичности, как норма (одинаково позитивное отношение к собственному и другому этносу). Именно такая форма этнической идентичности и является основой позитивной общероссийской идентичности молодежи. Тезис о том, что этническая и гражданская идентичности не противоположны, а предполагают друг друга, верен именно в этом смысле.

В то же время часть молодежи – от 8 до 16% в разных регионах, поселениях, этнических группах – характеризуется этнической индифферентностью, размыванием этничности. Наиболее вероятное предположение – этническая и общероссийская индифферентность взаимно обуславливают друг друга. Другие формы этнической идентичности – этноэгоизм, этнофанатизм, этноизоляционизм – представляют собой маргинальное явление, они характеризуют в совокупности не более 8%. Следовательно, какой-либо заметной социальной базы в условиях социальной стабильности для этнического экстремизма не существует.

Этнофанатизм, этноэгоизм, этноизоляционизм, этноиндифферентность, позитивная идентичность – это разные формы отношения одновременно и к собственной, и к другой этничности. Этническая идентификация молодежи, осуществляемая на основе сравнения образов и концепций «Мы» («люди моей этничности») и «Они» («люди другой этничности»), может базироваться на разных формах отношения к другим – от нетерпимости до диалога.

Толерантность на любом уровне – снисхождения, безразличия, уважения к чужой позиции – сама по себе еще не предполагает взаимопонимания, доверия, сотрудничества, хотя и является для этого необходимой предпосылкой. Толерантность может существовать лишь в тех пределах взаимной толерантности. Быть терпимым к нетерпимости невозможно, поэтому терпимость заканчивается там, где начинается нетерпимость. В этом и состоит предел толерантной коммуникации, за которым находится интолерантная коммуникация. Терпимость как расширение собственного опыта представляет собой,

по сути, способ перехода к следующему уровню социокультурной коммуникации – диалогу.

Базовыми характеристиками этнической идентификации на основе сравнения «Мы» и «Они» являются интолерантность, толерантность и диалог. Поскольку, как уже отмечалось, диалог как наиболее зрелая форма межэтнических коммуникаций невозможен без толерантности, важное значение для диагностики этно-социальной ситуации имеет определение уровней этнической толерантности, прежде всего, в молодежной среде. Измерение толерантности молодежи нами осуществлялось в исследованиях в Республике Башкортостан в 2015-2016 годы и в пяти субъектах РФ (Башкортостан, Татарстан, Белгородская и Тюменская области, Алтайский край) в 2020 году на основе экспресс-опросника «Индекс толерантности», разработанного Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцовой, О.Е. Хухлаевым, Л.А. Шайгеровой¹.

По Башкортостану мы получили следующие данные о социальной, этнической толерантности, общей толерантности, толерантности как черты характера личности по разным возрастным группам (см. табл.6). Уровни толерантности градируются следующим образом. Уровни общей толерантности: низкий – 22-60; средний - 61-99; высокий - 100-132. Уровни этнической, социальной толерантности и толерантности как черты личности: низкий - 7-19; средний - 20-31; высокий - 32-44.

Таблица 6

Индексы толерантности *

Возраст	Индексы...			
	Общая толерантность	Этническая толерантность	Социальная толерантность	Толерантность как черты личности
18-24	88,06	26,17	27,11	27,22
25-30	85,66	25,94	25,57	27,18
31-40	86,06	25,22	25,20	27,24
41-50	88,03	26,33	26,36	28,33
51 и старше	86,66	25,47	26,16	28,04
Всего	87,09	25,90	26,28	27,52

* средние значения индексов

¹ Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности / Под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой и др. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003.

Общая толерантность населения региона по всем возрастным находится на среднем уровне. Но здесь следует уточнить, что индекс общей толерантности находится на границе между средне-средним и средневысоким подуровнями, стандартные отклонения по признаку возраста в не превышает 1,5 пунктов. Это говорит о том, что у молодежи такой же уровень общей толерантности, как у среднего и пожилого поколения.

Уровень толерантности как черты личности также находится между средне-средним и средневысоким подуровнями. Несколько ниже находятся уровни этнической и социальной толерантности. Мы также не видим по этим формам толерантности заметных различий между поколениями. Но средние значения индекса толерантности не представляют всю картину. В статике «средне-высокий» уровень толерантности представляет собой слагаемые разных проявлений толерантности, сочетание толерантных и интолерантных ориентаций и установок человека. В динамике средний уровень толерантности может быть менее устойчивым, нежели высокий или низкий уровни. В зависимости от конкретных социальных изменений интолерантные черты могут вытеснять толерантные черты в сознании, чувствах и поведении «среднетолерантного» человека.

Рассмотрим данные исследований, проведенных в 2020 году в пяти субъектах страны. В Башкортостане, Татарстане, Белгородской и Тюменской областях, Алтайском крае мы также видим проявление среднего уровня толерантности. Не более молодежи этих регионов характеризует низкий уровень толерантности, что можно интерпретировать как проявление интолерантности. От 10 до 25% респондентов характеризует высокий уровень толерантности. Заметим, что в ряде случаев высокий уровень толерантности является проявлением индифферентности, изучение этого феномена требует дальнейшей методической проработки исследования. Картина с толерантностью в этих регионах может выглядеть как благополучная.

Наиболее высокий уровень демонстрирует толерантность как черта личности. Несколько ниже – уровень социальной толерантности, характеризующий отношение к различным социальным группам, прежде всего, к деклассированным, бедным. Уровень этнической толерантности, ниже, чем уровень социальной толерантности и толерантности как черты личности. В то же время именно в сфере межэтнических отношений фиксируется наибольшая доля респондентов с высоким уровнем толерантности. Это можно интерпретировать следующим образом. По ментальности большинство россиян являются людьми толерантными. Именно поэтому при

актуализации определенных проблемных, чувствительных для определенных этнических групп тем, например, по вопросам изучения государственных и родных языков в республиках, не происходит их трансформация в тему межэтнических отношений (это наблюдалось недавно в Татарстане, Башкортостане и других республиках Поволжья). В стабильной ситуации в полиэтничных поселениях доминирует культура межнационального общения. Однако различные ситуации, связанные с обострением социальных и межэтнических противоречий, заметными изменениями этнической картины поселений, ростом социальной поляризации, способны трансформировать стабильную толерантность в лабильную. В таких случаях отмечается резкий рост интолерантности, особенно среди молодежи, у которой еще не завершены процессы социализации, инкультурации и индивидуализации.

Третий. Есть значимые пограничные показатели – между средним и низким уровнями, между средним и высоким уровнями. В определенных ситуациях часть молодежи может «перейти» из одного уровня толерантности в другой по нисходящей линии.

В завершение главы отметим, что проведенные нами исследования позволяют нам утверждать, что этническая идентификация представляет собой сложный, многомерный социокультурный процесс. Во-первых, сложность ее заключается в ее социокультурной природе. Этническая идентификация включает три взаимосвязанные стороны – этносоциальную, этнокультурную и этноиндивидуальную. В каждом конкретном случае та или иная стороны может быть ведущей, определяющей, однако явно или неявно – связанной с другими сторонами. «Унаследованная» от родителей этническая идентичность, например, выступает результатом отождествления индивида одновременно с семьей как социальной группой; с традициями, ценностями, нормами, существующими в семье; с интериоризованными семейными ролями и ценностями. Сложность возрастает в случае, когда индивид может конструировать свою этническую идентичность в этносоциальном плане с одним этносом, в этнокультурном плане – с другим этносом, а в плане индивидуализации эклектическим или органическим образом сочетать ориентацию на различные этносы. Возрастающую сложность этническая идентичность обретает тогда, когда этносоциальная, этнокультурная и этноиндивидуальная ее стороны связаны одновременно с двумя и более этносами (как, например, в семьях, основанных на межэтническом браке), этническими культурами. Если учитывать рост интенсивности межкультурных контактов и

межкультурной интеграции, числа межэтнических браков, то взаимосвязь этносоциальной, этнокультурной и этноиндивидуальной идентификации будет приобретать характер растущей сложности.

Во-вторых, сложность этнической идентификации проявляет себя в том, что она может быть по своей направленности позитивной и негативной. Поэтому нельзя считать, что чем больше молодежи идентифицирует себя с тем или иным этносом, тем лучше или хуже. Если этническая идентичность существует в форме подавления «Я» личности, или противопоставления другим этносам, то необходимо разбираться в причинах и определить пути «выправления» такой идентичности. Если этническая идентичность строится на гармонии «Я» и «Мы» и «Мы» и «Они», то она является позитивной и для самой личности, и этноса, и общества в целом.

ГЛАВА III ЕВРАЗИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ДИСТАНЦИИ¹

Асадуллина Г.Р.

доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, старший научный сотрудник БашГУ, г.Уфа

Садретдинова Э. В.

доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, старший научный сотрудник БашГУ, г.Уфа

Шайхисламов Р.Б.

профессор кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, главный научный сотрудник БашГУ, г.Уфа

Аннотация. В главе анализируется проблема евразийской культуры: существует или складывается ли она; если да, то каковы ее контуры. На примере Республики Башкортостан анализируются межкультурные дистанции, являющиеся показателями интегрированности культур народов Европы и Азии. Дискурс евразийства, идущий в рамках философии, культурологии, истории, географии, политологии уже столетие, исходит из идеи о российской цивилизации как объединении базовой русской (восточнославянской) культуры с культурами тюркских и угро-финских народов российской империи, Советского Союза, постсоветского пространства. Представителями классического евразийства и неоевразийства отрицается принадлежность российской цивилизации к европейским или азиатским культурам, а также ее сведение к русской (или восточнославянской) культуре. В целом концепт евразийства существует в форме теоретизирования, не подкрепленного эмпирическими исследованиями. В данной работе предпринята

---

¹ Глава подготовлена в рамках реализации программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг. по проекту «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог».

попытка осмыслить проблематику евразийской и российской культуры с позиций социологии.

Ключевые слова: Российская культура, евразийская культура, локальная культура, региональная культура, этническая культура, культурная идентичность, этническая идентичность, гражданская идентичность, межкультурная дистанция, социальные связи, интолерантность, толерантность, диалог, приятие, принятие, понимание.

Вопрос о существовании или формировании евразийской культуры является дискуссионным. Есть сторонники и противники идей евразийства в целом и евразийской культуры.¹ Дискуссии о том, является ли российская культура (цивилизация) евразийской, как правило, не выходят за пределы научной среды. Мы в нашей работе попытаемся разобраться в этой проблематике, обращаясь к данным опросов общественного мнения.

Насколько укоренены в обыденном сознании представления о евразийстве российской культуры? Такой вопрос не случаен, поскольку для того, чтобы определенный тип культуры стал реальностью, он должен быть укоренен в общественном сознании. Социальная реальность в общественном сознании не только отражается (рационально и мифологически), но и конструируется (согласно теореме У. Томаса, если люди определяют ситуацию как реальную, то она становится таковой по своим последствиям). Конструирование социальной реальности осуществляется в процессе общения (обмена знаниями и мнениями) определением сущего социальных практик (осмыслением и приданием значения), приобретающим форму должного (норм). Культура как система норм и ценностей составляет основу социальных институтов – сложившихся и воспроизводящихся способов организации социальной жизни. Если

---

¹ Аязбекова С.Ш. Евразийская культура: становление и основные этапы развития // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2017. № 1 (1). С. 5-10; Аязбекова С.Ш. Культура в евразийском пространстве: теория, практика и современность // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2018. № 1 (2). С. 16-20; Аязбекова С.Ш. «Большая Евразия» и евразийская культура в контексте мировых цивилизаций // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2019. № 1 (3). С. 5-11; Бабарыкина Н.В. Формирование этнической культуры молодежи в рамках евразийского пространства // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2018. № 1 (15). С. 103-106; Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Феномен евразийства // Евразийство и мир. 2013. Т. 1. № 2. С. 4-17; Матис В.И. Формирование евразийской поликультуры // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2019. № 1 (3). С. 19-23; Панарин С.А. Локус евразийства в современной российской культуре // Вестник Евразии. 2006. №1. С.19-29.

вернуться к вопросу о существовании евразийской культуры, то ключевым показателем ее реальности является, по нашему убеждению, приятие представителями одних культур норм и ценностей иных культур. Если евразийскую культуру представлять как некий синтез культур восточно-славянских, тюркских и угро-финских народов России, то она реально может существовать при одном допущении – большая (или критически значимая) часть этих народов приемлют культуру (признают нормы и ценности, в социальной практике проявляемые в образе жизни) друг друга.

Насколько вероятны формирование евразийской культуры, евразийской культурной, социальной и политической идентичности на основе конструкта евразийства? Наша работа является попыткой дать ответ на поставленные вопросы. Основой нашего анализа являются данные ряда эмпирических исследований, проведенных нами за последние десять лет в Республике Башкортостан. Здесь вполне уместно будет дать некоторые характеристики Башкортостана в контексте обсуждаемой темы. О Башкортостане образно принято говорить как о «сердце Евразии». Эта республика, имеющая на карте по своим административным границам сходство с сердцем, находится на границе Европы и Азии. Впрочем, эта граница проходит не только по данному субъекту РФ. Есть и другие основания для такого образного определения Башкортостана. Основная часть населения республики – представители восточнославянских (преимущественно русские), тюркских (башкиры, татары, чуваша, мишари) и угро-финских (мари, мордва, удмурты) народов. Русские, башкиры и татары составляют 90 процентов населения республики. Доминирующим в публичном пространстве является русский язык и как родной язык не только русских, но и части других народов региона, и как язык межнационального общения. Практически все муниципальные образования – и городские, сельские – являются полиэтническими, следовательно, межнациональное общение является повседневностью.

Данные опросов в Республике Башкортостан не репрезентируют общероссийскую картину, поскольку регионы заметно отличаются друг от друга по этническим и демографическим признакам. Однако Башкортостан является регионом, который интересен в качестве своеобразной модели для исследования российской культуры и культурной идентичности россиян, а также евразийской (если она на самом деле существует) культуры и евразийской идентичности.

В рамках настоящей главы российская (или евразийская) культура понимается как укоренённые в социальных связях и в структуре личности нормы и ценности, служащие основой социальной

и культурной идентичности, а также самоидентичности индивидов в качестве россиян (или евразийцев). Культура рассматривается нами не только как предзаданность, служащая базой инкультурации личности. Она функционирует как система конструкторов (суждений, понятий) и образов о ценном и нормальном, постоянно воспроизводящейся в процессе внутриличностного, межличностного, межгруппового и массового общения и отображающей в индивидуальном, групповом и массовом сознании. В этом плане данные изучения общественного мнения о специфике той или иной культуры характеризуют не только *сущее* – результаты отражения (адекватное или неадекватное) социальной реальности, но и *должное* – индивидуально и социально желательные конфигурации конкретной культуры, конструируемые респондентами.

Межкультурная дистанция как показатель интеграционных и дезинтеграционных процессов может быть описана в понятиях сетевого подхода (анализа социальных сетей, реляционной социологии) и представлена как совокупность социокультурных связей. Культурное пространство, в пределах которого происходит интеграция, можно описать как сильных и слабых сети сильных и слабых связей различных смысловых и нормативных стандартов, укорененных в локальных и региональных социальных процессах. Такой подход позволяет изучить степень влияния слабых (опосредованных средствами массовой коммуникации, художественным кино и литературой) и сильных (непосредственных социальных контактов) связей на формирование культурной идентичности (идентичностей) и протяженность межкультурной дистанции.

Межкультурная дистанция, измерение которой позволяет выявить степень культурной интеграции / дезинтеграции в конкретном социальном пространстве, понимается нами как степень понимания и приятия (принятия на себя) представителями разных социокультурных идентичностей ценностей, норм, образов жизни друг друга. Если социальную дистанцию принято определять готовностью принятия представителей других этнических идентичностей в свой малый, средний или дальний социальный круг (обычно для этого используются различные модификации шкалы Э. Богардуса), то межкультурная дистанция определяется не социальным статусом, а общностью норм и ценностей различных регионов, этносов, конфессий, стран.

Между социальной и межкультурной дистанцией существует тесная связь. Возможность приятия, например, представителя другого

этнoса в свою семью, в качестве друга, соседа и т.д. основана на представлениях о совместимости образов жизни, верований, правил общения. Но вопрос о принятии в свой социальный круг того же самого представителя другого этноса может не стоять, но, тем не менее, он может быть близок или далек по культурным стандартам.

Попробуем сформулировать ключевые понятия, принятые нами для построения показателей межкультурной дистанции. **Понимать** другого – это значит раскрывать интенции вербального и невербального поведения другого безотносительно принятия или непринятия на себя. Понимать культуру другого (других) – это постижение смысла, значения, правил образа жизни другого (других). Понимание интенций поведения другого предполагает наличие понимания себя, понимание другой культуры невозможно без понимания культуры собственного социума.

Принимать – установление общности норм и ценностей собственной персоны и другого, восприятие вербального и невербального поведения другого в качестве моделей собственного поведения. Понимание может быть безучастным или участливым, уважительным или неуважительным отношением к другому, тогда как принятие всегда предполагает позитивное отношение к мыслям, чувствам и поведению другого (представляет интерес определение В.Б. Меласом термина «прятие» (принятие)).¹

В настоящей статье использованы данные двух исследовательских проектов, осуществленных под руководством автора в Республике Башкортостан. Проект «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан)» был реализован в 2015-2016 годы при финансовой поддержке РГНФ (РФФИ). Методом стандартизированного интервьюирования было опрошено 1000 респондентов старше 18 лет, постоянно проживающих в регионе, по районированной выборке (городские и сельские муниципальные образования во всех субрегионах) с последующим случайным отбором респондентов. Проект «Информационные события в конструировании образа России в системе «Я»- и «Мы»-концепций поколений Y и Z» при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ был реализован в 2020-2021 годы. Методом стандартизированного анкетирования было проведено в январе-феврале 2021 года два онлайн-опроса по 1000 респондентов в возрасте 16-30 лет, проживающих в Башкортостане. Выборка районированная (городские и сельские муниципальные

---

¹ Мелас В.Б. Шесть способов существования // Логико-философские штудии. 2016. Т.14. №1. С.224-231.

образования во всех субрегионах) с последующим отбором респондентов по методу «снежный ком».

Главной задачей проекта «Информационные события в конструировании образа России в системе «Я»- и «Мы»-концепций поколений Y и Z» было изучение образа России у молодежи региона в контексте различных информационных событий, в том числе и образа российской культуры. Одним из ключевых был вопрос, нацеленный на выявление особенностей идентификации молодежью российской культуры в евразийском пространстве. Он был сформулирован следующим образом: *«Одни считают, что России ближе европейская культура, образ жизни и ценности европейцев. Другие полагают, что нашей стране ближе восточные культуры, образ жизни и ценности восточных народов. Третьи утверждают, что Россия – особая страна, у нее и не западные, и не восточные, а присущие только ей ценности и образ жизни. С кем Вы согласитесь?»*. В целом, ответы распределились следующим образом: «с первыми» – 14%, «со вторыми» – 8%, «с третьими» – 37,7%, «ни с кем не соглашусь» – 17,9%, «затрудняюсь с ответом, не думал об этом» – 22,4%. Подробная картина ответов приводится в таблице 1.

Более трети респондентов придерживаются точки зрения о самобытности российской культуры, отвергая суждения о европейской и восточной ее ориентированности. Отклонения от этого среднего значения по возрастным группам молодых респондентов, этнической идентичности и месту жительства (крупный, средний, малый город, село) не превышают 4 процентов. Следовательно, представления о самобытности, исключительности российской культуры являются достаточно укорененными и не зависят от социальных характеристик молодежи.

С одной стороны, суждения о самобытности российской культуры не выражают мнения большинства молодежи, но, с другой стороны, при определенных коммуникативных условиях могут стать господствующими в общественном сознании. Казалось бы, что мы имеем дело с феноменом возрождающейся идеологии славянофильства. Но такое предположение вряд ли имеет под собой реальное основание по некоторым обстоятельствам. Ниже мы рассмотрим отношение молодежи к культурам таких восточнославянских народов, как украинцы и белорусы.

Таблица 1

Идентификация российской культуры (в%)*

Согласны с суждениям и...	Всего	Возраст респондентов					Этническая идентичность респондентов				Место жительства респондентов			
		16-18	19-21	22-24	25-27	28-30	Русские	Башкиры	Татары	Другие	Город, больше 1	Город, 50 тыс. - 1 млн.	Нас. пункт 10 - 50 тыс.	Село
России ближе европейская культура, образ жизни и ценности Европы	14,0	12,2	15,0	11,7	15,3	16,3	18,2	9,2	12,0	12,0	15,8	14,0	12,8	12,0
России ближе восточные культуры, образ жизни и ценности Востока	8,0	7,7	9,2	9,2	8,1	5,1	9,0	9,2	6,3	7,6	8,7	9,2	10,2	6,0
Россия – особая страна, у нее только присущие ей образ жизни и ценности	37,7	33,8	41,6	35,2	34,2	41,0	37,8	33,2	40,3	30,4	35,8	41,4	42,3	34,9
Не согласны ни с одним из трех суждений	17,9	16,2	18,1	23,0	14,4	16,3	15,8	19,8	17,8	22,8	21,8	18,3	18,0	13,7
Затруднился ответить	22,4	30,2	16,0	20,9	27,9	21,3	19,1	28,6	23,6	27,2	17,9	17,2	16,7	33,4

*Проект «Информационные события в конструировании образа России в системе «Я»- и «Мы» -концепций поколений Y и Z», 2021

Обратим внимание на то, что считающих российскую культуру уникальной, самобытной, придерживаются по этнической идентичности респондентов 37,8% русских, 33,2% башкир, 40,3% татар, 30,4% представителей других этносов. Из этого можно сделать

вывод о том, что под российской культурой респонденты понимают не этническую (русскую), а многонациональную культуру, включающую в себя и башкирский, и татарский, и марийский и т.д. компоненты.

Является ли это признанием третью респондентов евразийской сущности российской культуры как синтеза культур русских, тюркских и угро-финских народов, проживающих в РФ? Пока приведенные данные не дают основания для такого вывода, поскольку, во-первых, они относятся к Башкортостану, и, возможно, в других регионах будет иное понимание сути российской культуры; во-вторых, мы не можем утверждать, что респонденты имеют в виду утрату самобытности русской, башкирской, татарской и т.д. культуры.

Идею о принадлежности или близости российской культуре к западноевропейской разделяют 14% респондентов. Европейская культурная ориентация не является мейнстримом у молодых респондентов разных возрастных групп, этнической идентичности и места жительства. Идеи «жить как в Европе», «евроремота русского дома», популярные в 90-е годы, сегодня утратили свою привлекательность для абсолютного большинства молодежи (по крайней мере, провинциальной); они не стали фактором и протестных настроений части молодежи. Так, по мнению молодых респондентов, главными факторами протестных акций, в которых принимала участие часть молодежи, являются ухудшение условий жизни, стремление к свободе и позитивным изменениям. Однако эти факторы не связывают с европейскими ценностями: лишь 11% респондентов полагают, что протестующие стремятся к тому, чтобы Россия стала частью Европы.

Что касается «восточной ориентации» российской культуры, то этот вариант является самым непопулярным в глазах молодых респондентов всех возрастных подгрупп, этнической идентичности и места жительства. Здесь отметим такую особенность низкой оценкой влияния восточных культур. Восточные культуры в постсоветском пространстве ассоциируются с казахами, узбеками, киргизами и другими тюркоязычными народами Центральной Азии. К представителям тюркоязычных народов, проживающим в Башкортостане, относятся, как известно, башкиры, татары и чуваша. Однако в современном обществе языковое родство и исторические культурные корни тюркоязычных народов Центральной Азии и Башкортостана не являются значимым аргументом для признания российской культуры восточно-ориентированной в глазах той же башкирской и татарской молодежи. Если представить евразийскую культуру как интегрированность культур русских и тюркоязычных

народов России и постсоветской Центральной Азии, то такая культура будет скорее теоретической моделью, но не социальной реальностью.

Требует интерпретации и выбор 18% молодых респондентов Башкортостана варианта ответа «не согласен ни с одним из трех суждений». Что означает несогласие ни с европейской или с восточной ориентированностью российской культуры, ни с самобытным, уникальным ее характером? Во-первых, как мы полагаем, многих респондентов не устраивает тезис о самобытности, уникальности российской культуры. Российская культура для части молодежи может представляться как синтез (применяя терминологию Т. Парсонса) партикуляризма (евразийского, проевропейского, восточного) и универсализма (в том числе общечеловеческого). Во-вторых, несогласие с первыми тремя суждениями-предположениями о сущности российской культуры связано и с тем, что формирование российской культурной идентичности после распада СССР находится на стадии своего становления. Поэтому такое несогласие отражает неопределенность общих контуров российской культуры, обусловленной турбулентностью и внутривосточных, и международных социально-экономических, политических и духовных процессов.

Обращает на себя внимание и то, что более чем каждый пятый респондент затруднился дать свой ответ на этот вопрос. Дело не только в том, что часть респондентов не обладают достаточными знаниями, информацией или жизненным опытом, чтобы определить свое отношение по этому вопросу. Выбор варианта «затрудняюсь ответить» может быть обусловлен теми же двумя обстоятельствами, указанными в абзаце выше.

Вывод: в глазах респондентов, представляющих молодежь полиэтнического Башкортостана, географически находящегося на границе Европы и Азии, преобладает неопределенность, отсутствие явно преобладающей версии идентификации российской культуры. Идентификация культуры такой обширной, в этнокультурном, конфессиональном, региональном плане многообразной страны, как Россия, является сложной задачей не только для массового сознания, но и для экспертов.

В стандартизированном интервью в рамках реализации проекта «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан)» был сформулирован вопрос, нацеленный на определение межкультурной дистанции. Мы за основу показателей межкультурной дистанции взяли два критерия – *принятие/непринятие и понимание/непонимание*. «У каждого

народа есть свои правила поведения и общения, во что принято верить и что ценить. Как Вы лично относитесь к нормам и ценностям перечисленных народов?». При этом мы исходили из того, что отношение к той или иной культуре может базироваться на понимании / непонимании (постижении смысла) ценностей и норм и/или общей позитивной или негативной установке (приемлемость / неприемлемость) на основе сравнения с разделяемыми респондентом культурными стандартами. Варианты ответов в листе интервью на основе сочетания этих двух критериев были сформулированы следующим образом: *«Не приемлю, это чуждая для меня культура»* (интолерантное отношение); *«Не приемлю, но она имеет право на существование»* («правовая» толерантность, демаркация, сохранение культурной дистанции); *«Отношусь безразлично»* (отсутствие приемлемости, неприемлемости); *«Хотя и не приемлю, но стремлюсь понять лучше»* («критическая» толерантность, способная превратиться в диалог – неприемлемость и стремление к пониманию); *«Приемлю, хотя мало понимаю»* (толерантность при непонимании, «ритаулизм» по Р. Мертону); *«Полностью приемлю, она мне понятна»* (условие для межкультурного диалога); *«Затрудняюсь ответить»*.

Респондентам было предложено выразить свое отношение к культурам ряда западноевропейских, восточно-европейских, центрально-азиатских, дальневосточных и юго-восточных народов, а также народов, представляющих население Республики Башкортостан (см. таблицу 2).

Обратим внимание читателя на преобладание над всеми другими позиции *безразличия* к культурам большинства культур народов (37-40 процентов). Это характеризует отношение и к западно-европейским (английской, французской, немецкой), и восточно-европейским (украинской, белорусской), и центрально-азиатским (казахской, узбекской, киргизской), и южно-азиатским (индийская), и восточно-азиатским (китайской, японской) культурам. Что касается культур народов Российской Федерации, то уровень безразличия со стороны молодежи на таком же уровне проявляется к культурам угро-финских народов (мари, удмуртов, мордвы), а также чувашей. Лишь в отношении культур трех народов – русских, башкир и татар – уровень безразличия снижается в два раза, до 15-20 процентов. Равнодушие как основная черта отношений к культурам других народов сама по себе ставит под сомнение наличие матрицы интеграции культур евразийского пространства.

Позиции неприятия культур евразийского пространства («не приемлю, это чуждая для меня культура») придерживаются от 7 до

14% респондентов. Подобное отношение проявляют в отношении английской, французской, немецкой, японской, китайской и индийской культур более 10 процентов респондентов. Неприятие культур народов, проживающих в подавляющем большинстве в России, а также других народов постсоветского пространства, выражают менее 10 процентов респондентов. Наименьший уровень неприятия обнаруживается только в отношении культуры русских, башкир и татар (не более 3%), однако в отношении других культур доля таких респондентов составляет явное меньшинство.

Таблица 2

Отношение культурам отдельных народов Европы и Азии

Культуры	Не приемлю, это чуждая для меня культура	Не приемлю, но она имеет право на существование	Отношусь безразлично	Хотя и не приемлю, но стремлюсь понять лучше	Приемлю, хотя мало понимаю	Полностью приемлю, она мне понятна	Загрудняюсь ответить
французская	3	15,9	4,8	39,9	9,0	13,1	14,2
немецкая	4,7	14,7	5,9	40,2	9,2	11,4	14,0
английская	4,6	15,8	6,1	39,6	8,9	10,5	14,6
японская	3,3	17,3	5,7	39,0	8,5	12,6	13,6
китайская	3,5	15,5	5,6	40,5	9,5	10,6	14,8
индийская	3,1	16	5,1	41,5	8,7	10,9	14,6
белорусская	10,1	17,7	5,3	37,0	8,9	8,3	12,7
русская	52,3	13,2	4,3	15,1	4,7	2,9	7,4
украинская	8,1	15,7	5,2	37,4	10,5	9,6	13,5
узбекская	5,3	19,6	5,3	39,4	9,1	8,8	12,6
казахская	7,1	17,9	6,6	39,4	8,5	7,4	13,1
киргизская	4,6	17	5,1	40,3	10,0	7,7	15,3
мордовская	5,7	19,6	4,8	37,8	9,1	8,8	14,2
удмуртская	5,6	20,2	5,2	38,8	8,8	7,6	13,9
марийская	9,1	19,3	3,5	38,5	8,4	8,1	13,1
башкирская	39,2	21,2	1,1	20,2	5,5	2,8	6,9
татарская	39,7	18,5	6,3	18,5	6,5	2,7	7,7
чувашская	10,8	20,1	3,6	37,1	8,2	6,9	13,3

* Проект РФФИ «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан)», 2016.

Так называемую «правовую» толерантность (неприятие культуры, но признание права на ее существование, отстраненное отношение, позиция демаркации, сохранение дистанции) в отношении тех или иных культур проявляют не более 10 процентов респондентов. Такое отношение балансирует между толерантностью и интолерантностью: определенная культура, с одной стороны, воспринимается как чуждая, неприемлемая для себя, с другой стороны, занимает позицию невмешательства, «дипломатического признания». Четкая непроходимая граница между своей и иной культурами также не может быть основой межкультурных интеграционных процессов.

В целом, безразличие, интолерантное и «правовое» толерантное отношение к иным культурам, исключающие межкультурную интеграцию, проявляют более половины респондентов. Это дает основание на примере «сердца Евразии», как образно принято говорить о Башкортостане, утверждать о недостаточности социокультурных ресурсов для быстрого формирования единого культурного пространства в пределах постсоветского пространства.

Перейдем к «позитивным» вариантам ответов респондентов. Вариант ответа «приемлю, хотя мало понимаю» нацелен на выявление общей позитивной установки респондентов к малознакомым или незнакомым культурам. Респонденты с таким отношением к разным культурам составляют 15-21%. В «рейтинге» вариантов такой ответ респондентов занимает второе место после варианта «отношусь безразлично». Доля, приемлющих, но мало понимающих другую культуру, больше, чем тех, кто относится к разным культурам отчужденно или отстраненно. Обратим внимание еще на одну особенность выбора такого варианта ответа. Интервал между наибольшим и наименьшим выбором такого отношения к разным культурам составляет 6,5 п. Иными словами, устойчивую долю респондентов характеризует наличие общей позитивной (возможно, в той или иной степени иррациональной) установки ко всем культурам. Такой общий настрой на «принятие другого» может расти при росте межкультурной коммуникации и стать основой межкультурного диалога.

По сравнению с теми, кто проявляет готовность принимать другую культуру, а также с теми, кто не приемлет другую культуру, считая ее чуждой, доля респондентов, намеренных постичь «чужую чуждую» культуру незначительна. Такое «интеллигентное» отношение к неразделяемым нормам и ценностям разных народов проявляют 1 – 6,5% респондентов. Такое отношение является базой, пользуясь

термином В.А. Лекторского, «критического диалога» в межкультурной коммуникации.

И, наконец, о варианте ответа «полностью приемлю, она мне понятна». Приемлемость другой культуры создает возможность принятия Другого, осуществлять субъект-субъектную межкультурную коммуникацию, смыслопорождающий диалог. Доли респондентов, считающих культуру понятной и полностью приемлемой, характеризуются очень большим разбросом – от 3 до 52%. Можно выделить следующие группы этих долей: а) отношение к русской культуре является наиболее позитивным; для половины респондентов она и понятна, и приемлема; б) башкирская и татарская культура (39%); в) другие культуры народов постсоветского пространства, в том числе России; г) культуры стран дальнего зарубежья.

Рис. 1 Отношение к культурам народов Европы и Азии

Как видим на рисунке 1, наиболее высокий уровень позитивного отношения проявляется в отношении русской, башкирской и татарской культур. Это обусловлено не только и не столько преобладанием в числе респондентов соответствующих этнических идентичностей. Анализ результатов данных по группам этнической идентичности респондентов дает следующую картину. Среди респондентов русской идентичности: а) полностью принимают и понимают башкирскую и татарскую культуры – соответственно 20,9 и 19,1 процентов; б) хотя и мало понимают, но принимают башкирскую и татарскую культуры –

соответственно 29,7 и 28,5 процентов. Респонденты башкирской идентичности: а) полностью приемлют и понимают русскую и татарскую культуры – соответственно 41,9 и 39,9 процентов; б) хотя и мало понимают, но приемлют русскую и татарскую культуры – соответственно 17,1 и 13,3 процентов. И, наконец, респонденты татарской идентичности: а) полностью приемлют и понимают русскую и башкирскую культуры – соответственно 49 и 45 процентов; б) хотя и мало понимают, но приемлют русскую и башкирскую культуры – соответственно 13,5 и 17,5 процентов.

Таким образом, в Башкортостане культурная дистанция между представителями русских, башкир и татар является наиболее близкой. В то же время мы видим более далекую дистанцию в отношении культур мордвы, мари, удмуртов, относящихся к угро-финской группе. Принадлежность народов региона к разным семьям языков, этническое родство (общее происхождение группы этносов, например, из восточных славян, тюрков или угро-финских народов) не является основным фактором, укорачивающим межкультурную дистанцию. Заметим, что уровни приятия и понимания русскими, башкирами и татарами культур представителей угро-финских народов и культуры чувашей (также относящихся к тюрко-язычным народам) мало чем отличаются. Дело не только и не столько в том, что у чувашей традиционной религией считается православие, а у башкир и татар – ислам. Конфессиональный фактор не играет сегодня ведущей роли, что проявляется, например, в отношении башкир и татар к культуре русских, и, наоборот.

Сравним данные отношения респондентов к культурам украинцев и белорусов – представителей восточных славян, большая часть которых проживают в ближнем зарубежье, но часть их являются гражданами РФ и являются жителями, в том числе, Башкортостана. Среди респондентов с русской идентичностью тех, кто полностью понимает и принимает украинскую и белорусскую культуру, меньше, чем тех, кто аналогично относится к башкирской и татарской культурам. Заметны различия и по другим вариантам – безразличного отношения, принятия без понимания культур.

Примерно такую же картину дает сравнительный анализ отношения респондентов разной этнической идентичности к культурам казахов, киргизов, узбеков. Казалось бы, языковая близость, тюркское происхождение должны быть факторами короткой межкультурной дистанции между перечисленными народами Центральной Азии, с одной стороны, и башкирами, и татарами, с другой стороны. В реальности уровень полного понимания и принятия тюркских народов

Центральной Азии со стороны респондентов всех этнических идентичностей, в том числе башкирской и татарской, является низким (от 4,4 до 6,7 процентов) и не зависящим от этничности респондентов. Безразличное отношение респондентов всех этнических идентичностей к указанным культурам также остается на уровне среднестатистического – (36 – 44 процента).

Таблица 3

Отношение к культурам народов*

Этническая идентичность респондентов	Отношение к культурам						
	Не приемлю, это чуждая для меня культура	Не приемлю, но она имеет право на существование	Отношусь безразлично	Хотя и не приемлю, но стремлюсь понять лучше	Приемлю, хотя мало понимаю	Полностью приемлю, она мне понятна	Затрудняюсь ответить
к русской культуре							
Русская	1,2	2,7	15,1	3,0	8,2	63,1	6,6
Башкирская	4,3	5,1	17,1	6,4	17,1	41,9	8,1
Татарская	4,2	6,1	14,8	4,5	13,5	49,0	7,7
Другая	1,7	6,0	12,1	3,4	19,0	50,9	6,9
к башкирской культуре							
Русская	1,8	7,3	27,9	3,6	29,7	20,9	8,8
Башкирская	2,6	2,1	13,2	4,3	10,3	63,2	4,3
Татарская	4,2	5,5	17,8	3,2	17,5	45,0	6,8
к татарской культуре							
Русская	2,7	6,1	27,3	6,1	28,5	19,1	10,3
Башкирская	4,7	9,9	16,3	9,0	13,3	39,9	6,9
Татарская	1,6	3,9	11,3	3,2	7,7	67,1	5,2
Другая	1,8	7,9	17,5	9,6	29,8	24,6	8,8
к чувашской культуре							
Русская	3,6	7,3	40,8	2,4	22,1	8,8	15,1
Башкирская	8,5	9,4	37,4	5,1	17,0	12,3	10,2
Татарская	10,0	9,7	37,2	3,9	18,8	5,2	15,2
Другая	4,3	4,3	25,9	3,4	24,1	28,4	9,5

Продолжение таблицы 3

Этническая идентичность респондентов	Отношение к культурам						
	Не приемлю, это чуждая для меня культура	Не приемлю, но она имеет право на существование	Отношусь безразлично	Хотя и не приемлю, но стремлюсь понять лучше	Приемлю, хотя мало понимаю	Полностью приемлю, она мне понятна	Затрудняюсь ответить
к культурам угро-финских народов (мордва, мари, удмуртов)							
Русская	4,1	7,3	41,8	3,3	21,8	6,9	14,8
Башкирская	11,8	10,8	39,3	5,5	16,9	3,7	11,9
Татарская	11,2	8,5	37,7	4,0	18,2	5,1	15,3
Другая	4,1	9,6	28,5	7,0	23,3	17,4	10,2
культурам восточнославянских народов (украинцев и белорусов)							
Русская	3,8	7,3	37,7	3,8	19,2	15,3	13,0
Башкирская	13,2	9,4	37,7	7,5	15,6	4,3	12,4
Татарская	12,6	11,6	37,5	3,9	14,7	4,5	15,2
Другие	5,3	12,3	34,2	8,3	17,1	13,6	9,2
к культурам тюрко-язычных народов Центральной Азии							
Русская	4,3	7,0	43,9	4,6	20,9	4,4	14,9
Башкирская	10,8	10,4	37,3	7,7	15,6	6,4	11,9
Татарская	10,8	10,7	36,2	5,1	16,7	6,0	14,5
Другая	5,0	9,3	42,0	6,4	19,2	6,7	11,4

* Проект РФФИ «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан)», 2016.

Исходя из анализа этих данных, можно сделать два вывода. Первый – в Республике Башкортостан на сегодня не сложилась социокультурная база формирования общеславянской (восточнославянской) и общетюркской цивилизации. И это при том, что в подавляющее большинство населения региона – представители именно этих народов. Второй – есть основания для утверждения о наличии локальной интегрированной культуры – русско-башкиро-татарской. Указанные культуры сохраняют свою цельность, но наивысший уровень взаимного принятия и понимания

представителями этих культур означает не просто их сосуществование, но и их взаимопроникновение.

Чем объяснить близкую дистанцию между этими культурами? Для башкирской и татарской культур эти причины вроде бы очевидны – это близость языков, традиций, эстетических ценностей, исламская религия. Но башкирская и татарская культуры различаются теми же факторами от русской культуры. Следовательно, существуют более важная основа для интеграции этих трех культур.

В наших предыдущих работах мы указывали не только на культурную, но на социальную близость этих трех народов, представители которых составляют абсолютное большинство населения Башкортостана. Об этом говорит то, что представители этих трех этнических групп больше, чем остальные, допускают возможность и желательность принятия друг друга в качестве члена семьи, близкого друга, соседа, коллеги.

Указанные особенности культурной и социальной дистанции между представителями русской, башкирской и татарской идентичности определяются преобладанием сильных связей. По определению М. Грановеттера, «сила связи – это комбинация (вероятно, линейная) продолжительности, эмоциональной интенсивности (*emotional intensity*), близости, или взаимного доверия (*confiding*), и реципрокных услуг, которые характеризуют данную связь».¹

В чем мы видим эту силу связи трех культур? Русские, башкиры и татары – не только наиболее крупные этносы региона, они составляют большинство жителей городов, крупных поселков, крупных организаций. Поэтому сфера общения между представителями трех идентичностей является наиболее интенсивной, плотной. Теснота социальных связей способствует ослаблению различных этнических стереотипов, формированию качеств сопереживания и соразмышления, соответственно, росту понимания и принятия культур друг друга. Чем в большей степени эти связи опосредованы (т.е. «слабые связи»), тем в большей мере задействованы идентификация и стереотипизация. И, наоборот, чем теснее общение, тем большее значение приобретают рефлексия и эмпатия. Сильные связи между представителями различных этносов формируют опыт и культуру межэтнических отношений. Представители различной этничности больше воспринимают друг друга как личностей, индивидуальностей, нежели через призму обобщенного этнического типа.

---

¹ Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31- 50.

В этом смысле мы можем не только перефразировать название работы М. Грановеттера («сила слабых связей»), но и утверждать, что в области культурных взаимодействий более сильными оказываются именно сильные связи. Силу слабых связей М. Грановеттер иллюстрирует на примере международного деления труда, обмене товарами. Действительно, в области межкультурного взаимодействия возрастает значение таких факторов глобализации, как Интернет, кино, туризм. Все школьники и студенты изучают иностранные языки, заодно и культуры. И старшие поколения, и молодежь знакомы с классической европейской художественной литературой. Старшие поколения прекрасно помнят и индийские, и итальянские, и французские фильмы. Однако, как мы показали выше, дистанция в отношении иностранных культур является для представителей всех возрастных, этнических групп, горожан и сельчан довольно длинной. Пока «сила слабых связей» в отношении «далеких» культур не такова, как, например, в экономике.

Данные наших исследований и логика их анализа дает нам основание для следующих выводов. Первый. На примере Республики Башкортостан мы можем утверждать о формировании русско-башкиро-татарской над-культуры при сохранении этих этнических культур. Однако такую над-культуру мы не можем идентифицировать как евразийскую, поскольку она пока не интегрирована с культурами других славянских, тюркских и угро-финских народов, представленных в этническом составе региона. Можем предположить, что такие над-культуры формируются специфическим образом в разных регионах российского и постсоветского пространства. Например, в Татарстане – на базе русской и татарской культур¹, в Чувашии – на базе русской и чувашской культур, сибирских регионах.² Интеграция этнических культур происходит и в приграничных областях – России и Украины³, России и Казахстана⁴ и т.д. В

---

¹ Максимова О.А., Нигматуллина Л.К. Молодежь Татарстана о межэтнических отношениях: региональный срез в контексте социологического анализа // Вестник экономики, права и социологии. 2020. №4. С.222-226.

² Гаджигасанова Н.С., Хайруллина Н.Г. Значимость идентификаций в представлениях населения в контексте особенностей этноконтактной среды (на примере исследования в российских регионах) // Знание. Понимание. Умение. 2015. №4. С.78-93.

³ Шаповалова И.С., Заводян И.С., Валиева И.Н. Молодежь российского приграничья: проблема этнической идентичности и толерантности // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7. № 1. С. 21-38.

⁴ Максимова С.Г., Морковкина А.Г. Образ России в представлениях населения современных приграничных регионов // Siberian Socium. 2017. Т. 1. № 1. С. 76-83.

отдельных регионах можно также обнаруживаются над-культуры локального (городов, районов, сел) уровня.

Но существование таких над-культурных образований не дает основания говорить о существовании целостной евразийской культуры ни на уровне постсоветского пространства, ни на уровне современного российского пространства, ни на уровне российских регионов. О евразийской культуре мы можем говорить лишь как мозаичном образовании. Она существует фрагментарно – как ряд локальных культур, в самом разном сочетании культур.

В этом отличие евразийской культуры от российской. Последняя сформировалась как целостная культура и продолжает формироваться на основе русской культуры при сохранении и русской, и других этнических культур.

ГЛАВА IV

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: ОЦЕНКИ И УСТАНОВКИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Нагматуллина Л.К.,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева-КАИ, г. Казань, Россия

Ефлова М.Ю.,

доктор социологических наук, профессор кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия

Максимова О.А.

кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия

Аннотация. В комплексе исследовательских вопросов изучение главных жизненных приоритетов и ценностей молодежи в контексте межэтнических отношений на региональном уровне сегодня приобретает особую актуальность. В опросе молодежи Республики Татарстан, осуществленном авторами в октябре-ноябре 2020 г., приняли участие жители столицы, городов и сельских населенных пунктов республики. Результаты исследования позволяют утверждать, что на современном этапе большинство населения всех возрастных когорт демонстрирует высокий уровень межэтнической толерантности. Сохранение культурной преемственности поколений является необходимым условием высокого уровня межэтнической толерантности в Татарстане.

Ключевые слова: межэтнические отношения, молодежь, толерантность, Родина, российская нация, межэтнические браки.

В настоящее время на фоне мировой эпидемиологической ситуации, роста количества принципиально новых вызовов и угроз глобального характера, активно атакующих общество и изменяющих

привычный уклад жизни людей, сформировалось ощущение начала качественно нового этапа развития мирового сообщества.

В этих условиях, кардинальное переосмысление происходящего во всех сферах современного отечественного социума, создание оптимально продуманной, долгосрочной стратегии дальнейшего развития и поиск возможных путей противостояния различным вызовам, невозможны без участия молодежи. В комплексе исследовательских вопросов изучение главных жизненных приоритетов и ценностей молодежи в контексте межэтнических отношений на региональном уровне приобретает особую актуальность. Необходимо средствами социологической науки получить достоверную информацию, которая поможет в поиске путей дальнейшего взаимопонимания и доверия между народами многонациональной страны.

В полиэтническом пространстве современного отечественного социума всегда были востребованы социологические исследования, посвященные анализу характера межэтнического взаимодействия народов, проживающих на территории страны и имеющие практическую значимость в поиске путей дальнейшего укрепления межэтнического согласия, диалога и доверия между народами. В настоящее время, даже в ситуации пандемии коронавирусной инфекции и связанного с ней эпидемиологического шока, интенсивность исследований и исследовательского интереса к этим вопросам также не ослабевает. Объектом пристального внимания ученых в условиях, когда невзирая ни на какие угрозы, необходимо противодействовать любым формам этнокофессиональной нетерпимости, является молодежь как наиболее динамичная и перспективная часть социума. Не случайно, в государственных программах и проектах развития страны, содержатся разделы, направленные на молодых граждан. Так, например, в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., одной из главных задач определено воспитание у молодежи «культуры межнационального общения, основанной на толерантности, уважении чести и национального достоинства граждан, духовных и нравственных ценностей народов России»¹.

Поэтому в центре внимания исследования «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» (рук. Р.Б. Шайхисламов), проводимого в рамках реализации

---

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025. г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/ (дата обращения 18.10.2021).

Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» на период с 2020 по 2022 годы, опросом была охвачена молодежь в возрасте от 14 до 35 лет. Ключевой целью исследования было получение региональных срезов состояния межэтнических отношений в оценках современной молодежи. В опросе молодежи Республики Татарстан, осуществленном авторами в октябре-ноябре 2020 г., приняли участие жители столицы, городов и сельских населенных пунктов республики¹.

Отправной точкой исследования в раскрытии региональной специфики межэтнических отношений с позиций молодежи, явилось определение методов сбора социологической информации. Новейшие социологические исследовательские технологии, в частности, использование метода он-лайн опроса, не только соответствовало требованиям, предъявляемым современным цифровым поколением молодежи в отношении способа общения с исследователями, но и позволило получить достаточно весомый показатель количества респондентов, участвовавших в опросе, составивший после ремонта выборки 2828 чел.

Цифровая среда, в пространстве которой проводилось исследование, предоставила новые возможности, позволившие в сложных условиях пандемии продолжить научные изыскания, осуществляя мониторинг мнений и оценок молодежи – общности, которой в настоящее время отводится существенная роль транслятора и проводника диалогового межэтнического взаимодействия.

Систему оснований, определяющих этническую идентичность, чувство принадлежности представителей молодежи к той или иной этнической общности, по результатам исследования можно представить следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1

«Почему Вы относите себя именно к этому народу?»

Варианты ответов	Доля, %
Мои родители – представители этой национальности	79,0
Живу на территории, являющейся родиной людей моей национальности	49,3
Культуру этого народа считаю своей	45,3
Отмечаю национальные праздники	40,3

¹ Анкета исследования составлена коллективом авторов под рук. Р.Б. Шайхисламова при участии С.Г. Максимовой. Авторы данного материала осуществляли сбор информации и обработку результатов исследования в Республике Татарстан

Продолжение таблицы 1

Варианты ответов	Доля, %
Соблюдаю традиции, обычаи своей этнической группы (своего народа)	35,2
Думаю на языке этого народа	32,4
Имею схожие черты внешнего облика	25,5
Исповедую религию своего народа	23,1
Имею общее историческое прошлое	19,6
Говорю больше на языке этого народа, хотя думаю и на другом языке	19,3
Имею схожие черты национального характера	18,7
Считаю, что у нас общая государственность	13,6
Другой...	0,7

* Вопрос носил многовариантный характер, ответы ранжированы по частоте упоминаний

Процентное распределение ответов респондентов в таком соотношении численных показателей было вполне предполагаемым и указывало на существующую определенную закономерность и устойчивость в определении опрашиваемыми наиболее значимых критериев этнической идентификации. Действительно, культурно-языковые компоненты являются структурообразующими элементами этнического сознания, его неотъемлемой частью, формирующей чувство духовной близости к своему народу. История, обычаи, традиции, уклад жизни, являются устойчивыми элементами культуры любого народа, определяющими его этнокультурную специфику, сближающими его представителей с определенной общностью. Что касается языковой идентификации, то она всегда рассматривалась как один из важнейших признаков этнической принадлежности. Мера освоения родного языка, умение и желание использовать его в повседневном общении, степень воспроизведения новыми поколениями, всегда указывали на готовность к сохранению культуры своего народа. И наши респонденты в полной мере продемонстрировали понимание роли и значимости культуры и языкового компонента в идентификации себя с представителями определенного народа. В совокупности этноидентификационных оснований территория проживания этноса, а также среда социализации его представителей, прежде всего определяемая внутрисемейными взаимодействиями и контактами, всегда являлись признаками, в большей или меньшей степени оказывающими влияние на формирование этнического самоопределения. Поэтому, доля тех, кто основанием для определения национальности считает проживание на

территории, являющейся родиной людей его национальности, составила 49,3%.

Весомая часть респондентов (79%) определила принадлежность к определенному этносу в соответствии с национальной принадлежностью родителей. К примеру, отвечая на открытый вопрос анкеты, респонденты из межэтнических семей в качестве своей национальности достаточно часто отмечали: «татарин и русский», «татарка и башкирка», «татарка и чувашка», «русская и марийка» и т.п. Обращает на себя внимание тот факт, что в данном случае, молодежь, со свойственной ей высокой скоростью решения проблем, поиска ответов на возникающие вопросы, не усматривала сложности в процессе этнической самоидентификации и указывала национальность и отца, и матери, демонстрируя близость обеим этническим группам.

В ходе проведения исследования респондентам предлагалось оценить степень их согласия или несогласия с определенными высказываниями и отметить те из них, которые в наибольшей степени соответствуют их мнению, отражают их точку зрения по задаваемому вопросу относительно межнациональных отношений. Такой тип вопроса, используемый в анкете, и включающий тридцать вариантов высказываний, позволил получить содержательно полный образ респондента. Так, считают, что в повседневном общении национальность не имеет значения 75,6% респондентов; к личностной характеристике себя как человека, предпочитающего образ жизни своего народа, но с большим интересом относящегося к другим народам, склоняется 61,6% опрошенных; обычно не скрывают своей национальности 89,3% респондентов; готовы иметь дело с представителями любого народа, несмотря на национальные различия 82,4%; всегда находят возможность договориться в межнациональном споре 78,6%. Разделяют точку зрения о том, что его народ не лучше и не хуже других народов 76,7% опрошенной молодежи.

Таким образом, при всей вариативности высказанных оценок, в ответах респондентов доминирующими являются мнения и поведенческие установки, ориентированные на толерантный межэтнический диалог, желание и готовность выстраивать отношения с представителями разных народов. Во мнениях респондентов прослеживается отсутствие концентрации на интересах только своего народа, при одновременном уважении собственной национальной культуры и образа жизни, присутствие чувства гордости за принадлежность к своему народу и отсутствие желания скрывать свою национальность от других.

В ходе исследования было выяснено, как молодежь Татарстана относится к такому словосочетанию, как «российская нация», сформулированному по аналогии со словосочетаниями «американская нация», «французская нация», «немецкая нация». Оказалось, что для значительной части, составившей 43,1%, такая категория была незнакома, они не слышали до этого о «российской нации», поэтому не имели готового ответа на данный вопрос и не смогли высказать свою точку зрения по нему. 9,9% слышали о таком понятии, но не могут пояснить его суть. Для 20,1% опрошенной молодежи «российская нация – это единство всех народов нашей страны, являющихся в равной степени государствообразующими», 11,9 % респондентов считают, что «российская нация – это объединение людей разных национальностей вокруг русских, являющихся государствообразующим народом». Таким образом, можно отметить, что гражданская идентичность практически не ассоциируется современной молодежи с понятие «российская нация».

Исследование межнациональных отношений во всем многообразии их аспектов, позволило также сконцентрировать внимание на точке зрения молодежи относительно понимания и значимости для ее представителей такого понятия, как «Родина». Присутствие такого вопроса не нарушило общей логики анкетного опроса, поскольку акцентировало внимание на ценности, важной для человека каждой этнической принадлежности, дало возможность оценить наличие в системе его личностных качеств и жизненных приоритетов чувства любви к своей Родине и степень его осознания. Респондентам предлагалось высказать мнение относительно вопроса: «Некоторые говорят: «Твоя Родина не обязательно та страна, где ты родился, а та, где тебе будет хорошо жить» Каково Ваше мнение на этот счет?». Так, 35% «считают Россию своей Родиной независимо от того, где жить лучше – здесь или в другой стране» и не склонны рассматривать условия и качество жизни как тождественные их пониманию и определению категории «родина», ставить между ними знак равенства.

Анализируя данные, можно увидеть, что чуть большей оказалась доля респондентов (38,6%), которые предпочли другой вариант ответа на данный вопрос: «Для меня Родина там, где мне комфортно, хорошо жить, независимо от того, где я родился». Мнения этих опрошенных, а также 11% респондентов, полагающих, что они хотели бы «считать Россию своей Родиной, при условии, что в ней жить будет лучше, чем в других странах», мы интерпретируем следующим образом. Диапазон понимания границ своей родины, разнообразие критериев,

определяющих степень и интенсивность проявления любви к ней, своим соотечественникам, индивидуален у каждого человека и во многом определяется условиями социализации, средой, в которой протекало становление личности. У современной молодежи этот процесс проходил в новой системе измерений, под влиянием реалий глобального мира, породившего появление иных жизненных мотивов и целей, формирование поколения мобильного, демонстрирующего высокую степень индивидуализма, прагматически мыслящего, ориентированного на получение всяческих жизненных благ. С этих позиций вполне объяснимо и некое смещение акцентов в системе жизненных координат молодежи, в понимании и интерпретации формируемых в ней ценностей, в сторону преобладания собственных потребностей и интересов, часто только материальных (по данным ВЦИОМ на июль 2020 г., материальный достаток на первое место в системе жизненных ценностей ставят 60% опрошенной молодежи в возрасте от 18 до 30 лет¹). Такой подход, как представляется, часто ошибочно, создает представление полного жизненного благополучия, позволяет считать место возможного его получения, территорию материального комфорта и хорошей жизни, своей Родиной, приводит к отрицанию важности всех других, нематериальных ценностей. Данное смещение, на первый взгляд, не являющееся критичным в современных условиях, как и наличие небольшого количества респондентов (9%), которые даже не задумывались над вопросом того, какой смысл они вкладывают в понятие «Родина», может иметь негативные последствия в будущем, привести к ослаблению ценностных основ патриотизма. Поэтому, присутствие таких позиций в ответах респондентов, заставляет продуманно искать пути усиления работы по просвещению молодежи в отношении формирования у нее чувства гордости, уважения, сопричастности к своей многонациональной Родине с ее уникальными национальными культурами, самобытными традициями и языковым многоголосием, готовности к проявлению этого чувства.

Молодежь не должна утрачивать гражданские позиции, уважение к окружающей действительности, к истории и традициям страны и своего народа. Подрастающим поколениям необходимо обладать качественно зрелым мировоззрением, патриотическим сознанием, позволяющим любить свою Родину, разделять ее ценности, невзирая ни на какие обстоятельства и условия. Не случайно результатом формирования патриотических ценностных ориентаций является

---

¹ Российская молодежь назвала главные жизненные приоритеты. URL: <https://lenta.ru/news/2020/07/14/youngsters/> (дата обращения 19.10.2021).

определенная мера социальной идентичности, характеризующаяся позитивным, нейтральным или негативным отношением к Родине (своей стране, своему народу, своему государству и т.д.).

Анкета он-лайн опроса содержала блок вопросов, в которых респондентов просили оценить степень выраженности тех или иных социальных проблем на территории проживания, по 10-балльной шкале. Именно анализ ответов на подобного рода вопросы, помог сформировать портрет современного татарстанца – представителя молодежи в возрасте от 14 до 35 лет, как человека, который уважает обычаи, традиции, язык иных национальностей на территории совместного проживания (наибольший показатель оценок по шкале находится в диапазоне от 7 до 10 баллов); ценит дружеские отношения между представителями разных национальностей и также дает им высокую оценку в диапазоне от 7 до 10 баллов; высоко ценит помощь друг другу в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности, отмечая наивысшим баллом степень выраженности такой дружеской помощи. Таким образом, портрет, составленный в соответствии с мнениями молодежи – носителями различных национальных культур, позволяет сделать вывод о том, в структуре ее ценностей и установок существуют те, которые для большинства опрошенных остаются неизменными и степень выраженности которых на территории проживания высоко оценивается респондентами.

Таким образом, молодежь Республики Татарстан выстраивает отношения с представителями различных народов в соответствии с принципами взаимного уважения и толерантности, формируя тем самым гармоничную межнациональную среду солидарности, в которой все самые смелые замыслы молодых поколений будут успешно реализованы.

В процессе обобщения материала, полученного в ходе исследования, особое внимание авторов было направлено на такой аспект изучаемой проблемы, как выявление мнений молодых респондентов о межнациональных браках, их готовность к созданию этнически смешанного брачного союза, степени значимости и важности для молодых поколений татарстанцев этнического фактора при создании семьи, наличие конфликтной и проблемной составляющих в таких браках.

В структуре абсолютных жизненных доминант современной молодежи, семья по-прежнему является неизменной ценностью, хотя ее структурно-организационная и ценностно-нормативная составляющие, порой, претерпевают значительные изменения под

влиянием реалий сегодняшнего дня. Сколь бы ни был значим материальный достаток, к которому стремится современная молодежь, указывая его в качестве жизненной цели, мнение относительно семейных ценностей всегда занимает одну из верхних строчек в списке значимых приоритетов. Так, по данным упоминавшегося ранее исследования, проведенного ВЦИОМ в июле 2020 г., второе место в списке жизненных приоритетов российской молодежи занимают семейные отношения, молодежь ценит хороший эмоциональный климат в семье¹. Если проследить динамику изменений мнений респондентов относительно межэтнических браков, то наши сограждане, по данным того же ВЦИОМ, за период с 2010 г. стали более одобрительно относиться к союзу людей разных национальностей (21%, по сравнению с 10% в 2010 г.), стали более лояльны к таким союзам (19%, по сравнению с 4% в 2010 г.)².

В полиэтническом пространстве Республики Татарстан, за 2019 год зарегистрировано 4636 межнациональных браков, что составило 19,2% от общего количества зарегистрированных браков. Каждый пятый брак в республике межнациональный³. В силу того, что при заключении браков национальность супругов не фиксируется, и в данных официальной статистики не учитываются незарегистрированные браки, которые достаточно распространены среди молодежи, то опираясь на данные различных исследований, ученые-социологи отмечают, что в Татарстане около 20–30 процентов заключенных браков межэтнические⁴.

Область межэтнических отношений республики характеризуют исторически сложившиеся благоприятные условия, основанные на принятии толерантности как одного из условий совместного, гармоничного взаимодействия народов на территории проживания, понимании общечеловеческих ценностей. Такая среда способствует формированию у молодежи позитивных взглядов, мнений, установок в отношении представителей различных этносов. Подтверждением этому

---

¹ Российская молодежь назвала главные жизненные приоритеты. URL: <https://lenta.ru/news/2020/07/14/youngsters/> (дата обращения 19.09.2021).

² Любовь не по расчету, или о браках за пределами привычной среды. Аналитический обзор ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10362> (дата обращения 20.09.2021).

³ Отчет о государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Татарстан по итогам 2019 г. // URL: https://zags.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2185286.doc (дата обращения 21.09.2021).

⁴ Межнациональные браки: любовь не бывает с акцентом // URL: <https://kazved.ru/news/society/25-07-2019/mezhnatsionalnye-braki-lyubov-ne-byvaet-s-aktsentom-5705536> (дата обращения 19.09.2021).

являются ответы респондентов на вопрос, в котором предлагалось выразить степень согласия или несогласия с предлагаемыми высказываниями. Из числа опрошенных 85,1% не раздражаются при близком общении с людьми других национальностей; 77,3% считают, что взаимодействие с людьми других национальностей не бывает источником неприятностей. Наличие таких ответов демонстрирует отсутствие у представителей молодого поколения чувства неприятия людей других этничностей и позволяет выдвинуть предположение о теоретической допустимости в перспективе межэтнических браков в этой категории респондентов, которые при создании собственной семьи, скорее, будут руководствоваться чувствами, нежели рассматривать этническую принадлежность избранника в качестве определяющего критерия.

Дополнить общее представление о сформированных у молодежи республики установок толерантности к представителям различных этносов, позволил анализ ответов на вопрос: «Для меня лично возможно и желательно принять представителя... в качестве близких родственников – мужа, жены, снохи, зятя». Ответ предполагал выбор варианта, наиболее приемлемого для респондентов и в наибольшей степени ими разделяемого. Наибольшее количество опрошенной молодежи готово принять в качестве близкого родственника татар (47,4%), русских (33,8%) и далее в убывающем порядке были указаны другие национальности. Такой показатель ответов, в значительной степени, обусловлен объективными условиями, определяемыми этнической структурой населения республики и выборки исследования. Действительно, среди народов, населяющих Татарстан, преобладающие по численности населения – татары (53,2% от общей численности населения республики). На втором месте русские - более (39,7%)¹.

Однако неправомерно утверждать, что данные показатели ответов являются лишь отражением этой структуры. Количество контактов людей разных национальностей определяет плотность межэтнических браков в конкретной среде. Совместная деятельность индивидов, общие цели и интересы приводят к значительному числу контактов с представителями иных национальностей, позволяют узнать культуру и обычаи других народов. Выбор вариантов ответа, сделанный респондентами, указывает на наличие более глубоких по своей сути и природе связей между представителями разных народов, делающих возможным совместное проживание носителей разных этнических

---

¹ Официальный Татарстан. Население. URL: <https://tatarstan.ru/about/population.htm> (дата обращения 19.09.2021).

культур на территории республики и готовность к принятию представителей другой национальности в качестве близких родственников. Более того, представители молодежи заявляют о готовности принять в качестве члена своей семьи представителя любой национальности. Так, распределение процентных показателей ответов респондентов, высказавших свое мнение относительно согласия или несогласия принятия такой ситуации в своей семье, выглядят следующим образом: доля тех, кто вполне одобрительно оценивает возможность появления представителя любой другой национальности в семье, в целом согласен принять данную ситуацию, а также и скорее готов согласиться с таким вариантом событий, составила соответственно 30,7%, 16,8% и 27,2% против 6,8%, 5,1% и 13,4% тех, кто не готов принять в качестве члена своей семьи представителя любой национальности. Как видим, доля тех респондентов, кто высказал свое несогласие, численно уступает количеству тех, кто допускает принятие такого сценария в своей семье.

В ходе опроса респондентам предлагалось также определиться со степенью согласия с утверждением: «В смешанных браках обычно больше проблем, чем в браках между людьми одной национальности». Было получено следующее распределение ответов: полностью не согласны с этим утверждением – 28,8%; в целом не согласны – 16,2%; скорее не согласны – 25,9%. Мнения другой части респондентов, которые посчитали необходимым согласиться с предложенным утверждением, распределились так: полностью согласен – 4,7%; в целом согласен – 7,8%; скорее согласен – 16,7% опрошенной молодежи. Полученные результаты выступают свидетельством того, что внутрисемейные отношения в межнациональных браках не рассматриваются молодежью через призму повышенного в них уровня проблем и конфликтов по сравнению с моноэтническими семьями.

Целостная система совместных действий и общение в семье, с присущей ей обоюдной информационной открытостью, правильным распределением внутрисемейных ролей, ориентированностью на другого, желанием понимать друг друга в процессе диалогового взаимодействия, налаживать и поддерживать отношения с родными людьми, формируется безотносительно этнической принадлежности членов семьи. И такой позиции придерживается большинство респондентов.

В совокупности параметров, определяющих состояние межнациональных отношений в регионе, готовность принятия в качестве близких родственников людей других этносов и количество межнациональных браков, несомненно, являются значимыми в

определении уровня межэтнической стабильности. В этой связи, в одном из вопросов анкеты, представителям молодежи предлагалось оценить по 10-балльной шкале, насколько выражены осуждение, порицание межнациональных браков на территории проживания. Согласно распределению ответов респондентов по шкале, основная их концентрация наблюдалась в диапазоне от 1 до 5, при этом наибольшее количество опрошенных – 27,3% оценили степень выраженности осуждения и порицания межнациональных союзов на минимальную величину (по шкале – «1»). Таким образом, отсутствие ярко выраженной тенденции к осуждению и порицанию межнациональных браков показало наличие на территории проживания толерантной среды межэтнического общения, способствующей формированию положительного отношения молодежи к межнациональным бракам.

Такой взгляд на межэтнические союзы усиливает точка зрения респондентов, считающих, что такие браки не разрушают народ. Количество респондентов, твердо заявивших о несогласии с формулировкой высказывания «межнациональные браки разрушают народ» составило 56,9%; тех, кто скорее не согласен с такой постановкой вопроса – 18%; 15,1% выбрали вариант ответа «в чем-то согласен, в чем-то нет». И лишь 5,9% респондентов заняли позицию полного согласия с данным высказыванием, а 4,2% скорее склонны согласиться с ним. По-видимому, немногочисленные респонденты, усматривающие в межэтнических браках угрозу разрушения своего народа, опасаются потери национальной самобытности в таких союзах. Такая точка зрения представляется преувеличенной, поскольку сохранение национальной культуры происходит не на генетическом, а на сознательном уровне. Большинство же респондентов не испытывают опасений относительно того, что межэтнические браки каким-либо образом могут повлиять на народ, разрушить его, способствовать размыванию неповторимых черт этноса, а значит и не отрицают подобный союз с представителями других народов, готовы встроить его в линию собственной жизни.

В целом, можно констатировать, что пространство гармоничного межэтнического взаимодействия с присутствием в нем взаимного уважения, доверия, согласия, позитивных примеров межэтнических браков, формирует прочную основу для решения неотложных задач многонациональной республики. В Татарстане в постсоветский период удалось предотвратить активизацию факторов межэтнической и межконфессиональной нетерпимости. Большинство населения всех возрастных когорт показывает высокий уровень межэтнической толерантности, хотя и имеются определенные проблемные места,

особенно в аспекте взаимодействия местного населения с мигрантами. Существенной разницы между установками молодежи по вопросам гражданской и этнической идентификации и межэтнического взаимодействия нами не зафиксировано, что позволяет сделать вывод о том, что в целом молодежь демонстрирует достаточно высокий уровень межэтнической толерантности.

В целях поддержания высокого уровня межэтнической толерантности в Татарстане необходимо сохранение культурной преемственности поколений. Для этого нужно поддержание оптимального сочетания формирующихся макросоциальных и разнообразных социогрупповых идентификаций, как устоявшихся традиционных видов, так и модернистского и, в особенности, постмодернистского типа.

ГЛАВА V

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ КОДИРОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ЭТНИЧЕСКИ МНОГООБРАЗНОМ РЕГИОНЕ

Лавренюк-Исаева Н.М.

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

Аннотация. Цель данной главы – концептуальное обоснование теоретического конструкта «социокультурное кодирование городской идентичности молодежи в этнически многообразном регионе» и его верификация на основе данных ВПН-2010 и результатов социокультурных исследований малых городов Республики Башкортостан – заявителей на конкурс Минстроя РФ в рамках национального проекта «Жилье и городская среда». *Актуальность* связана с разными факторами, главным из которых является миграционный отток молодежи из малых в крупные города и столицы регионов страны и зарубежья. *Своевременность* обусловлена фактом 30-летия распада СССР и постсоветскими изменениями. *Новизна* – постановкой вопроса, а также его решением в отношении молодежи как перспективной общности. Социокультурное кодирование будет проанализировано в городах, образованных до и в советский период развития России. Будет выявлено общее и уникальное в роли общественных пространств городов, в их раскодировании и декодировании. *Выводы* позволят использовать социокультурные коды для формирования и сохранения идентичности как фактора качества человеческих отношений между бывшими, настоящими и будущими молодыми жителями городов выборочной совокупности регионального полиэтнуса.

Ключевые слова: молодежь, социокультурное кодирование, городская идентичность, город, этнически многообразный регион.

Раскрытие социокультурного кодирования идентичности в городах этнически многообразного или полиэтничного региона требует решения ряда задач: 1) концептуализации городской идентичности молодежи и факторов ее формирования в полиэтничном регионе; 2) конкретизации социокультурного кодирования в теоретическом и прикладном аспектах в городах региона-полиэтнуса; 3) уточнения роли общественных пространств как локаций городской идентичности

молодежи; 4) выявление общего и уникального в социокультурном раскодировании и декодировании общественных пространств в малых городах на кейсах победителей из Республики Башкортостан.

Городская молодежь в полиэтническом регионе (административно-территориальной локации с постоянным проживанием трех и более этносов) как социально-демографическая общность соответствует многообразию его национального состава. Однако представители малочисленных этносов с разной скоростью ассимилируют среди более многочисленных этносов, а они – среди мирового полиэтноса. В качестве предмета анализа выбран Башкортостан, как регион, в котором проживают представители более 100 национальностей. Сегодня примерно каждый пятый житель республики относится к возрастной группе от 14 до 35 лет. В молодежной совокупности могут оказаться и родители, и дети. Представители возрастных групп, различающихся по уровню социальной зрелости, мировоззрению, социально-экономическому положению, вопросам, на которые идет поиск ответов. Если младшую группу молодежи от 14 до 18 лет, в первую очередь, интересуют вопросы образования и самоопределения, то старшую – карьерные устремления, создание семьи и воспитание детей. Молодежь в целом «стареет». Численность несовершеннолетней молодежи в 2018 г. была более чем в 2,5 раза меньше группы 25-30 летних.¹

Кроме возраста, основным общим признаком для городской молодежи является место проживания. С момента последней Всероссийской переписи населения 2010 года (ВПН-2010), численность молодежи в городской местности в РБ в возрасте 14-30 лет², сократилась с 692 261 до 586 830 человек и составила 84,8% от 2010 года. При этом удельный вес изменился с 65,1% до 66,5%. Доля сельской молодежи сократилась с 371 509 до 295 470 человек и составила 79,5% относительно 2010 года, а удельный вес снизился с 34,9 до 33,5%. По данным перспективных расчетов Росстата по среднему варианту, в городах будет проживать $\frac{3}{4}$ населения. Тренд увеличения численность городской молодежи характерен и для многонационального Башкортостана.

---

¹ Доклад о положении молодежи в Республике Башкортостан. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. С. 10.

² Расчеты произведены до принятия ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» № 489-ФЗ от 30 декабря 2020 г., когда были изменены возрастные границы молодежи.

Таблица 1

Городская молодежь в Республике Башкортостан, человек

Возрастная группа, лет	Молодежь РБ	Городская молодежь	В т.ч. башкирская городская молодежь
15-19	263 523	170 144	42 676
20-24	361 236	236 260	52 047
25-29	333 601	221 578	44 645
30-34	282 784	185 676	35 340
Всего	1 241 144	813 658	174 708

Источник: Народы Башкортостана в переписях населения: В 2 ч. Часть II. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РБ. Уфа: Китап, 2016. С.188-191.

Доля молодежи 15-34 лет в общей численности населения региона, по данным ВПН-2010, составила 36,8%, доля городской молодежи в общей численность молодежи 65,6 %, доля башкирской молодежи, как представителей титульного этноса, среди городской молодежи – 21,5%.

Городская идентичность и факторы ее формирования в полиэтническом регионе. Идентичность в классическом понимании (от ср. век. лат. *identicus* тождественный одинаковый) – тождественность, совпадение чего-нибудь с чем-либо.¹ Городская идентичность предстает как осознанное единство на основе распознанных тождеств с урбанизированным поселением. Со стороны индивида городская идентичность рассматривается как осознание *принадлежности* к сообществу горожан. Со стороны общности – как наиндивидуальная характеристика коллективного субъекта в результате осознания *обособления* от других.

Городскую идентичность специалисты в области социальной психологии, маркетинга и брендинга городов (Д.В. Визгалов, Н.С. Дягилева, А.Н. Ломакина, С.О. Лебедева, Ю.Ю. Абышева, А. Инш, К. Динни, А.А. Озерина) тесно связывают с географическим местом и социумом.² Поэтому выделим две группы *факторов-идентификаторов*: «люди» и «место». Главным образом практики

¹ Большой Энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/136090>

² Дягилева, Н. С. Теоретические аспекты городской идентичности / Н. С. Дягилева // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 54–59; Озерина А.А. Городская идентичность как социально-психологический феномен // Вестник Волгоградского государственного ун-та. Сер. 7. Филос. 2016. № 4 (34). С. 135-139

идентификации связаны с уникальностью места и людей. Поскольку Башкортостан многонациональный по составу регион, то фактор этнического состава городов показывает их ценность для представителей тех или иных этносов, а численность жителей – масштаб этих ценностей. Общие разделяемые ценности в городах культивируются в общественных пространствах.

В группу факторов «место» включим названия городов, год присвоения статуса города, практики социокультурного программирования общественного пространства. В группу факторов «люди»: социальную принадлежность (параметр «численность населения»), этнический состав и принадлежность к этносу (самоидентификация и владение родным и другими языками), а также участие в социальном конструировании города в части проектирования общественных пространств.

Факторы – причины идентификации с местом проживания можно определить на основе статистических данных переписей населения и на результатах социокультурных исследований при подготовке конкурсных заявок.

Охарактеризуем группу факторов «люди» (см. таблицу 2). В городах проживает 42% всех 4 млн. башкортостанцев. Численный состав столицы – города Уфы превышает один миллион. В других городах он варьировался в 2020 г. от 14 219 человек (Агидель) до 279 625 (Стерлитамак).

Таблица 2

**Год присвоения статуса и численный состав городов
Республики Башкортостан**

№	Название	Год присвоения статуса	Численность жителей, человек (1.01.20)
1	Уфа	1586	1 140 273
2	Агидель	1991	14 219
3	Баймак	1992	17 179
4	Белебей	1957	59 229
5	Белорецк	1923	64 900
6	Бирск	1796 ¹	46 512
7	Благовещенск	1989 ²	34 771
8	Давлеканово	1942 ³	23 380
9	Дюртюли	1989	31 021
10	Ишимбай	1940 ⁴	64 386
11	Кумертау	1953 ⁵	59 478
12	Мелеуз	1958 ⁶	62 300
13	Нефтекамск	1963 ⁷	142 000
14	Октябрьский	1946	114 100

15	Салават	1954	150 500
----	---------	------	---------

Продолжение таблицы 2

**Год присвоения статуса и численный состав городов
Республики Башкортостан**

№	Название	Год присвоения статуса	Численность жителей, человек (1.01.20)
16	Сибай	1955	60 780
17	Стерлитамак	1781	279 625
18	Туймазы	1960	68 246
19	Учалы	1963	37 898
20	Янаул	1991	25 109
21	Межгорье (ЗАТО)	1995	14 493

Источники данных: официальные сайты администраций городов; Численность населения РФ по муниципальным образованиям на 1 января 2020 года. Электронный статсборник // Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ). М. 2020; Города Башкортостана в переписях населения. Уфа. <https://bashstat.gks.ru/storage/mediabank/CWV9ZfYh/N3-17-07-2020.pdf#:~:text=На%20начало%202020%20года%20в,1000%20мужчин%20приходится%201231%20женщина.>

Примечания:

¹уездный город Оренбургской губернии

² указаны даты присвоения статуса городов республиканского подчинения;

³ статус города районного подчинения;

⁴Ишимбаю – 75! // <https://bashneft.livejournal.com/7257.html>;

⁵Официальный сайт г. Кумертау // <https://www.admkumertau.ru/ru/ogorode/istoriya-goroda#:~:text=Город%20Кумертау%20основан%20в%201953,Оренбургской%20области%2C%20Европы%20и%20Азии>

⁶История – ГО г. Мелеуз // [https://meleuzadm.ru/selskoe-poselenie/istoriya/#:~:text=Статус%20города%20получил%20в%201958,Является%20административным%20центром%20одноименного%20района](https://meleuzadm.ru/selskoe-poselenie/istoriya/#:~:text=Статус%20города%20получил%20в%201958,Является%20административным%20центром%20одноименного%20района;);

⁷Официальный сайт администрации ГО г. Нефтекамск // <https://neftcity.ru/index.php?dn=article&to=art&id=1>

Фактор этнической принадлежности. Этнический состав городов региона, по данным ВПН-2010, представлен 160 национальностями. Численность 9 наиболее многочисленных национальностей превышает 10 тыс. человек. На три этнические группы – русских, башкир и татар приходится 90% населения

республики. Далее следуют чуваша (2,7), марийцы (2,6), украинцы (1), удмурты (0,5), мордва (0,5) и белорусы (0,3).¹

В ряде городов этномногообразие сбалансировано. В Уфе, Белебее, Давлеканово, Нефтекамске, Октябрьском, Туймазах и Янауле ни один из этносов не имел численного преимущества более 50% на момент ВПН-2010.

Титульный этнос – башкиры превалирует в трех городах юго-востока региона: Баймаке, Сибее, Учалах и в Янауле (северо-запад). Татары – в городах северо-запада региона: Агидель, Дюртюли, Нефтекамск и Туймазы. Русских больше в остальных 13 городах, включая столицу.

Язык как идентификатор. По данным ВПН-2010, 98% (3910,5 тыс. человек) населения Республики Башкортостан владели русским языком. Башкортостан традиционно относится к регионам с широким распространением многоязычия.

В расчете на 1000 человек из числа наиболее многочисленных национальностей по родному языку соответствующей этничности, указавших родной язык, показало, что самая сильная этноязыковая идентичность среди удмуртов (896), марийцев (884), татар (853) и башкир (753). Самая слабая – среди белорусов (122) и украинцев (231). Кроме русского, языком других национальностей более остальных владеют башкиры (169 из 1000) и удмурты (18). Это подтверждает открытость к взаимодействию и интерес к другим народам.

Охарактеризуем *группу факторов «место»* (см. таблица 2). *Возраст городов полиэтнического региона:* в Республике Башкортостан 21 МО имеет статус города. Три города – столица Уфа (1586 г.), Стерлитамак (1781 г.) и Бирск (1796 г.) образованы до советского периода развития России. Остальные 18 городов с 1942 (Давлеканово) по 1991 (Агидель) годы получили этот статус в СССР. За 30 лет постсоветского периода не появилось новых городов. *Размерность городов:* статус города – миллионника имеет столица ГО г. Уфа; 16 имеют статус малого города. Вместе с Уфой Нефтекамск, Октябрьский, Салават и Стерлитамак не входят в эту группу.

Социокультурное программирование общественных пространств. *Общественные пространства* как локации городской идентичности – городская территория общего доступа с историческим, культурным, социальным и иным значением. Специалисты

---

¹ Башинформ. В Башкирии проживают представители 160 национальностей и 13 этнических групп. URL: <https://www.bashinform.ru/m/news/470039-v-bashkirii-prozhivayut-predstaviteli-160-natsionalnostey-i-13-etnicheskikh-grupp/> (дата обращения: 12.07.2021).

определяют социальное значение общественных пространств в сбалансированном развитии территорий; укреплении здоровья и увеличении продолжительности жизни; в повышении уровня физической культуры; экологической и физической безопасности; социализации.¹

Новый стимул развитию общественных пространств дал Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях (реализует Минстрой РФ в рамках Нацпроекта «Жилье и городская среда»)².

Социокультурное исследование программирования общественных пространств основано на различных методах, комплиментирующих общий результат. Для выявления активных сообществ в работу по программированию общественных пространств и их вовлечение через анонсирование в социальных сетях предусмотрены кабинетные исследования и анализ интернет-ресурсов. Для знакомства с территорией и с жителями – натурные исследования (исследовательские прогулки экспертов, экскурсии). Для определения социокультурной идентичности жителей городских и исторических поселений – качественные и количественные социальные исследования (контент-анализ, онлайн-опросы, полуструктурированные и глубинные интервью, фокус-группы). Для определения запросов и тестирования проектных идей и замыслов – вовлечения горожан и селян (создание сайта проекта, чатов активистов, проектных семинаров, конкурсов рисунков, онлайн-встречи).

Команды разработчиков-победителей используют комплексный подход к применению методов. Так в городах с превалированием башкир в 2020 г. реализованы методики: 1) анализ обращений граждан через систему «Инцидент-менеджмент», глубинные полуструктурированные интервью (г. Баймак); 2) кабинетные исследования, натурные исследования, качественные и количественные социальные исследования, вовлечение горожан (г. Учалы); 3) социологические исследования методом интервью, контент-анализ, онлайн-опрос; наблюдение и натурный (средовый) анализ территории; метод экспертных экскурсий, фокус-группового интервью (г. Сибай).

---

¹ Марушкина Н. Экономика городского общественного пространства. Создание комфортной среды – это выгода или убыток для городского бюджета? 2018. URL: <https://itpgrad.ru/node/2799> (дата обращения: 20.07.2021)

² Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды-2020 (на 2021-22 годы). URL: <https://konkurs.gorodsreda.ru/> (дата обращения: 20.06.2021).

Результаты социокультурных исследований показали дефицит благоустроенных центров притяжения общественной жизни городов, что не определена уникальность территорий, не созданы или находятся в ненадлежащем состоянии идентичные местам объекты; местные жители не довольны состоянием или не имеют представлений том, как должны быть организованы общественные пространства; активные сообщества различны по интересам, обладают ценностным смысловым зарядом идентичности территорий и формируют событийную повестку.

Если в год старта проекта из региона не было победителей, то в 2019 поддержаны заявки трех городов, в 2020 уже шесть.

Социокультурное кодирование идентичности в городах полиэтноса. Социокультурный код как сложный феномен трактуется неоднозначно:

- образ окружающей действительности (восприятие *общественного пространства*), хранящий в себе информацию о конкретной социокультурной группе (*социальный субъект конструирования*);

- набор символов, значимых и ценных для определенной субкультуры¹ (*элементы содержания пространства*);

- «живой язык, построенный на знаках, содержащих и означающее, и означаемое»² (*инструмент коммуникации и взаимодействия*).

Эти аспекты складываются в общий пазл связанного социального «пространства-времени» (Валлерстайн), в котором действует коллективный субъект, наполняя его культурными смыслами. Социокультурный код обеспечивает воспроизводство уникальной целостности на основе общепризнанных ценностей. По данным ряда региональных социологических исследований АН РБ 2008-2019 гг., молодежь республики разделяет общие ценности жизни и здоровья (планируют дожить до 100 лет), семьи и детей (2-3 ребенка), дохода и благополучия. В топ-3 факторов-интеграторов народов молодежь РБ включила: общую историю соседства и совместного проживания народов, русский язык как средство общения и участие разных народов в войнах против иноземных захватчиков. Топ-3 факторов-дезинтеграторов: оторванность власти от населения,

---

¹ Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М., 2004. С. 60.

² Александер Дж.К. Обещание культурной социологии: технологический дискурс и сакральная и профанная информационные машины // Контексты современности-II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории: хрестоматия / сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. Казань, 2001. С. 92.

разделение общества на богатых и бедных, межнациональные конфликты в прошлом.¹ Знание тезауруса ценностей и антиценностей позволяет целевым образом использовать социокультурный код.

Главной функцией социокультурного кода является конструирование социальной реальности, которое помогает воспринимать эту социальную реальность и адаптироваться к ней, развивать социальное воображение.²

Социокультурное кодирование идентичности в городах полиэтнического региона, как единства многообразия народа региона с системой полиязычной коммуникации, представляет двусоставной процесс *раскодирования* в ходе социокультурного исследования и *перекодировки кода* через организацию общественного пространства, которое выбирается местными жителями и партисипативно проектируется совместно с экспертами и администрацией города.

В соответствие с разбивкой участников конкурса «Малые города и исторические поселения» (Минстрой РФ) в зависимости от числа жителей выделены категории: 1) малые города с численностью населения до 20 000 включительно; 2) 20 000-50 000 включительно; 3) 50 000-100 000 включительно. Соответственно в 1 группу попали города Агидель, Баймак и Межгорье (см. таблицу); во 2-ую – Бирск, Благовещенск, Давлеканово, Дюртюли, Учалы и Янаул; в 3-ю – Белебей, Белорецк, Ишимбай, Кумертау, Мелеуз, Сибай, Туймазы. Статус «малые города» не имеют Уфа, Нефтекамск, Октябрьский, Салават и Стерлитамак.

За период организации Конкурса победили 9 городов³ (таблица 3).

Таблица 3

Города - победители конкурса «Малые города и исторические поселения» Министерства строительства РФ из Республики Башкортостан

№	Город	Проект
2019 год		
1	Белебей	«Парк поющих родников»
2	Бирск	«Архитектурно-парковый ансамбль "Бирское время"»

¹ Результаты исследования по гранту ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»

² Бочарова Е.В. Социокультурный код и рекламные сообщения в российском обществе // Теория и практика общественного развития. 2012. № 1. С. 50-52

³ В 2021 г. заявлены проекты из городов Белебей, Бирск, Кумертау, Стерлитамак, Туймазы и Межгорье.

3	Ишимбай	«Городская площадь. Перезагрузка»
2020 год		
1	Баймак	Программа развития системы общественных пространств «Ветер перемен»
2	Белорецк	Городской парк культуры и отдыха «Шагни за горизонт»
3	Благовещенск	Развитие исторического центра «Возвращение к истокам»
4	Давлеканово	Сквозная линия «Улицы Давлеканово сквозь время»
5	Сибай	Парк культуры и отдыха имени Мажита Гафури «Экопарк «Терра Зауралье»
6	Учалы	Благоустройство центральных пространств и набережной «Учалы. Путь к мечте»

Источники: Победители 2019: Бирск, Белебей, Ишимбай // Проекты городов Белебей, Бирск и Ишимбай стали победителями конкурса благоустройства малых городов и исторических поселений // <https://house.bashkortostan.ru/presscenter/news/196318/>; Восемь проектов из Республики Башкортостан стали победителями Всероссийского конкурса по созданию комфортной городской среды // <https://house.bashkortostan.ru/presscenter/news/302786/>

Победители выявлены по итогам экспертной оценки на основе следующих критериев. В 2019 г.: степень и разнообразие форм участия и вовлечения граждан и общественности на всех этапах проекта; *формирование идентичности территории*; востребованность проекта жителями и туристами; доля привлеченных внебюджетных средств, использование МЧП; экономический эффект проекта; количество и разнообразие вновь создаваемых объектов для осуществления предпринимательской деятельности.¹ Критериями оценки проектов в 2020-2021 гг. стали: степень и разнообразие форм участия граждан, социокультурное программирование территории; обоснованность выбора места, востребованность; синхронизация проекта с национальными проектами и иными государственными и муниципальными программами; сохранение историко-градостроительной и природной среды; прогнозируемые экономические и социальные эффекты; качество планировочных и архитектурных решений².

¹ Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях. URL: <https://konkurs2019.gorodsreda.ru/> (дата обращения: 12.07.2021).

² Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды. URL: <https://konkurs.gorodsreda.ru/> (дата обращения: 12.07.2021).

Поскольку критерий «формирование идентичности территории» фигурировал в 2019г., проанализируем п.1.3.6 заявок победителей этого года.

Общее и уникальное в социокультурном раскодировании и декодировании общественных пространств в малых городах на кейсах победителей из Республики Башкортостан. 1- Кейс «Бирское время» (Бирск). Раскодирование реализовано через смыслы культурной идентичности горожан (из материалов проектного семинара №1, ноябрь 2018 г.). Ассоциативный ряд с городом Бирск:

1 – уникальный живой памятник истории, который переносит гостей в атмосферу XIX века;

2 – купеческий, сохранивший богатые многовековые традиции российского предпринимательства и торговли;

3 – фестивальный: несколько раз в год он становится площадкой республиканского масштаба для проведения массовых мероприятий и развивает собственные фестивали, уже ставшие самостоятельными брендами;

4 – сад: символ города – «Бирское яблоко», известное своим насыщенным вкусом и пользой для здоровья;

5 – духовного, культурного и экологического туризма;

6 – студенческий: средоточие образовательные учреждений, в которых учатся не только сами биряне, но и приезжая молодёжь;

7 – вкусный город;

8 – детского творчества и предпринимательства.

Реновация с сохранением кода: биряне осознают идентичность через изначальную пассионарность города, как опоры Российской державности. Сегодня гостеприимный город реализует код хранителя патриархальных традиций и поиска новой идентичности, продвижения интересов межнационального согласия. Социокультурный код транслируется через ответственное отношение к прошлому наследию, сотворческому созиданию настоящего и будущему в силу менталитета местного сообщества. Он проявляется в уважении традиций и инноваций. Формируется через привитие интереса у детей и молодежи к детскому технологическому творчеству, искусству, науке, предпринимательству. Консолидация жителей в сообщества краеведов, этнографов и ремесленников, организаторов фестивалей, творческих объединений, садоводов, селекционеров, юнармейцев, волонтеров – подтверждение ускорения динамики формирования идентичности.

2 - Кейс «Площадь. Перезагрузка» (Ишимбай). Формирование идентичности территории в рамках реализации проекта предложено в следующем формате: а) *раскодирование «как сейчас»:* в целом в городе

молодые люди не имеют своей культурной ниши, точек притяжения; центр города не воспринимается как место для повседневного отдыха; люди не ассоциируют себя с будущим города; городские символы в центре города представлены, преимущественно, в военно-политической тематике; б) *перекодирование «как будет»*: актуализация первичных смыслов городского центра, как точки притяжения студенческой и культурной жизни, за счет привлечения креативного студенчества и творческой интеллигенции города; расширение символизма данной территории, за счет создания музея под открытым небом, где будет отражена история города и в целом картина мира ишимбайцев; увеличение трафика отдыхающих и интенсивности взаимодействия между ними, формирование новых социальных связей для укрепления коллективной идентичности горожан. «Проект в целом задает новый концепт идентичности города – стремление к будущему через осмысление прошлого.»

3- *Кейс «Парк поющих родников» (Белебей). Раскодирование:* переплетение сюжетов культуры и природы: 1) *связан с литературой*, представленной на территории в большом общероссийском (С.Т. Аксаков, А.П. Чехов, М.И. Цветаева), в межрегиональном, в том числе национальном (К.В. Иванов, Я. Ухсай, Ф. Карим) контекстах; 2) *связан с природой* – поющими родниками и бегущей водой, которая дает здоровье и вдохновляет, обладает сакральными чертами и связана с этническими традициями. «Белебеевские родники являются художественным символом района. В Парке происходит погружение посетителя в культурно преображенную природу и в ее литературное, сказочное, мифологическое, поэтическое отражение – за счет чего формируется значимая идентичность и привлекательность Белебея.» *Перекодирование:* 1) «наш российский контекст на данной территории» – идейная рамка культурно освоенной природы вписывает локальные особенности (родники) в общероссийский «большой» контекст классической и современной литературы, обуславливая основу активного позиционирования территории; 2) установка «мы в данном контексте»: широкое программное и событийное вовлечение местных сообществ закрепляет локальную идентичность и придает ей ценностный и деятельный аспект; 3) усиление трафика и «качества» посетителей, как местных, так и приезжих, включая г. Белебей в систему туристических маршрутов Башкортостана.

Таким образом, три кейса отражают три фрейма социокультурных кодов городов через трансляцию богатого наследия в Бирске и Белебее и через усиление в Ишимбае. Среди половины

городов-победителей 2020 г. превалируют башкиры в составе населения. В Баймаке и Сибее есть четкий запрос на развитие этноповестки городов.

Учитывая совпадение ядер СК-кодов городской молодежи и молодежи региона со всем полиэтнотом РБ, можно регулировать потоки миграции внутри республики, развивать связи с выходцами из региона, транслировать ценности в общественных пространствах. В целом социокультурное кодирование идентичности в городах такого этнически многообразного региона, как Башкортостан, имеет перспективы изучения для управления трендами развития в контексте их миссий и стратегий.

ГЛАВА VI

СИСТЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ – ОСНОВНОЙ КАНАЛ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)

Намруева Л.В.

*кандидат социологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела
комплексного мониторинга и
информационных технологий Калмыцкого
научного центра РАН г. Элиста, Россия*

Аннотация. В данной работе система образования рассматривается как один из основных институтов сохранения этнической культуры, важный канал ее трансляции молодому поколению. Этнокультурный контекст современного образования продиктован потребностью сохранения этничности в изменяющейся социальной реальности, успешной социализации современной молодежи национальных регионов в динамичном полиэтничном и поликонфессиональном обществе.

Анализ показал, что система образования в Калмыкии направлена на транслирование духовных ценностей, богатейшего культурного наследия на фоне глобального кризиса и размывания традиционных установок. Она стремится создать необходимые условия для восприятия этнической культуры калмыков, формирования национального самосознания, исторической памяти у молодежи республики. С этой целью в образовательных учреждениях учащиеся занимаются исследовательской работой по сбору сведений о своей родословной, оформляют генеалогические древо, оформляют презентации, выступают с ними на конференциях.

Ключевые слова: Республика Калмыкия, система образования, национальная школа, традиционная культура, калмыцкий язык.

Реформирование российского образования в 1990-х гг. составляло часть общеполитического курса, ориентированного на наделение регионов полномочиями суверенитета. Республики получили более широкие права автономии, чем другие субъекты Федерации, в том числе и в формировании бюджета регионального образования. «В период, когда национальные системы образования республик РФ начали действительно решать актуальные задачи восстановления этнокультурных, этносоциальных функций школы, были расширены

границы изучения этнического языка учащимися, независимо от этнической принадлежности, в том числе калмыцкого языка в Калмыкии».¹

В 1993 г. в республике после 30-летнего перерыва открываются первые 24 национальных класса, которые стали началом системного развития национальной системы образования. «Успешная деятельность национальных школ в г. Элисте и селах республики стала возможной благодаря своевременно принятым нормативно-правовым документам, прежде всего государственной программе «О развитии калмыцкого языка и языков других народов Республики Калмыкия-Хальмг Тангч», активности школьной администрации, учителей».² Активными пропагандистами программ этнокультурного образования и открытия национальных школ и классов являются представители интеллектуальной элиты, которые понимали предназначение таких школ и классов в недопущении исчезновения, деградации этноса, разрушения уникальной социокультурной среды его жизнедеятельности. Б. Б. Дякиева пишет, что «возрождение и воссоздание национальной школы в Республике Калмыкия — это, прежде всего, строительство школы не только по языку, но и по содержанию образования, по цели сохранения и трансляции своей культуры. Это переход от «безнациональной» унитарной школы к этнической дифференциации образования, создание гибкой, ориентированной на особенности Республики Калмыкия системы образования, органически вписывающейся в российское и мировое образовательное пространство»³.

Исследования, проведенные нами в 1994, 1995 гг. по итогам первых лет деятельности национальных классов в республике, показывают, что многие родители и жители сельских населенных пунктов одобряют создание национальных классов и школ. Позитивное отношение вызвано тем, что школа стала источником воспроизводства культурной традиции, в том числе этнической. Справедливое утверждение Т. А. Власовой относительно школ Удмуртии точно характеризует деятельность школ Калмыкии, «общение на родном языке почти не выходит за границы школы, хотя при этом поддерживается идентичность этнической группы, т. к.

---

¹ См. Барсукова Т. Намруева Л. В. Этническая социализация молодежи Республики Калмыкия (анализ 2000–2010-х гг.). *Oriental Studies*. 2018; 11(3): 165-168. URL: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-165-168>

² Национальная система образования в фактах // Алтн товч. 2003. № 1.

³ Дякиева Б.Б. Развитие национально-регионального образования Республики Калмыкия (организационно-управленческие аспекты). Элиста: Изд-во КГУ, 2005. С. 86.

школьное образование на родном языке служит объединяющим символом для жителей региона»¹.

Образовательные заведения являются основными институтами социализации, в том числе и этнической. В систему общего образования Республики Калмыкия входят 323 объекта образования, в их числе 160 общеобразовательных школ, из них сельские школы составляют 60 %. Образовательные функции выполняют 112 детских дошкольных учреждений, семь учреждений среднего профессионального образования, 37 учреждений дополнительного образования и семь учреждений с круглосуточным пребыванием детей-сирот и детей с ограниченными возможностями здоровья². В системе образования региона сформирована развитая сеть учреждений этнокультурной направленности: группы с этнокультурным компонентом обучения и воспитания в дошкольных образовательных учреждениях (первая ступень национально-региональной системы образования); классы с этнокультурным компонентом обучения и воспитания в общеобразовательных школах (вторая ступень); общеобразовательные школы первой ступени с этнокультурным компонентом обучения и воспитания; инновационные национально-общеобразовательные учреждения³.

В Калмыкии с начала 1990-х гг. развивается и совершенствуется национально-региональная система образования, преподавание калмыцкого языка и литературы ведется во всех образовательных учреждениях республики. Учащиеся независимо от этнической принадлежности изучают калмыцкий язык, являющийся государственным языком. Открыты классы с углубленным изучением калмыцкого языка, созданы и функционируют при школах этнокультурные и поликультурные центры, которыми руководят учителя, старожилы села, родители, где дети учатся играть на домбре, исполнять песни и танцы, отрывки из эпоса «Джангар», а также демонстрируют театрализованные представления по мотивам калмыцкого фольклора⁴.

---

¹ Власова Т.А. Почему родители хотят, чтобы их дети учились в национальной школе? // Журнал социологии и социальной антропологии 2014. №2. С. 159.

² Умиралиева Н. Образование Калмыкии: основные направления // Калмыкия сегодня. 2014. 4 сентября.

³ Денисова Г.С., Денисова А.В., Намруева Л.В. Этнокультурное образование в Республике Калмыкия: существует ли угроза формированию гражданской идентичности? // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 2. С. 176-186.

⁴ Намруева Л.В. Молодежь и процессы возрождения этнической культуры в Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 76–80.

Использование материала с национально-региональным компонентом дает учащимся большой объем знаний о различных элементах материальной, духовной, нормативной культуры этноса. Так, «в рамках темы «Материальная культура» учащиеся получают сведения об основном типе поселений, жилище, предметах быта; одежде (национальный костюм), украшениях; национальных кушаньях; транспортных средствах; орудиях труда; специфике трудовых занятий. Занятия дают возможность учащимся познакомиться с элементами духовной культуры: с народными обычаями, обрядами, праздниками; языком, народным творчеством (сказки, пословицы и поговорки, детские игры, музыка); искусством (песни, танцы, произведения художественного и декоративно-прикладного творчества, литература). Включение в образовательный процесс дисциплин национально-регионального компонента способствует формированию как этнической, так и общенациональной идентичности, навыков межкультурного и межнационального общения, которые необходимы для жизни в поликультурном и полиэтническом регионе».¹

Благодаря этнокультурному образованию учащаяся молодежь становится не только носителем родной культуры, но и своеобразным ее транслятором. При разработке и внедрении учебных курсов и факультативов основной акцент сделан на изучении не только истории, но и тех элементов этнокультуры, которые издавна служили эффективным средством социализации личности. Один из таких курсов — ««Традиционное воспитание калмыков» — знакомит школьников и студентов с калмыцкими праздниками, обычаями и обрядами. Наличие данного курса не случайно именно празднично-обрядовая культура в наибольшей степени объединяет все самое ценное, что накоплено народом, что всегда служило мощной этноконсолидирующей силой».² Через непосредственное участие в торжествах индивид приобщается естественным образом к культурной традиции. Совершенно права Н.Ф. Беляева, отмечая, что в празднично-обрядовых традициях в различных формах — вербальной, зрелищной, драматической, символической, метафорической, реалистической —

---

¹ См. Барсукова Т. Намруева Л.В. Этническая социализация молодежи Республики Калмыкия (анализ 2000–2010-х гг.). *Oriental Studies*. 2018; 11(3): 165-168. URL: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-165-168>

² Намруева Л.В. Особенности развития современной этнической культуры (на примере Республики Калмыкия) // *Диалог культуры народов России: отечественный опыт и современность: Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием* (г. Волгоград, 15-16 октября 2012 г.) / Под ред. В.Н. Игнатова, Ю.Д. Гражданова, О.А. Васильевой. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. С. 166– 169.

отображается прошлое группы, мифическое и историческое, а также ее настоящее. Это играет огромную роль в формировании менталитета народа, его национального сознания¹.

Во всех заведениях начального профессионального образования (колледжи, профессиональные лицеи, училища) требования к результатам изучения дисциплин национально-регионального компонента подразумевают наличие не только знаний, но и умений их применять. Рассмотрим это на примере Профессионального лицея № 7 г. Элисты. Так, «студенты этого лицея знакомятся с историей калмыцкой кухни, рецептурой приготовления национальных блюд, произведениями, где упоминается кухня калмыков. При проведении занятий по специальности используется словник терминов, связанных с профессией «повар», рецепты приготовления национальных мясных, мучных, молочных блюд, переведенные на калмыцкий язык».²

Педагоги-калмыковеды, «обучая специальностям — «повар-кондитер», «продавец» основной акцент делают на профессиональное образование учащихся, поэтому обязательным элементом являются темы, связанные со спецификой получаемой профессии («Мини эрдм — заманч» «Моя профессия - повар»; «Мини эрдм — хулдач» «Моя профессия - продавец»; «Хот-холын нерд», «Название продуктов»; «Оруни хот» «Завтрак»; «Асхни хот», «Ужин»; «Хальмг улсин зацшал хот», «Хальмг улсин хотын авъясмуд», «Хальмг улсин хувц-хунр» «Одежда калм"ыков» и др.))»³.

Национально-региональный компонент в Профессиональном лицее № 7 позволяет формировать не только профессионального специалиста в сфере общественного питания и торговли, но и воспитывать гражданина, владеющего современными социокультурными навыками. Освоение молодыми людьми этнокультурных традиций способствует сохранению самобытности народа, возрождению утерянных обычаев, традиций народа.

Поликультурное воспитание в Профессиональном лицее № 7 осуществляется в трех направлениях:

- информационное насыщение (сообщение знаний о традициях, обычаях разных народов, специфике их культуры и ценностей и т.д.);

---

¹ Беляева Н.Ф. Роль национально-регионального компонента в этнической социализации студентов педагогического вуза Республики Мордовия // Финно-угорский мир. 2013. № 3. С. 40.

² См. Барсукова Т. Намруева Л.В. Этническая социализация молодежи Республики Калмыкия (анализ 2000–2010-х гг.). Oriental Studies. 2018;11(3):165-168. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-165-168>

³ Намруева Л.В. Этническая социализация молодежи Калмыкии (анализ 2000-2010-х гг.). Монография. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 124.

- эмоциональное воздействие (в процессе реализации первого направления — информационного насыщения — важно вызвать отклик в душе ребенка, «расшевелить» его чувства);

- поведенческие нормы (знания, полученные ребенком о нормах взаимоотношений между народами, правилах этикета, должны быть обязательно закреплены в его собственном поведении¹. В лицее накоплен обширный материал по теме «Питание калмыков». Доказательством этнокультурной компетентности студентов выступает использование материалов прослушанных курсов во время прохождения педагогических практик, при подготовке к урокам, внеклассным мероприятиям. Выпускные работы по курсу «Обслуживание посетителей» выполняются с использованием знаний народных традиций и обычаев. Выпускники защищают проекты «Организация обслуживания свадьбы с включением народных свадебных обрядов», «Организация обслуживания тематического вечера «Зул», «Организация обслуживания калмыцких, русских столов в специализированном ресторане с национальной кухней в честь национального праздника». Свои итоговые, конкурсные, творческие работы, дипломные проекты студенты готовят по истории и культуре калмыков и завоевывают призовые места не только на республиканских, но и на всероссийских и международных конкурсах сочинений, олимпиадах.

Профессор КГУ им. Б.Б. Городовикова А.Б. Панькин верно подчеркивает, что «этническое воспитание — это целенаправленное взаимодействие поколений, направленное на формирование этнического самосознания, адекватного отношения к себе как к члену этнического сообщества, чувство гордости за историческое прошлое этноса, положительное отношение к языку, культуре своего этноса, а также чувство уважения к представителям других этносов. Содержанием и средством этнического воспитания рассматривается освоение этносоциальных ролей, показателем сформированности которых является овладение этой ролью в соответствии с возрастом»².

Сущность этнического воспитания заключается «в сохранении культуры, самосознания, языка, формировании и развитии этнической самобытности личности на основе преемственности поколений с

---

¹ Ванькина В.Б. О некоторых подходах к формированию творческих способностей учащихся на основе национальной культуры калмыцкого народа // Проблемы воспитания студенческой молодежи и пути их решения в условиях модернизации образовательной системы. Мат-лы регион. науч.-практ. конф (май 2010) Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. С. 184–186.

² Панькин А.Б. Этнокультурная коннотация образования. Монография. Элиста: Калм.гос. ун-т, 2009. С. 114.

учетом изменившихся условий. Почитание старших, культ предков, семьи, знание своей родословной являются основой традиционного воспитания калмыков, этнической культуры». В образовательных учреждениях республики «проходят различные классные часы, праздники, посвященные мамам и бабушкам. Традиционна «декада семьи», где учащиеся знакомятся с семейными традициями, обычаями «Эк-эцкян хяярлһн» («Почитание родителей»), «Мини орк-бул» («Моя семья»), «Медятрин одр» («День пожилых людей»), генеалогическими альбомами. В поисковой работе «Унг-тохман мед» («Знай свою родословную») участвуют три, а в некоторых случаях и более поколений (дети, родители, бабушки и дедушки учащихся). Все вышеперечисленное формирует добрые взаимоотношения между учащимися, уважение к младшим, почитание старших, позитивное развитие личности, культ ребенка»¹.

В процессе развития национальной системы образования возрастает роль научной интеллигенции, именно она возрождает социально-нормативный каркас этноса, инициирует многие проекты, направленные на сохранение этничности, самобытной культуры калмыков². Историки, этнографы, языковеды, фольклористы по крупицам скрупулезно отыскивают и возвращают народу частично утраченные, а иногда, казалось бы, полностью забытые элементы культуры. В этом благородном деле им несоизмеримую помощь оказывают архивы с их уникальными фондами. Материалы, привозимые из этнографических экспедиций, пополняют сокровищницу калмыцкой культуры уникальными артефактами.

Анализ данных, полученных в ходе исследования, позволяет выявить формы приобщения к калмыцкой культуре, которые свойственны молодежи республики. В первую очередь, это изучение истории калмыков, чтение произведений калмыцких авторов, изучение калмыцкого языка. Почти по двадцати предметам региональной направленности, а именно по калмыцкому языку, эпосу «Джангар», исполнению песен, танцев, знанию пословиц и поговорок и других жанров устного народного творчества, проводятся олимпиады

---

¹ Намруева Л.В. Этническая социализация молодежи Калмыкии (анализ 2000-2010-х гг.). Монография. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 125-126.

² Намруева Л.В. Роль элиты в сохранении этничности (на примере Калмыкии) // Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности: мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-н/Д., 9-10 июня 2009 г.) / Отв. ред. акад. Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2009. С. 228–230.

школьников, в которых принимают участие и дети нетитульной национальности¹.

Согласно разделяемому нами утверждению Р.И. Зинуровой, «образовательная система представляет собой, пожалуй, единственную, специально созданную социокультурную структуру, посредством которой этнос может оказывать целенаправленное организованное влияние на сознание, эмоции, чувства, волю растущего человека»². Поэтому жизненно важной потребностью этноса является то, чтобы содержание образования оказывало положительное влияние на процесс этнической социализации учащихся.

В Калмыкии на протяжении последних нескольких лет ведется активный поиск новых моделей внутри триады «Детская школа искусств — ссуз — вуз», ориентированных на сохранение лучших традиций подготовки специалистов в области культуры и искусства, и одновременно инновационных по форме. Приоритетным направлением в этой цепочке является поддержка одаренных детей в обучении национальным видам искусства. Поэтому осенью 2010 г. в г. Элисте открыта специализированная школа-интернат для творчески одаренных детей (этношкола). При отборе учащихся в это образовательное заведение учитываются не только склонность детей к тем или иным видам искусства, но и знание ими калмыцкого языка. В этношколе дети, прекрасно владеющие родным языком, развивают свои литературные способности, изучают калмыцкую литературу и поэзию, приобщаются к народным калмыцким песням и танцам, осваивают декоративно-прикладное искусство. В этношколе ученики также обучаются искусству исполнения эпических произведений³. В этом отношении справедливо мнение З.В. Сикевич о том, что «институты образования и воспитания осуществляют гуманитарное (духовное) воспитание подрастающего поколения, в частности, воспитание этнокультурное, призванное формировать этническую

---

¹ Намруева Л.В. Особенности развития современной этнической культуры (на примере Республики Калмыкия) // Диалог культуры народов России: отечественный опыт и современность: Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Волгоград, 15-16 октября 2012 г.) / Под ред. В.Н. Игнатова, Ю.Д. Гражданова, О.А. Васильевой. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. С. 167.

² Дякиева Б.Б. Развитие национально-регионального образования Республики Калмыкия (организационно-управленческие аспекты). Элиста: Изд-во КГУ, 2005. С. 237.

³ Намруева Л.В. Этническая социализация молодежи Калмыкии (анализ 2000-2010-х гг.). Монография. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 129.

идентичность, и патриотическое, призванное способствовать становлению национальной идентичности¹.

Таким образом, «в условиях, ослабления традиционных механизмов передачи этнокультурного опыта подрастающему поколению (семья, традиции, ритуалы), система образования, как целенаправленно организованный социальный институт этноса, становится основным каналом передачи, воспроизводства и развития этнической культуры»². Поэтому образовательные заведения Калмыкии, будучи основными институтами этнической социализации личности, обеспечивают историческую преемственность поколений, распространяя и развивая этническую культуру. Включение в образовательные стандарты дисциплин национально-регионального компонента дает возможность сформировать как этническую, так и общенациональную идентичность, навыки межкультурного и межнационального общения, необходимые для жизни в поликультурном и полиэтническом регионе.

Проведенный анализ показал, что, несмотря на существенное снижение роли исконных институтов этнической социализации (семья, СМИ), во многом благодаря этнокультурному образованию учащаяся молодежь республики активно социализируется благодаря целенаправленному воздействию образовательного процесса, формируется как личность в этнокультурном контексте. Образование в Республике Калмыкия выполняет важнейшую миссию возрождения и развития этнической культуры, выбора ценностной ориентации этноса, приобщения к этнокультурному опыту, реализации этнокультурных потребностей.

---

¹ Сикевич З.В. Влияние этнического фактора на современное общество и человека // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 2. С. 51.

² Панькин А.Б. Этнокультурная коннотация образования. Монография. Элиста: Калм.гос. ун-т, 2009. С. 110.

ГЛАВА VII

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ

Данилов А.Н.

член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. Целью данной работы является рассмотрение проблем этнокультурного многообразия и национальной идентичности молодежи Беларуси. Последствия «лихорадки этнократизма», которая прокатилась по постсоветскому пространству после распада Советского Союза, в Беларуси, как и в других республиках бывшего Союза, вызвала шок от перемен.

В этносоциальных исследованиях критериями «белорусскости» принято рассматривать: территория (родился и живу в Республике Беларусь), этнос (родители – белорусы) и гражданство (гражданин Республики Беларусь). По этим критериям 87-90 % жителей страны считают себя белорусами. Республика Беларусь находится в пограничной зоне между двух конкурирующих между собой цивилизационных моделей развития, западной и российской. «Европейская» составляющая белорусской идентичности усиливается, нарастает радикализм в восприятии проявления социальной несправедливости, нарушения прав и свобод, нежелания считаться с мнением нового поколения в решении проблем национального развития. В период социальных катаклизмов национальный язык превращается в политический символ, современный белорусский язык становится важным фактором поддержки национальной культуры и национального самосознания белорусского народа. Риски и вызовы, с которыми имеют дело постсоветские страны, требуют своевременных, соответствующих этим рискам и вызовам, перемен. Всечеловеческий проект мирового устройства – это проект сохранения всего его многообразия, всего этнокультурного богатства народов мира, разvernутых в диалоге культур.

Ключевые слова: молодежь Беларуси, этнокультурное многообразие, национальная идентичность, языковые отношения, социокультурная трансформация, диалог культур.

Введение. Путь Беларуси к государственному суверенитету выглядит исторически ожидаемым и в чем-то неожиданным. В одночасье для государств, образовавшихся после быстрого распада СССР, проблемы национальной идентичности и выстраивания собственной государственности обрели особую актуальность. Ранее, находясь в рамках единого Союза ССР, вопросы самоопределения наций рассматривались в контексте существующей идеологии и проблема национальной идентичности, как таковая, не стояла. Распад Советского Союза породили человеческий эгоизм, авантюризм, непомерные амбиции политических лидеров. Платой за это стало не только горе, страдания тысяч и тысяч ни в чем не повинных людей, но и, – утрата веры в будущее.

По постсоветскому пространству прокатилась «лихорадка этнократизма». Первое, что стремилась немедленно осуществить новая власть образовавшихся государств, это «любой ценой вытеснить из страны всех представителей иноязычных этносов, особенно из органов администрации, образования, идеологии и духовной жизни, вооруженных сил и силовых ведомств, и заменить их автохтонами, не считаясь даже с уровнем компетентности последних. В большинстве стран был сразу же принят новый закон о языке, в котором государственным языком признавался только язык титульного этноса (нации), несмотря даже на то, что во многих областях – здравоохранении, науке, многих производственных технологиях, высшем образовании, IT и др. – этот язык не имел в то время достаточной лингвистической базы»¹. Республика Беларусь, как и другие республики бывшего Союза, пережила шок перемен, прежде чем осознать свой суверенитет и приступить к полноценному созданию собственного национального государства.

Основная часть. Проходившие процессы системной трансформации, сопровождались политическим, экономическим и социокультурным кризисом, который потребовал национально-государственного самоопределения. Возникли вопросы ответственной власти, способной самостоятельно вести внутреннюю и внешнюю политику. В условиях суверенного государства, следовало быстро определиться с наполнением конкретным содержанием национального суверенитета, определиться с Основным Законом – Конституцией Республики Беларусь, разобраться с «белыми пятнами» белорусской

---

¹ Шавель С.А. Gens una sumus – мы все одна семья: социологический анализ этногенеза белорусов // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019. № 4. С. 49.

истории, определиться кто такие белорусы, что есть «белорусскость», в чем суть белорусской национальной идеи. И вообще, как жить дальше, с кем дружить, какой модели развития придерживаться.

Социальная и культурная сложность современного общества, потребность в адаптации к жизни в условиях глобальной нестабильности, подвижность смыслов и ценностей, вокруг которых выстраиваются воображаемые границы, стимулировали «поиски коалиций, помогающих людям воспринимать мир и жить в условиях разнообразия культур и человеческих связей»¹. А.А. Лазаревич и И.Я. Левяш обозначают, что сложилось несколько концепций белорусской национальной идентичности в рамках двух основополагающих подходов. *«Первый* подход был основан на историко-культурных традициях и ценностях, к которым апеллировали представители белорусской культурной элиты. Суть этого подхода заключалась в признании важнейшего значения национального самосознания, строящегося на знании своих корней, этнокультурных традиций, исторического, в первую очередь, досоветского, прошлого как инструментов радикальной реконструкции настоящего. Исключительная роль отводилась белорусскому языку. Языковой «маркер», по существу, выступал основным принципом разделения населения на белорусов и небелосов, что стало скорее, разделительным, но не консолидирующим фактором белорусской нации. *Второй* подход основывался на главных задачах формирующейся государственной идеологии, стремящейся совместить существовавшие ранее социалистические идеалы с новыми культурными обстоятельствами. Такой подход разделялся в основном представителями русскоговорящей интеллигенции, людьми старшего поколения, поддерживался структурами власти, заинтересованными в сохранении политической и социально-экономической стабильности»². В начальный период это был определенный компромисс между советским прошлым, установками к стабильной жизни и новыми вызовами времени, сопряженными с перманентной нестабильностью и рисками, неопределенностью будущего.

Чаще всего при исследовании национальных проблем критериями «белорусскости» выступают: территория (родился и живу в Республике Беларусь), этнос (родители – белорусы) и гражданство

---

¹ Дробизева Л.М. Ученые записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. М.К. Горшков. Выпуск 3. Потенциал межэтнического согласия как ресурс консолидации российского общества. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 7.

² Лазаревич А.А. Беларусь: культурно-цивилизационный выбор / А.А. Лазаревич, И.Я. Левяш; науч. ред. И.Я. Левяш. Минск: Беларуская навука, 2014. С. 30-31.

(гражданин Республики Беларусь). По этим критериям 87-90 % жителей страны считают себя белорусами. Возрастает роль религиозного фактора. Республика Беларусь сформировалась как поликонфессиональная страна: на ее территории действует 26 зарегистрированных конфессий 5 из которых (Православная, Католическая, Евангелическо-лютеранская церкви, иудаизм и ислам) законодательно определены как традиционные и культууроформирующие традиции белорусского народа. Данные социологических исследований фиксируют умеренный уровень религиозности в стране: в среднем в период 2000–2010-х гг. к религиозным себя устойчиво относило порядка 60–70 % населения Беларуси. В том числе к православным причисляли себя около 85–86 %, к католикам – около 12 %, в оставшийся объем (порядка 2 %) включались те, кто относил себя к иным действующим в Беларуси конфессиям¹.

Укоренение белорусской государственности характеризуется тем, что «европейская» составляющая белорусской идентичности усиливается в сравнении с ее «советской» частью. Республика Беларусь как раз находится в пограничной зоне между двух конкурирующих между собой цивилизационных моделей развития, западной и российской. От каждой из них Беларусь получила некоторые черты, которые вместе образовали своеобразное культурно-историческое единство, одновременно похожее и не похожее на эти цивилизации. Формирование новых поколений в этой социокультурной среде, зачастую отмечено наполнением артефактами, которые далеки от реальных смыслов человеческого сосуществования, искажающими историческую правду. В ней бывает, что все искажено до неузнаваемости, и традиции, ценности, смыслы. Здесь человеческие отношения строятся на выгоде, семья на расчете, подвергаются очернительству герои и высмеиваются высоконравственные поступки...

Россия, несмотря на видимые успехи, пока так и не стала стандартом для подражания постсоветской молодежи. Часть нового поколения склонна видеть свое будущее на западных странах, перенимать западный образ жизни и смыслы за пример для подражания (и это при тех проблемах, которые Запад сегодня испытывает). Глобализация растоптала тайну человеческой души, породила новую волну национализма и этнического неравенства. Сегодня в защите нуждаются наши представления о совести, чести,

---

¹ Шкурова Е.В. Трансформация религиозности в социокультурном пространстве постсоветского общества. Минск: БГУ, 2019.

достоинстве, нравственности. Без тайнства внутреннего мира человека наступает эра невежества, ханжества и насилия. Мир технологий манипулирует самым святым, что есть в человеке, – его совестью.

Нужно ли строить общество по чужим лекалам? Насколько устойчивым будет «общество потребления»? Такие первичные ступеньки «человека разумного» в потребительском обществе не становятся опорой личной свободы, счастья и благоденствия, а наоборот, они становятся источником формирования эгоизма, агрессии, человеческой нетерпимости друг к другу. «Объяснения лежат в области современной морали, где отклонения от принятых правил человеческой жизнедеятельности и поведения признаются нормой и законодательно закрепляются как должная защита права меньшинства, а в искусстве и культуре сплошь наблюдается отход от прекрасного и высоконравственного. Семья, извечно построенная на любви мужчины и женщины, подается как отживший анахронизм; человеческая жертвенность, подвижничество, геройские проявления осмеиваются и подвергаются остракизму там, где так называемая свобода нравов – превыше всего... Эта реальность современной жизни ведет мир к хаосу, народы и люди теряют способность договариваться, теряют потребность к диалогу... Появляется реальная возможность небольшой группе людей диктовать и безраздельно править миром... Теории, ранее воспринимавшиеся как самые фантастические утопии, могут превратиться в реальность»¹.

В период социальных катаклизмов языковая политика находится в центре внимания. Неудивительно, что процесс распада Советского Союза начался с актуализации языкового вопроса. В социокультурном пространстве Беларуси конца 1980-х – начала 1990-х гг. языковая проблема обрела ощутимо политизированный характер. Именно в периоды острых социальных противостояний актуализируется тенденция языкового пуризма (фр. purisme, от лат. purus – чистый). В этом контексте национальный язык превращается в политический символ, современный белорусский язык становится важным фактором поддержки национальной культуры и национального самосознания белорусского народа. Белорусский язык все больше признается как национальное достояние, которое надо уважать и беречь. Хотя в жизни использование белорусского языка остается ограниченным. Часто в ответах анкеты звучит, что «читаю, понимаю разговорную речь, но плохо пишу и почти не разговариваю». Причин тому приводится много. Это и «отсутствие белорусскоязычного круга знакомых и

---

¹ Данилов А.Н. Новые геополитические реалии будущей цивилизации // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 8–9.

друзей», «плохое владение языком», «никто вокруг не пользуется» и др.

Формирование национального и гражданского самосознания молодежи на постсоветском пространстве происходит противоречиво, неоднозначно, что во многом связано как с определенным отнятием у молодежи «исторической памяти», наличием «белых пятен» в истории Беларуси, так и с противоречивостью становления белорусской государственности. Процесс становления гражданской идентичности молодого поколения включает в себя «совокупность социальных ролей и норм поведения, характер которых обусловлен его представлениями о взаимоотношениях с государством. Это и ожидания, и эквивалентные им обязательства личности. Первичный уровень взаимоотношения личности и государства – её идентичность системообразующей модели государства. Если эта модель устойчивая, «прозрачная» и в представлениях личности соответствует принципам социальной справедливости, то имеет место баланс индивидуальных и общественных интересов, стимулирующих прогресс общества и устойчивость (перспективность) качества и образа жизни индивида»¹. Очень важно найти этот баланс и в отношении национальной идентичности. Отсутствие устойчивого мировоззрения, ясного образа модели государства в массовом сознании молодежи ведет к конфликтности ее социального поведения, напряжениям во взаимоотношениях с социальными институтами. Вот почему так важно для молодежи четкое представление о том образе государства, которое мы строим. На сегодняшний день четких представлений, что мы строим, какой модели будущего придерживаемся, по которым был бы достигнут общественный консенсус, чаще всего отсутствует или является слишком расплывчатым.

За последние почти три десятилетия в Беларуси сложилась модель социально-ориентированной рыночной экономики, где доминировала сильная вертикаль власти, социальная направленность политического курса. Процесс формирования национальной идентичности не носил неприемлемого для белорусского народа характера. Это позволило в сознании граждан утвердить мысль о ценности суверенитета, собственной ответственности за свою судьбу и судьбу своей страны. Белорусской трансформации присущ эволюционный характер преобразований. Опыт экономического развития страны последнего десятилетия говорит о необходимости своевременной смены тактических механизмов реализации

---

¹ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. С. 67.

экономических реформ исходя из конкретных внутренних и внешних обстоятельств. Безусловно, новые риски и вызовы, с которыми сталкиваются страны, требуют своевременных и адекватных перемен.

Условия, в которых решаются проблемы национальной идентичности молодежи Беларуси постоянно меняются и этнокультурное многообразие, которое присутствует в Беларуси, ведет к поиску компромиссов. В этой связи можно выделить несколько тенденций. 1. И.В. Лашук отмечает, что «если экономическая и политическая сферы общественной жизни поддаются целенаправленному управленческому воздействию и законодательному регулированию, то трансформации в сфере цивилизации и культуры в значительной степени носят самоорганизующийся характер»¹. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы, связанные с решением проблем этнокультурного развития и национальной идентичности граждан Беларуси, и особенно среди поколений, входящих во взрослую жизнь после провозглашения суверенитета Беларуси. 2. Качественные изменения, происходящие в трансформирующемся белорусском обществе, влияют на социальную структуру Беларуси. Хотя при этом белорусское общество в значительной степени остается традиционным. 3. В традиционном обществе религия и семья, вместе с этнокультурной компонентой, играют очень важную роль. 4. Молодежная культура не является гомогенной, т.к. в ней присутствуют различные ценностно-идентификационные системы.

Заключение. В последнее время мир столкнулся с глобальной нестабильностью, адаптация к которой стало мотивом для перехода к новой модели цивилизационного развития. В этой модели ключевым моментом становится сохранение всего культурного многообразия мира через реальный взаимно равный диалог культур, с учетом этнокультурного многообразия и национальных особенностей народов.

На наш взгляд, современный мир будет укрепляться не за счет неких общих для всех правил игры, признанных универсальными некими общечеловеческими ценностями, а, наоборот, за счет того, что будут уважаться, в том числе и сильными мира сего, национальные интересы, права и достоинства всех народов и граждан. Если будет сохраняться многообразие мира, наладится и реальный диалог культур. Признание же за образец устройства жизни и модели развития сильнейшего – это как бы капитуляция, сдача своих национальных интересов, и в этой

---

¹ Лашук И.В. Социокультурный анализ современного белорусского общества. – Нац. академ. наук Беларуси, Институт социологии. Минск: Беларуская навука, 2019. С. 3-4.

связи – самоличное перекодирование своих культурных основ, изменение идентификационного кода, потеря будущего.

Прав А.В. Смирнов, когда утверждает, что «...претензии какой-либо культуры на исключительную общечеловеческую значимость абсурдны. <...> Современный глобализм опасен тем, что пытается внедрить в сознание идею общечеловеческой значимости европейской культуры не только в первом (понятность), но и во втором (императивность) смысле. Единственным противоядием может быть идея всечеловеческого устройства мира. <...> Всечеловеческий проект мирового устройства – это проект сохранения всего многообразия, всего богатства проявлений человеческого духа, открывшего себя в многообразии логик, развернутых как многообразие культур. Культура «застывает» как цивилизация, и многополярный мир может замысливаться только как многоцивилизационный»¹

---

¹ Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. Общечеловеческое. М.: ООО «Сандра»: Издательский Дом ЯСК, 2019. С. 204.

ГЛАВА VIII

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ РУССКОГО ЭТНИЧЕСКОГО МЕНЬШИНСТВА ЛАТВИИ (1991-2021)

Волков В.В.

доктор социологии, ведущий
исследователь
Института философии и
социологии
Латвийского Университета,
г. Рига, Латвия

Аннотация. Целью данной работы является раскрытие особенностей формирования современного этапа исторической памяти русских, как самого большого этнического меньшинства Латвии. Автор показывает непосредственную связь исторической памяти и потребности в сохранении коллективной идентичности латвийских русских. Для исторической памяти русских важнейшей потребностью является выстраивание позитивной ценности всех исторических этапов их пребывания на территории Латвии. Институционализация принципов латвийского национального государства, которые акцентируют приоритет латышского языка, культуры, понимания истории, сосуществует с конституционными гарантиями прав этнических меньшинств на развитие своей идентичности, что предполагает и право на свою версию исторической памяти. Однако недостаток общественных публичных дискуссий в Латвии между латышами и представителями этнических меньшинств о наиболее оптимальном синтезе принципов национального государства и содержания права на сохранение коллективной идентичности этих меньшинств затрудняет и полноценное взаимодействие исторической памяти латышей и латвийских русских.

Ключевые слова: этнические меньшинства, историческая память, коллективная идентичность.

Исторический контекст коллективной памяти русского населения Латвийской Республики с 1991 года

Под исторической памятью понимается набор передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого. Особое место в исторической памяти занимает негативный опыт угнетения, несправедливости в отношении народа. Иногда это социальное явление

рассматривается как измерение коллективной (или социальной) памяти¹. В этом смысле социальная память выступает важнейшим ресурсом различных видов коллективной идентичности, устанавливающей («воображающей» по Б. Андерсону) связи не только с современниками, разделяющими общие культурные ценности, но и с предшествовавшими поколениями. Особый характер приобретает историческая память этнических меньшинств, проживающих за пределами родины своего исторического происхождения и ареала и включенных в состав современных многоэтнических обществ, в которых утвердились принципы национального государства. Сложность исторической памяти этих меньшинственных групп ещё более усилена, если на официальном уровне и в широких пластах массового сознания страна их исторического происхождения рассматривается в качестве недружественного государства.

Латвия является страной, где этнокультурное разнообразие населения является длительным историческим и даже политическим феноменом. Географическое соседство Латвии с Россией и главным образом её вхождение в состав Российской Империи с начала 18 века, а затем и СССР способствовало появлению на её территории большой группы русского населения и представителей других этнокультурных групп, для которых русский язык был или стал родным. Высокая доля русского и русскоязычного населения в Латвии и особенно в её крупнейших городах², начиная с эпохи буржуазной модернизации второй половины 19 века, а также приоритетная идентификация на основе русского языка и русской культуры, обусловили и воспроизводство важнейших структурных элементов исторической памяти. При этом историческая память русского населения Латвии имела и имеет важные особенности по сравнению с русской «материковой» памятью. Эти особенности вытекают как раз из необходимости взаимодействия нередко в частной жизни, а также в публичном пространстве с исторической памятью других значительных этнических групп, которые, как например, балтийские немцы или поляки были в давней или недавней истории субъектами

---

¹ Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Москва: ГУ ВШЭ, 2003.

² На начало 2021 года в Латвии проживало 463.6 тыс. русских, что составляло 24.5% всего населения страны. При этом доля русских в Риге составляет 36.0%. *Источник:* Iedzīvotāju skaits un īpašvars pēc tautības reģionos, republikas pilsētās, novados un 21 attīstības centrā gada sākumā - Tautība, Teritoriālā vienība, Rādītāji un Laika periods. https://data.stat.gov.lv/pxweb/1v/OSP_PUB/START__POP_IR_IRE/IRE030/table/tableViewLayout1/ (25.6.2021)

своей государственности, или с латышами, для которых российская модернизация второй половины 19 века открыла возможности для национального возрождения, а затем и учреждения своего национального государства¹.

После 1991 года русское население снова оказалось перед выбором ориентиров своей социальной памяти. Пока не существует многосторонних масштабных исследований этого феномена. Но важная особенность всё же выделяется. Это потребность в конструировании такой социальной памяти, которая синтезирует все исторические этапы пребывания русских на территории Латвии как этнокультурную и нередко – политическую ценность. Именно такая социальная память рассматривается большинством представителей русского населения как важнейший элемент его коллективной идентичности, как важнейшая составляющая для взаимодействия с исторической памятью латышей. В конце 2017 года автор проанализировал тематику публикаций на портале «Русские Латвии» (редактор – доктор истории Татьяна Фейгмане)², который является на сегодняшний день крупнейшим информационным ресурсом об истории и культуре русского населения Латвии. Оказалось, что большинство статей русских авторов – 490 (53,3%) были посвящены русской культуре и истории, персоналиям русского населения Латвии. А вместе с публикациями о русской культуре и истории в целом, истории и общественной жизни Латвии как части российской истории количество статей достигало 630, или 68,2%, что существенно превышает долю публикаций о политических проблемах интеграции латвийского общества (167, или 18,1%) (табл. 1).

---

¹ Apine, I., Volkovs, V. *Slāvi Latvijā*. 1998. Rīga: LZA Filosofijas un socioloģijas institūts. P. 184–249; Volkovs, V. *Krievi Latvijā* // L. Dribins (ed.) *Mazākumtautības Latvijā. Vēsture un tagadne*. 2007. Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts. P. 91–139.

² Русские Латвии. URL: <http://www.russkije.lv/ru/lib/read/the-russian-community-of-latvia.html> (дата обращения: 25.06.2021).

Таблица 1

**Тематика статей на портале «Русские Латвии» на конец 2017
года**

Основные темы статей	Количество	
	Русские авторы	Латышские авторы
Русская культура и русское население Латвии в истории нового времени; творцы русской общественной жизни и культуры в Латвии; русские, родившиеся в Латвии	490 (53,0%)	2 (6,7%)
Проблемы интеграции латвийского общества; взаимодействие латышей и этнических меньшинств в истории и современности; статус русского языка и школ в Латвии; проблема этнического равенства	167 (18,1%)	11 (36,6%)
Русская культура и история в целом; история и общественная жизнь Латвии как часть российской истории (1703-1918, 1940-1991)	140 (15,2%)	0 (0%)
Взаимодействие латвийской и русской культуры, русских и латышей	53 (5,7%)	13 (43,3%)
Всего	850 (100,0%)	26 (100,0%)

При этом следует учитывать, что современный этап развития исторической памяти русского населения и его взаимодействия с памятью латышей, на наш взгляд, обусловлен тем, что нациестроительство в Латвии носит незавершённый характер. Это связано с тем, что обретение государственной независимости в 1918 и в 1991 году было воспринято латышами не только как важнейшая завершающая стадия развития себя как нации, но и в качестве политической основы преобразования гражданского общества в соответствии с идеалами доминирования латышского языка, культуры, интерпретации истории Латвии и социальной памяти в целом как в жизни самих латышей, так и этнических меньшинств. И после многих дискуссий 1990-х и первого десятилетия 2000-х годов о характере латвийской нации в 2014 году в преамбуле Конституции Латвии закрепляются не тождественные по своему смыслу (юридическому и политическому) положения о «латышской нации» и «народе Латвии». Этнические меньшинства, гарантии сохранению идентичности

которых гарантирует 114-я статья Конституции, уже не рассматриваются в качестве неотъемлемой части «нации»¹.

Представляется, что в условиях либеральной демократии уместнее было бы трактовать этнические меньшинства как составные части латвийской нации, их идентичность – как одну из легитимных форм национальной идентичности², что подразумевает и право на свою историческую память. Правда, ни латвийское общество, ни эксперты из Европейского Союза пока не могут предложить формулу синтеза исторической памяти латышей и русского населения страны. Так, Резолюция Комитета Министров ЕС по имплементации Рамочной конвенции по защите национальных меньшинств в отношении Латвии (2021) ограничилась лишь констатацией того, что «основные национальные группы – латышское большинство и русское меньшинство ... имеют существенно различное восприятие истории и государства, в котором они хотели бы жить»³.

Характер концепта «социальная память» в этнополитических документах и общественно-политических практиках Латвии

Общественно-политическое значение понятия «социальная память» (как варианты – «коллективная память», «историческая память») и практик, с ним связанных, определяется в том числе и тем, что оно включено в некоторые официальные документы современной Латвийской Республики. Причём активное использование термина «историческая память» в государственной этнополитике приходится на последнее десятилетие. Хотя все документы, регулирующие вопросы этнополитики, включают в себя положения, отражающие официальную интерпретацию истории Латвии в XX веке. Так, первая Государственная программа интеграции латвийского общества (2001) вообще не применяла это понятие или близкие к нему. Например, под «сущностью интеграции» эта программа рассматривала «готовность добровольно принять латышский язык как государственный и уважение к языкам и культурам латышей и этнических меньшинств Латвии»⁴.

---

¹ Latvijas Republikas Satversme. URL: <https://likumi.lv/ta/id/57980-latvijas-republikas-satversme> (01.01.2019).

² Volkovs, V. Latvijas etnisko minoritāšu identitātes vērtības: starp nomatīvismu un plurālismu. 2018. Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts. P. 9-12.

³ Resolution CM/ResCMN9 on the implementation of the Framework Convention for the Protection of National Minorities by Latvia (*Adopted by the Committee of Ministers on 3 March 2021 at the 1397th meeting of the Ministers' Deputies*) (2021) URL: <https://www.coe.int/en/web/minorities/-/adoption-of-a-committee-of-ministers-resolution-on-latvia> (25.06.2021)

⁴ Valsts programma “Sabiedrības integrācija Latvijā”. 2001. Rīga. P. 6-10.

Однако в общественно-политическом развитии Латвии в XXI веке возникло немало препятствий для гармоничного сочетания многокультурности, гражданских и либеральных ценностей. Правые и националистические силы в такой ситуации стремятся сузить пространство публичной реализации идентичности этнических меньшинств, включая и маргинализацию ценностей их исторической памяти. В действующих же с 2012 до 2018 года «Основных положениях политики национальной идентичности, гражданского общества и интеграции» историческая память понимается как «общее понимание истории, событий прошлого и социально-политических процессов и их интерпретация». Она рассматривается в качестве важнейших структурных элементов национальной идентичности и интеграции латвийского общества, а также латышского «культурного пространства». Более того, наличие особой социальной памяти у русского населения рассматривается как негативный признак «двуобщинности» латвийского общества. Хотя приводятся данные, что треть латышей считает 9 Мая праздником, а 79% русской молодёжи позитивно оценивает День независимости Латвии, заявляется, что характерное для части русскоязычного населения «особое отношение к событиям Второй мировой войны угрожает не только латвийской национальной идентичности, но и геополитической идентичности, то есть принадлежности западному миру». Чтобы не допустить «двуобщинности», предлагается комплекс мероприятий, призванных сформировать «консолидированную социальную память», включающий в себя исключительно те, которые ориентированы на официальное «понимание Второй мировой войны, советской и нацистской оккупации Латвии»¹. Следует отметить, что попытки, предпринимавшиеся националистическими политиками, учёными и публицистами внести схожие трактовки в преамбулу Конституции Латвии в 2014 году всё же успехом не увенчались².

Отношение к историческому прошлому в латвийском обществе и, что немаловажно, среди самих латышей – намного сложнее. Например, данные «Мониторинга латвийской социальной памяти» (2013) не подтверждают стереотипы, распространяемые националистически настроенными политиками, журналистами и исследователями об изначальном этническом конфликте, прежде всего, латышско-русском, в интерпретации событий латвийской истории. Констатируется возрастание консенсуса среди представителей всех этнических групп в

---

¹ Nacionālās identitātes, pilsoniskās sabiedrības un integrācijas politikas pamatnostādnes (2012– 2018). 2011. Rīga: LR Kultūras ministrija. P. 5-22, 70-73.

² Grozījums Latvijas Republikas Satversmē. likumi.lv (08.07.2014).

признании ценности демократического периода истории Латвии (1918 – 1934 гг.). Факт образования Латвийской Республики 82,8% опрошенных оценили, как позитивное событие. Причём очень высокой оказалась доля русскоязычных респондентов (73,2%), кто вынес схожую оценку образованию независимой Латвии. Среди опрошенной русскоязычной молодёжи эта оценка ещё выше – 80,9%. Не наблюдается и абсолютного этнического размежевания в оценке советского периода в истории Латвии. Как «хороший» этот период оценили 73,4% русскоязычных и 45,4% латышскоязычных респондентов¹. Это, кстати, подтверждают и другие наблюдения о том, что именно в латышскоязычном сообществе по сравнению с русскоязычным населением в значительно большей степени проходит ценностное размежевание в восприятии советского периода истории Латвии. Однако националистически настроенные политики и публицисты элементы такого межэтнического консенсуса в исторической памяти различных этнических групп Латвии совсем не склонны принимать во внимание. Наоборот, ими постоянно культивируется миф об извечной оппозиционности и даже нелояльности и враждебности латвийских русских по отношению к латышской культуре и латвийской государственности.

За последнее десятилетие в Латвии проявлял себя и либеральный подход по отношению к социальной памяти этнических меньшинств. На этот подход оказали влияние первые несколько лет, последовавшие за включением Латвии в ЕС и фактор относительного социально-экономического благополучия в обществе. В 2007 году Сейм и правительство принимают «Стратегию долгосрочного развития Латвии до 2030-го года», критикующую «этноцентричный способ в интерпретации официальной истории, который широко используется в политической дискуссии о сегодняшнем времени и о прошлом». Такой способ «идеализирует межвоенную Латвию и стигматизирует советский период... /От этой/ стигматизации страдают ... те, кто приехал в Латвию в советские времена и сейчас в народе именуется «оккупантами», а в политическом и исследовательском дискурсе «русскоязычными», «негражданами», «представителями этнических меньшинств»»².

Уровень общественного интереса к дискуссиям об исторической памяти

---

¹ Kaprāns, M., Procevska, O. Latvijas sociālās atmiņas monitorings. 2013. Rīga: LR Kultūras ministrija. P. 4, 6.

² Latvijas ilgtspējīgas attīstības stratēģijas līdz 2030. gadam. Pamatziņojums. 2007. Rīga. P. 24.

Чтобы несколько восполнить недостаток научной информации о связи между актуализацией исторической памяти этническими группами, её публичной демонстрацией и уровнем межэтнического согласия, автор в 2010 году провёл исследование отношения этнических групп к публичным дискуссиям по отношению к проблемным аспектам их совместной истории. Объект исследования – три самые большие этнические группы Даугавпилса (русские, латыши и поляки), второго по величине городе Латвии¹. Полученные данные (табл. 2) говорят о том, что большинство респондентов, причём в каждой из опрошенных этнических групп, стремятся уйти от открытых дискуссий по этим вопросам. Самое большое стремление отказаться от публичного обсуждения вопросов исторической памяти наблюдалось у русских жителей Даугавпилса (76,2 – 78,7%), ниже этот показатель у поляков (56,3 – 63,3%). Интересно, что даже латыши Даугавпилса вовсе не стремятся публично дискутировать по вопросам истории латышско-русских взаимоотношений (показатель – 70,9 %).

С одной стороны, эти данные говорят о том, что, по мнению многих респондентов, открытые дискуссии по вопросам исторической памяти различных этнических групп могут только повредить практикуемым межэтническим отношениям в местах их постоянного проживания. Например, по мнению только 8,5% русских жителей Даугавпилса латышско-русские отношения в Даугавпилсе следует характеризовать как «плохие» и «очень плохие». В то время как по отношению к Латвии в целом этот показатель достигает 49,1 % (табл. 3). Очевидно, что межэтнические взаимоотношения в Латвии в значительной мере оцениваются, в том числе, исходя из-за не прекращающегося противопоставления этно-исторических символов и интерпретаций прошлого, которое разворачивается усилиями «этнических предпринимателей». С другой стороны, нельзя не признать слабость развития в Латвии публичной сферы дискуссий как арены свободного обмена мнений и поиска общественно-политических компромиссов, в том числе и по вопросам межэтнических отношений и социальной памяти.

---

¹ Исследование «Антагонизмы и примирение в многокультурных регионах» (N=578. Руководитель проекта – профессор Яцек Курчевский (Варшавский университет)).

Таблица 2

**Отношение к способам решения межэтнических проблем в
Даугавпилсе, связанных с актуализацией социальной памяти
(2010) (%)¹**

	латышско- русские отношения		латышско- польские отношения		польско- русские отношения	
	Л	Р	Л	П	Р	П
Лучше забыть то, что случилось, важно поддерживать добрососедские отношения	55,7	64,9	50,5	48,6	66,7	42,9
Прошлое забыть невозможно, но и дискутировать о нём публично не стоит	15,2	13,8	12,0	14,7	9,5	13,4
<i>В целом: отказаться от дискуссий о прошлом</i>	70,9	78,7	62,5	63,3	76,2	56,3
Ради добрососедских отношений каждая этническая группа должна открыто обсуждать вопросы прошлого с другой этнической группой	11,3	6,5	6,4	11,3	7,5	17,1
О прошлом необходимо дискутировать правдиво и открыто, и даже громко, так как правда более важна, чем отношения без взаимного доверия	9,7	6,8	10,3	6,8	4,8	7,2
<i>В целом: участвовать в дискуссиях о прошлом</i>	21,0	13,3	16,7	18,1	12,3	24,3
Другое	3,2	3,7	3,3	5,7	1,7	1,6
Нет ответа	4,9	4,3	17,5	12,9	9,8	17,8
В целом	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

*Символы: Л – латыши, Р – русские, П – поляки

¹ Volkov, V., Kurczewski, J. The Latvians, Russians and Poles of Present-Day Daugavpils: Integration, Acculturation and Historic Reconciliation. 2013. Rīga: Zinātne. P. 67.

Таблица 3

**Оценка латышско-русских отношений русскими
респондентами гражданами Латвии (%)¹**

	В Даугавпилсе	В Латвии
Очень хорошие	4.8	1.8
Довольно хорошие	46.8	8.6
Не плохие и не хорошие	35.7	36.1
Скорее плохие	7.0	36.9
Очень плохие	1.5	12.2

К сожалению, избегание публичных дискуссий по актуальным проблемам исторической памяти характерно и для части политиков, претендующих на представительство интересов русского населения Латвии. Так, в принятой самоуправлением Риги в 2012 году, контролируемым социал-демократической партией «Согласие», которая ориентирована именно на русскоязычных избирателей, «Рижской городской программе интеграции на 2012 – 2017 годы» сама проблематика исторической памяти даже не упоминалась². И это при том, что латышские политики постоянно прибегают в публичном дискурсе к теме исторической памяти.

Этнические меньшинства стремятся дополнить латвийское публичное пространство элементами своей социальной памяти. Это важно и потому, что, например, «Канон латвийской культуры» ориентирован в основном на латышскую культуру и среди образцов культур этнических меньшинств содержит упоминание лишь творчества режиссёров А. Шапиро и Г. Франка, балерины Е.Тангиевой³. Активность этнических меньшинств в институционализации особенностей своей исторической памяти на территории Латвии наиболее ярко проявляется в деятельности интернет-порталов общественных организаций этнических меньшинств, в которых информация об истории и культуре этих групп населения, а также их исторической родины занимает одно из центральных мест (например: «Русские Латвии»⁴, «Информационный

¹ Volkov, V., Kurczewski, J. The Latvians, Russians and Poles of Present-Day Daugavpils: Integration, Acculturation and Historic Reconciliation. 2013. Rīga: Zinātne. P. 70.

² Rīgas pilsētas sabiedrības integrācijas programma 2012.–2017. gadam. 2012. Rīga. P. 4, 28, 29.

³ Latvijas kultūras kanons. URL: <https://kulturaskanons.lv/> (15.12.2016).

⁴ Информационный сайт Русского общества в Латвии. URL: <https://russkie.org.lv/> (25.06.2021).

сайт Русского общества в Латвии»¹, «Союз поляков Латвии»², портал ИМХО-клуб³, цикл гуманитарных семинаров и альманах «Русский мир и Латвия», журнал «Балтийский мир»⁴, многие международные научные конференции и научные издания, посвящённые православию, включая старообрядчество, в Латвии⁵, латвийским евреям⁶ и т.д.) К теме исторической памяти русских Латвии обращается и Латвийская православная церковь⁷, ежедневная газета на русском языке «Вести сегодня». В этих изданиях наиболее популярным является представление о непрерывности социальной памяти этнических меньшинств на всех этапах истории Латвии.

---

¹ Русские Латвии. URL: <http://www.russkije.lv/ru/lib/read/the-russian-community-of-latvia.html> (25.06.2021).

² Dział kultury Związka Polaków na Łotwie. polonia.lv (18.05.2016).

³ ИМНО club. imhoclub.by (18.05.2021).

⁴ Кондрашов Д. Этот день Победы // Балтийский мир. 2008. С. 14 – 22; Рерих С. Николай Рерих – художник и провидец // Балтийский мир. 2009. Рига. С. 32 – 37.

⁵ Новые издания латвийских староверов. URL: <http://www.russkije.lv> (18.5.2016); Православие в Балтии // Научно-аналитический журнал. 2014. Riga: LU FSI.

⁶ Музей «Евреи в Латвии». URL: www.ebrejumuzejs.lv (18.05.2016).

⁷ Латвийская православная церковь. URL: <http://www.pravoslavie.lv> (18.5.2016).

ГЛАВА IX

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЯВЛЕНИЕ КСЕНОФОБИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Шапавалова И.С.

*доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой социологии и работы с
молодежью Белгородского государственного
национального исследовательского университета, г.
Белгород, Россия*

Валиева И.Н.

*ассистент кафедры социологии и работы с
молодежью Белгородского государственного
национального исследовательского университета, г.
Белгород, Россия; научный сотрудник Башкирского
государственного университета, г. Уфа, Россия*

Аннотация. Вопрос этноса, его восприятия молодежью, в условиях стратегической важности задач формирования толерантного общества, поддержания мира и приветствия мультикультурности, стоит остро не только в политической среде, но и научном сообществе. В главе предлагается нетривиальный взгляд на понятийную каузальность – связь между понятиями этнической идентичности и этнической ксенофобии. Доказывают это результаты исследований 2020 года, осуществленные Международным центром социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета, с участием региональной молодежи. Проведенные исследования наглядно демонстрируют – действительно, такая связь существует: несмотря на высокую этническую идентичность, отсутствие национальных конфликтов на территории исследования, по все индикаторам молодежь демонстрирует достаточно высокие показатели национальной дистанции, ксенофобии и даже неприязни, причем к народам, не представленным на территории. Это доказывает, что природа формирования этнической идентичности и ксенофобии взаимозависимы и требуют не только расширенного изучения, но и новых практик регулирования, особенно в молодежной среде.

Ключевые слова: молодежь, национальность, культура, этническая идентичность, этническая ксенофобия, этническая толерантность, этническая дистанция.

В условиях геополитической напряженности и одновременной устремленности общества к формированию «безграницной» толерантности, важнейшими индикаторами благополучия и риска становятся показатели этнической идентичности. Данная исследовательская повестка особенно актуальна в разрезе изучения молодого поколения, как стратегически важной части национального человеческого капитала. Наряду с этим нельзя не говорить о неразделимом понятии, по сути, представляющем «понятийные стороны одной медали» – явление ксенофобии в молодежной среде. Говоря об этнической идентичности, безусловно, мы ставим знак «плюс» – только так может и должно рассматриваться это явление. Но, к сожалению, безусловное отождествление себя с этносом невозможно без установления четких межэтнических границ – что напрямую сопряжено с возрастающим уровнем национальной ксенофобии. Ксенофобия имеет определенные уровни своего проявления – ощущение инаковости по отношению к национальным «другим», страх, непонимание, ненависть – в своей крайне стадии переходя в радикализм и экстремизм, данное явление не кажется уже таким «нейтрально-отстраненным», что в общем-то подтверждают исследования ученых во всех научных областях. Но, проанализировав научные работы эмпириков и практиков мы убедились – что практически не установлена связь, не поднята проблема «высокая этническая идентичность = высокая этническая ксенофобия». По крайней мере, мы не обнаружили работы, где бы эти два понятия пересекались бы в таком контексте, скорее – это два отдельных предмета исследования, причем первый (идентичность) идет со знаком «плюс», а второй (ксенофобия) со знаком «минус».

Фундаментальные основы изучения этнической идентичности молодежи рассматриваются в работах Е.Ю. Чеботарёвой¹, П.Л. Полежаева², А.В. Аникиной и О.К. Шиманской³, Е.М. Арутюновой⁴, А.И. Донцова, Е.Б. Перелыгиной и О.Ю. Зотовой¹.

---

¹ Чеботарёва, Е.Ю. Этническая идентичность молодежи в полиэтнической среде / Е.Ю. Чеботарёва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2012. № 1. С. 22-28.

² Полежаев, П.Л. Этническая идентичность молодежи в современном мире / П.Л. Полежаев // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2019. № 31. С. 1-6.

³ Аникина, А.В. Национальная и гражданская идентичность студенческой молодёжи в зеркале социологии. / А.В. Аникина, О.К. Шиманская // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 1 (25). С. 118-126.

⁴ Арутюнова, Е.М. Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика. / Е.М. Арутюнова // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 259-272.

Основной пласт исследований посвящен проблемам этнической идентичности молодежи в региональном аспекте (Я.В. Жандарова и Н.Г. Попова, Е.М. Арутюнова², Г.Ф. Габдрахманова и А.Р. Мухаметзянова³, Р.А. Луговой⁴), также проблемам малых народов (В.Г. Целищева⁵) и взаимодействия культур (С.А. Мадюкова, О.А. Персидская и Ю.В. Попков⁶).

Отдельного внимания заслуживают работы, позволяющие увидеть определенные возможности анализа этнической идентичности, например, аспекты ее изучения в контексте глобализации затронуты авторским коллективом Р.Б. Шайхисламовым, Р.И. Ирнараровым, Э.В. Садретдиновой и Н.В. Коровкиной⁷. В работах научного коллектива также есть аспекты, позволяющие говорить о ценностных установках молодежи и их трансформации (И.С. Шаповалова, А.В. Кисиленко⁸), проблемах этнической специфики реализации молодежной политики (И.С. Шаповалова, Е.Н. Маликова⁹).

Явление ксенофобии в молодежной среде – прежде всего, этнической ксенофобии, представляет собой явление «побратим» для процессов, формирующих этническую идентичность. И явление

---

¹ Донцов, А.И. Этническая идентичность молодежи, живущей в мире риска и неопределенности. / А.И. Донцов, Е.Б. Перелыгина, О.Ю. Зотова // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире. Материалы XXI российской научно-практической конференции (с международным участием). Екатеринбург, 2019. С. 382-384.

² Арутюнова, Е.М. Идентичности и этнические установки молодежи Башкортостана / Е.М. Арутюнова // Панорама Евразии. 2012. № 2 (10). С. 39-48.

³ Габдрахманова, Г.Ф. Этническая идентичность татарской молодежи республики Татарстан: общероссийские, региональные и культурные символы / Г.Ф. Габдрахманова, А.Р. Мухаметзянова // Вестник Российской нации. 2016. № 5 (50). С. 102-115.

⁴ Луговой, Р.А. Типы этнической идентичности молодежи Дагестана в традиционной и иноэтнической среде / Р.А. Луговой // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2011. № 2 (15). С. 9-15.

⁵ Целищева, В.Г. Особенности этнической идентичности молодежи малочисленных народов Дальневосточного региона / В.Г. Целищева // Социологические исследования. 2007. № 1 (273). С. 122-127.

⁶ Мадюкова, С.А. Общенациональная и этническая идентичность молодежи этнических групп республик Сибири в сравнительной перспективе / С.А. Мадюкова, О.А. Персидская, Ю.В. Попков // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. С. 69-83.

⁷ Шайхисламов, Р.Б. Гражданская идентичность: региональное измерение глобализации / Р.Б. Шайхисламов, Р.И. Ирнараров, Э.В. Садретдинова, Н.В. Коровкина // Вестник ВЭГУ. 2013. № 3 (65). С. 79-86.

⁸ Шаповалова, И.С. Духовно-нравственные выборы в жизненных стратегиях молодежи: опыт социологического исследования / И.С. Шаповалова, А.В. Кисиленко // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13. № 6. С. 14-28.

⁹ Шаповалова, И.С. Реализация государственной молодежной политики в России: региональный аспект / И.С. Шаповалова, Е.В. Маликова // Теория и практика общественного развития. 2018. № 6 (124). С. 22-26.

ксенофобии, в том числе и в мононациональной среде, также заслуживает внимания российских авторов. Как правило, ксенофобия в молодежной среде рассматривается в контексте толерантности (С.Д. Савин, Е.И. Москальчук¹, П.А. Меркулов, Н.В. Проказина, А.В. Исаев²). Но ряд научных работ позиционируют данное явление как «мост», переход к более «жесткому» явлению – экстремизму. Среди таких работ можно назвать статьи К.А. Идрисова и И.С. Хажуева³, С.М. Ситяевой и С.В. Яремчук⁴, Л.К. Матуевой и В.О. Микрюкова⁵, С.И. Аккиевой и И.Ю. Теммоева⁶, Г.Ю.А. Вектора и В.Ф. Захарова⁷, В.В. Касьянова, Д.В. Кротова и С.И. Самыгина⁸, А.А. Харченко, О.В. Заслонкиной и О.Н. Дровникова⁹, О.Д. Маланцевой и Е.Г. Дозорцевой¹⁰.

И, несмотря на кажущуюся популярность темы ксенофобии среди ученых, достаточно редки методологические работы, где ксенофобия молодежи рассматривается как социологическая категория в сложной системе связей. Среди таких работ можно назвать статьи В.И. Мукомель, где рассматривается ряд подходов к определению и

---

¹ Савин, С.Д. Петербургские школьники: между ксенофобией и толерантностью / С.Д. Савин, Е.И. Москальчук // Социологические исследования. 2018. № 4 (408). С. 54-60.

² Меркулов, П.А. Межэтническая толерантность молодежи российской провинции в условиях интенсификации миграционных потоков./ П.А. Меркулов, Н.В. Проказина, А.В. Исаев // Социум и власть. 2017. № 2 (64). С. 28-33.

³ Идрисов, К.А. Интолерантность и ксенофобия, как источник экстремистского поведения личности / К.А. Идрисов, И.С. Хажуев // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2020. № 2 (40). С. 80-88.

⁴ Ситяева, С.М. Субъективные и объективные предикторы экстремистских установок молодежи / С.М. Ситяева, С.В. Яремчук // Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет. Комсомольск-на-Амуре, 2019.

⁵ Матуева, Л.К. Ксенофобия, экстремизм и национализм как формы самовыражения молодежи XXI века / Л.К. Матуева, В.О. Микрюков // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11-2 (38). С. 154-156.

⁶ Аккиева, С.И. Профилактика экстремизма и ксенофобии в молодежной среде в СКФО / С.И. Аккиева, И.Ю. Теммоев // Colloquium-journal. 2019. № 27-6 (51). С. 42-44.

⁷ Вектор, Г.Ю.А. Профилактика идеологии экстремизма, радикализма и ксенофобии в образовательной организации: обзор нормативной базы / Г.Ю.А. Вектор, В.Ф. Захаров // Этнодиалоги. 2018. № 1 (55). С. 8-30.

⁸ Касьянов, В.В. Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде: факторы распространения / В.В. Касьянов, Д.В. Кротов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8-9. С. 60-63.

⁹ Харченко, А.А. Экстремизм и ксенофобии как протестный механизм социального аутсайдерства молодежи / А.А. Харченко, О.В. Заслонкина, О.Н. Дровникова // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 2 (38). С. 92-100.

¹⁰ Маланцева, О.Д. Ксенофобия и молодежный экстремизм: истоки и взаимосвязи / О.Д. Маланцева, Е.Г. Дозорцева // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. 2012. № 2. С. 1-10.

объяснению ксенофобии (социально-экономический детерминизм, психологический, социально-психологический, социальный) и предлагается весомый анализ распространенности ксенофобных настроений в молодежной среде в сравнении с более старшими поколениями россиян¹; ксенофобия рассматривается как фактор, разрушающий гражданское доверие и одновременно порождаемый им². Более подробно раскрывает тему использования социокультурного подхода в анализе ксенофобии молодежной среды Л.А. Апанасюк³. Также, в качестве другого методологического ракурса, интересна научная работ Т.А. Нигматуллиной⁴, в которой предлагается взглянуть на этнокультурную ксенофобию, с позиции политических процессов и глобализации.

В рамках этой темы также важны работы, посвященные, как правило, полевым исследованиям, где мы можем наблюдать результат авторской эмпирической операционализации проблемы молодежной ксенофобии, где зачастую находим индикаторы, связывающие все понятия воедино – национальная идентичность–толерантность–ксенофобия–экстремизм (Т.П. Скрипкина⁵, В.К. Гонцовский⁶, В.Ю. Стадник⁷, Л.А. Апанасюк⁸, Е.О. Кубякин⁹).

В 2020 году Международным центром социологических исследований Белгородского государственного национального

---

¹ Мукомель, В.И. Ксенофобия в молодежной среде / В.И. Мукомель // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 228-258.

² Мукомель, В.И. Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия / В.И. Мукомель // Мир России. Социология. Этнология. 2014. Т. 23. № 1. С. 137-166.

³ Апанасюк, Л.А. Ксенофобия в молодежной среде: социокультурный подход / Л.А. Апанасюк. Тамбов, 2013.

⁴ Нигматуллина, Т.А. Политическая интерпретация этноксенофобии в молодежной среде: новые вызовы глобализации / Т.А. Нигматуллина // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2014. № 1 (24). С. 83-94.

⁵ Скрипкина, Т.П. Ксенофобия у российской молодежи, проживающей в разных регионах страны / Т.П. Скрипкина // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26. № 3. С. 73-86.

⁶ Гонцовский, В.К. Этническая ксенофобия в южном федеральном округе: причины и тенденции распространения в молодежной среде / В.К. Гонцовский // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 68-71.

⁷ Стадник, В.Ю. Этническая конфликтность студенческой молодежи: региональный аспект / В.Ю. Стадник // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 3 (64). С. 155-159.

⁸ Апанасюк, Л.А. Ксенофобия в молодежной среде: современное состояние и динамика / Л.А. Апанасюк // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 5 (51). С. 253-260.

⁹ Кубякин, Е.О. Социально-психологические и социально-возрастные особенности молодежи как фактор формирования ксенофобных и экстремистских установок / Е.О. Кубякин // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 3. С. 166-172.

исследовательского университета совместно с коллективом Башкирского государственного университета было проведено исследование методом формализованного, структурированного интервью в приграничном регионе Российской Федерации, сопредельным государством в случае данного исследования выступало государство Украины (конфликтующая территория). В исследовании принимала участие молодежь в возрасте от 17 до 35 лет (обучающаяся, студенческая, работающая). Выборка исследования была квотной, репрезентативной по полу, возрасту, территории поселения и составила 500 человек (доверительная точность 95%, доверительный интервал 4,38%). В этом же году Центром было проведено исследование, посвященное вопросам ксенофобии и экстремизму в среде студенческой региональной молодежи (N=500, ошибка выборки 1,64%, доверительная точность 95%) в молодежной среде и в этой главе мы представляем некоторые данные этих исследований.

Говоря об этнической идентичности, было определено, что ее ключевыми факторами для молодых людей являются этнические корни – национальность родителей определяет выбор этнической идентичности (77,0%), территория проживания (65,2%) и язык (57,2%) (рис. 1)¹.

Рис. 1 Факторы этнической идентичности

Но, рассматривая весь ряд факторов, разделенных на группы, мы видим, сколь велика роль национальной культуры и традиций (совокупно группа факторов занимает 26,2%) – в долевом эквиваленте она становится первой по значимости. Вслед за родственными корнями

¹ Шаповалова, И.С. Молодежь российского приграничья: проблема этнической идентичности и толерантности / И.С. Шаповалова, И.С. Заводян, И.Н. Валиева // Научный результат. Социология и управление. 2021. Том 7. № 1. С. 25. URL: <http://rfsociology.ru/journal/annotation/2341/>.

в долевым сегменте идет язык – думать и говорить на языке – значит соотносить себя с этносом, иметь этническую идентичность

Стоит сказать о том, что региональная молодежь имеют достаточно высокий уровень этнической идентичности, отождествляя себя с русским народом (93,6%).

Определение факторов этнической идентичности стало платформой для разговора о «российском этносе», «российской нации» – самом понятии и существовании, в противовес существующих понятиях об «американской нации», «французской нации» и т.д. Выбирая среди развернутых ответов на данный вопрос, стоит сразу оговориться, что большинство молодых людей не знакомы с данным понятием (31,4%), считают, что слово нация не подходит для обозначения многонационального народа (12,0%) или не имеют мнения по этому вопросу (11,2%). Оставшиеся 45,4% респондентов распределились среди мнений о том, что российской нацией можно считать все народы, проживающие на территории нашей страны (15,8%); российская нация – это русские как государствообразующий народ, другие же народы страны – это отдельные нации (12,8%); российская нация – это объединение людей разных национальностей вокруг русских (12,4%); российская нация – это пустые слова, без особого содержания (4,4%). По разделению мнений мы видим скорее отрицательное восприятие введения такого понятия (совокупно 59% против 41%), положительной полюс скорее смещен в сторону мультинационального восприятия, нежели центрированности на русских как ключевой национальной «составляющей» (28,2% против 12,8%)¹.

Установление границ этнической дистанции позволило определить рельеф этнической толерантности и этнической ксенофобии (рис. 2). Шкала этнической дистанции включала в себя разные уровни близости коммуникации, от гражданственности до полной ассимиляции через институты семьи и родственные отношения. Согласно гипотезе исследования, которая полностью подтвердилась, более низкий уровень этнической дистанции автоматически включает в себя впереди идущие уровни, отличающиеся большей дистанцией (на рисунке можно видеть, что все уровни образуют вариант «вложения», «матрешки», когда большая

---

¹ Шаповалова, И.С. Молодежь российского приграничья: проблема этнической идентичности и толерантности / И.С. Шаповалова, И.С. Заводян, И.Н. Валиева // Научный результат. Социология и управление. 2021. Том 7. № 1. С. 27. URL: <http://rfsociology.ru/journal/annotation/2341/>

дистанция выбирается всегда большим количеством человек, чем идущая за ней меньшая этническая дистанция)¹.

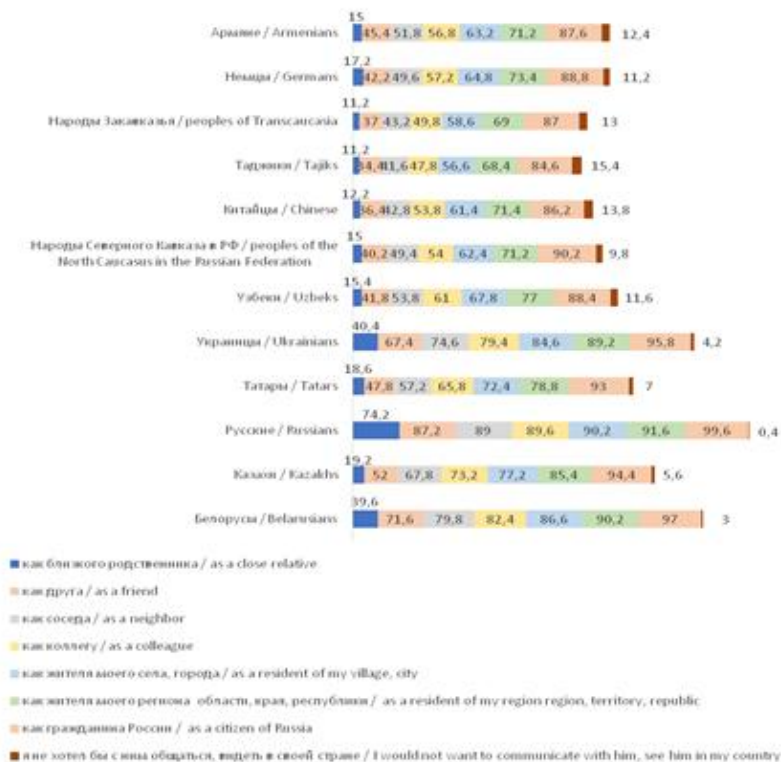
Сопряженность понятий этнической дистанции и этнической толерантности / ксенофобии может быть отражена в моменте соответствующих видов толерантности. Так, восприятие представителя другого этноса как гражданина государства – соответствует гражданской толерантности – гражданской ксенофобии; как жителя региона – региональной толерантности – региональной ксенофобии; жителя территории проживания – локальной толерантности – локальной ксенофобии; как коллеги – деятельностной толерантности – деятельностной ксенофобии; как соседа – домохозяйственной толерантности – домохозяйственной ксенофобии; как друга – коммуникативной толерантности – коммуникативной ксенофобии; как родственника – родственной (или, говоря языком зоосоциологии, видовой) толерантности – родственной ксенофобии.

Таким образом, несмотря на то, что для региона исследования наиболее актуальным является определение этнической дистанции и толерантности к представителям украинской национальности, а, например, такие национальности, как немецкая, относят респондента к национальности страны дальнего зарубежья, мы можем видеть интересную картину.

Относительно гражданской толерантности в наибольшей степени молодежь российского приграничья толерантна к белорусам, украинцам, казахам, алтайцам и татарам (толерантность здесь выше 90%). Принципиально, данный вид толерантности не опускается ниже 80% и в своей нижней точке доходит до 84,6% для таджиков. Таким образом, можно сделать вполне обоснованный вывод о высоком уровне гражданской толерантности на приграничной территории.

---

¹ Шаповалова, И.С. Молодежь российского приграничья: проблема этнической идентичности и толерантности / И.С. Шаповалова, И.С. Заводян, И.Н. Валиева // Научный результат. Социология и управление. 2021. Том 7. № 1. С. 28. URL: <http://rirsociology.ru/journal/annotation/2341/>

Рис. 2 Профиль этнической толерантности

Переходя к анализу региональной толерантности, мы видим, что ее значения заключены уже в период от 68% до 91% (наивысшим показателем, как и для всех остальных видов становится монотолерантность – отношение к основному этносу (русские)). Толерантность данного вида выходит за пределы 80% все для тех же национальных групп: белорусы, казахи, украинцы. В нижней границе располагаются такие народы как таджики, народы Закавказья и Северного Кавказа, армяне, китайцы¹.

Еще один этап снижения показателей толерантности и развития ксенофобия мы фиксируем при переходе к виду локальной толерантности – здесь период согласия на уменьшение дистанции

¹ Шаповалова, И.С. Молодежь российского приграничья: проблема этнической идентичности и толерантности / И.С. Шаповалова, И.С. Заводян, И.Н. Валиева // Научный результат. Социология и управление. 2021. Том 7. № 1. С. 29. URL: <http://rsociology.ru/journal/annotation/2341/>

характерен для статистической группы от 56% до 90% (монотолерантность). При этом, качественный состав групп как «лидеров», так и «антилидеров» сохраняется.

Качественно иной вид толерантности, предполагающий непосредственное взаимодействие (деятельностная толерантность), демонстрирует следующее снижение показателя, опуская его в период от 47% до 89%, с сохранением полюсных национальных групп. В этом виде толерантности мы впервые начинаем говорить о «не толерантности» (выход за пределы 50% по отношению к таджикам и народам Закавказья). Уменьшение дистанции до домохозяйства одновременно устанавливает нижний предел толерантного отношения в 41% для таджиков и в этом виде толерантности впервые происходит максимальное сближение в восприятии национальностей таджиков и китайцев (41,6% к 42,8%).

Переходя на уровень ближней коммуникации, мы видим, как стремительно «таят» показатели толерантности: так максимум составляет уже 87% (монотолерантность), а вот минимум опускается до 34,4% для таджиков. И «впустить в семью» представителей другой национальности готовы уже меньшинство опрошенных: так, если не говорить о монотолерантности, то близкородственное взаимодействие возможно для молодежи с украинцами и белорусами примерно на 40%, а вот все остальные представители наций могут рассчитывать на этот вид толерантности со стороны не более чем 19% (казахи). Менее всего вероятности создать мультикультурную семью в приграничном регионе у таджиков, народов Закавказья и китайцев (11%)¹.

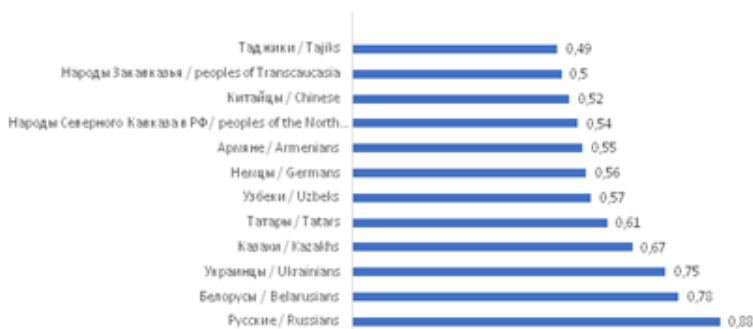
Показательность данной иллюстрации, помимо снижения уровня толерантности и развития ксенофобии при уменьшении этнической дистанции состоит еще и том, что лидерами принятия становятся представители близкого этнического типа (белорусы и украинцы, в том числе несмотря и на сложную геополитическую ситуацию между Украиной и Россией, как нельзя более актуальную для приграничного региона), в то время как отторжение демонстрируется по отношению к типу, отличному не только по культуре, но и по своим внешним характеристикам. Ксенофобия, как основа такого отторжения, проявляется по отношению к «чужому племени», где-то на уровне вида, не воспринимая его как близкий. И здесь, хотя мы и говорим даже о проявлении «не толерантных» выборов, мы не можем говорить

---

¹ Шаповалова, И.С. Молодежь российского приграничья: проблема этнической идентичности и толерантности / И.С. Шаповалова, И.С. Заводян, И.Н. Валиева // Научный результат. Социология и управление. 2021. Том 7. № 1. С. 29-30. URL: <http://rsociology.ru/journal/annotation/2341/>

о вражде или каких-то других агрессивных проявлениях – на уровне гражданского общества ситуацию можно назвать мирной и, даже, солидарной. Но вот процесс ассимиляции, если бы он был необходим, скажем, для мигрантов или переселенцев, становится фактически невозможным при таком ландшафте этнического восприятия¹.

Индексируя полученную информацию, мы можем установить индекс этнической толерантности по отношению к разным национальным группам (рис. 3).

Рис. 3 Индексы этнической толерантности

Данная диаграмма наглядно демонстрирует нам лидеров и аутсайдеров этнического принятия для молодежи приграничного региона. Соответственно, аналогичные индексы ксенофобии будут иметь значение по каждой группе 1-«индекс толерантности».

Обусловленность такой неприязни и, собственно, причины этнических барьеров операционализируются респондентами через целый ряд факторов, лидерами среди которых становится отторжение позиции агрессивно лидерского поведения на чужой территории (49,8%), отсутствие культуры и нарушение норм поведения (46,6%) и враждебное отношение к россиянам, проживающим на территории (45,2%)².

¹ Шаповалова, И.С. Молодежь российского приграничья: проблема этнической идентичности и толерантности / И.С. Шаповалова, И.С. Заводян, И.Н. Валиева // Научный результат. Социология и управление. 2021. Том 7. № 1. С. 30. URL: <http://rirsociology.ru/journal/annotation/2341/>

² Шаповалова, И.С. Молодежь российского приграничья: проблема этнической идентичности и толерантности / И.С. Шаповалова, И.С. Заводян, И.Н. Валиева // Научный результат. Социология и управление. 2021. Том 7. № 1. С. 31. URL: <http://rirsociology.ru/journal/annotation/2341/>

Данные, полученные в ходе исследования этнической идентичности, дополняют данные замеров национальной ксенофобии в студенческой среде.

Реакцию на «иных» людей, отличных от опрошенных студентов в вопросах религии, национальности, расы, можно обозначить как достаточно толерантную: так, 35,7% не чувствуют никакого дискомфорта при столкновении с отличными от привычного образа людьми, 50% – замечают их присутствие, но не выражают беспокойства. Положительный ответ «проявляю интерес» выбрали 8,2%. Из отрицательной реакции есть только 1,6% студентов, которым не нравятся представители иных народов и национальностей, но рефлексия не позволит им выказать свое отношения, и 0,8% относящихся к этой категории с опаской. Всего 0,2% не собирается скрывать своего негативного отношения¹ (в сравнении с данными предыдущих замеров ситуация практически не меняется – здесь мы говорим, как раз, о ксенофобии, проявляющейся при значительной дистанции).

На вопрос о значимости цвета кожи 9,0% респондентов ответили, что испытывают чувство неприязни по отношению к явным расовым отличиям. 83,8% показали отсутствие таковых реакций и 7,1% затруднились ответить однозначно. Конечно, группа респондентов, честно обозначивших нонтолерантный признак в отношении достаточно высоко, но никаких далеко идущих выводов делать невозможно: эффект, называемый зоопсихологией, восприятие человека с другими признаками как иного вида, на уровне подсознания, распространяется в том числе, например, и на инвалидов (по данным наших последних исследований). Аудальный раздражитель, иной язык в пределах слышимости, срабатывает как социальный маркер нонтолерантности для 2,6% опрошенных – они испытывают раздражение и неприязнь. Понятный в этой ситуации интерес указали 41,2% опрошенных, нейтральную реакцию отметили 44,3%. Несколько потенциально небезопасной выглядит группа студентов, сделавшая акцент на том, что важно понимать – чей это язык (6,5%). Таким образом, можно сказать, что, если носитель языка будет относиться к некоторой определенной группе, он может вызвать

---

¹ Шаповалова, И.С. Проявления экстремистских настроений в среде студенческой молодежи / И.С. Шаповалова // Управление в XXI веке. сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Белгород: ИД «Белгород», 2015. С. 164-172.

агрессивную или неприязненную реакцию¹ – стоит сказать, что данные исследования проводятся на протяжении многих лет, и многие показатели имеют некоторую колебательную динамику, практически, по сути, не меняясь, хотя есть ряд нисходящих и восходящих трендов относительно национальной толерантности.

Абстрактное отношение к представителям других национальностей в разы отличается от той ситуации, которую мы можем наблюдать в случае возникновения адресности ксенофобии. Более трети опрошенных студентов отмечают группы национальностей, с которыми они не хотели бы иметь дело. При этом, отвечая на вопрос об их наличии, положительный ответ дают 10,6% опрошенных студентов, но группа не определившихся составляет 22,5%. Таким образом, потенциально можно говорить о 33,1% респондентов, имеющих адресный негатив ксенофобии. Адресность ксенофобных реакций локализована преимущественно в зоне кавказских национальностей и представителей цыганской группы.

Причину таких реакций на представителей других национальностей студенты объясняют, в основном, возможной агрессивностью представителей иного народа (13,3%), стремление установить свои правила и порядки (10,8%). В качестве весомых причин также указывается, различие культур (10,2%), нежелание считаться с принятыми нормами (10,4%).

Дальнейшая маркировка ксенофобных тенденций показала, что при переходе к межличностным коммуникациям негативные тенденции существенно уменьшаются, что еще раз доказывает необходимость создания инклюзивной, открытой среды, смешанных групп, ситуаций взаимодействия в студенческой среде. Так, однозначное влияние национальности в личностном общении отмечают всего 1,9% опрошенных и 2,3% продолжают придерживаться адресности в ксенофобном выборе. 68% отрицают такое влияние, 22,1% смещают вектор на значимость личностных качеств и 4,7% на ситуацию общения².

---

¹ Шаповалова, И.С. Проявления экстремистских настроений в среде студенческой молодежи / И.С. Шаповалова // Управление в XXI веке. сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Белгород: ИД «Белгород», 2015. С. 164-172.

² Шаповалова, И.С. Проявления экстремистских настроений в среде студенческой молодежи / И.С. Шаповалова // Управление в XXI веке. сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Белгород: ИД «Белгород», 2015. С. 164-172.

Рис. 4 Погруженность студентов в социальную среду друзей другой национальности

Знание о своих друзьях, имеющих другую национальность, отмечают большинство респондентов. Более всего студенты осведомлены об образе жизни своих друзей (74,4%), менее всего – об их истории (41,9%). Знание культуры отмечают 67,8%, семейных традиций – 59,1%, ценностей – 64,8% и религиозных обрядов – 43,7%. Таким образом, можно говорить о роли межличностного канала коммуникаций для предотвращения национальных конфликтов (рис. 4)¹ и, стоит сказать, что ситуация погруженности в чужую культуру практически не меняется.

Опрос, проводимый среди студенческой молодежи, позволил получить несколько иные индикаторы этнической дистанции и увидеть несколько иное проявление этнической ксенофобии (рис. 5).

¹ Шаповалова, И.С. Проявления экстремистских настроений в среде студенческой молодежи / И.С. Шаповалова // Управление в XXI веке. сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Белгород: ИД «Белгород», 2015. С. 164-172.

Рис. 5 Терпимость студентов к ситуациям присутствия во внешнем окружении лиц другой национальности

Так, рассматривая вопрос смешения национальностей в аппарате власти, студенты преимущественно высказывают нейтральное отношение. Количество студентов, которые высказывают отрицательное и положительное отношение, составляет 7,5% и 27,8% соответственно. В аналогичной ситуации с коммерческими структурами отмеченная выше тенденция несколько меняется: по прежнему большинству опрошенных безразлично наличие представителе других национальностей в коммерческих структурах (58,6%), но отрицательное отношение практически в 6 раз меньше, чем положительное – 4,6% к 27,6%. Таким образом, студенты скорее допускают возможность передачи части бизнеса в руки представителей других национальностей, но им это менее приятно в отношении власти (см. рис. 5).

Анализируя спектр вопросов, касающихся национальной и расовой толерантности, можно сказать, что существует достаточно устойчивая группа (более 95%), отмечающая толерантное отношение к различным национальным вопросам, связанным со смешением национальностей и рас – например, вступление в брак. Отторжение такой практики среди студентов незначительно – не более 3%. При этом более 40% опрошенных приветствуют такие браки – мы наблюдаем рост по этому показателю в хронотопе данного исследования¹.

¹ Шаповалова, И.С. Проявления экстремистских настроений в среде студенческой молодежи / И.С. Шаповалова // Управление в XXI веке. сборник статей по материалам

Но, по мере изучения вопросов, связанных с обособлением национальностей, мы все больше и больше сталкиваемся с негативной реакцией респондентов: так, возрастающую негативную реакцию мы наблюдаем на предложение создавать в городе национальные кварталы (9,4%), национальные школы (7,0%), национальные места отдыха (7,1%) и национальные социально-политические движения (8,3%). Для сравнения можно обратиться к прошлым исследованиям авторского коллектива¹, но размер этих групп мало меняется в отношении этих позиций.

Эти данные позволяют выдвинуть два противоречащих друг другу предположения, для уточнения которых необходимо проведение качественных методов исследования (фокус-групп). С одной стороны, можно говорить о социологическом голосовании студентов за интеграцию представителей иных национальностей в социально-политическое пространство коренных жителей, с другой, у студентов регистрируется настороженное отношение к различным формам самоорганизации и пространственной локализации, обуславливающей повышенную «концентрацию» лиц некоренной национальности.

В целом же следует говорить о превалировании нейтральных оценок по большинству параметров отношений к лицам некоренной национальности, что маркирует относительно благоприятную социальную обстановку.

Сложная ситуация, в которой в современной геополитической обстановке оказывают российские приграничные регионы, диктует исследовательскую повестку, важным вопросом которой становится этническая идентичность, толерантность и ксенофобия граждан и особенно молодого поколения, как носителя, трансформатора национальной культуры, будущего национального человеческого капитала. Исследование, проведенное, казалось бы, в благополучном приграничном регионе, показало «подводные камни» не только локального, но и системного значения.

В очередной раз на примере данного исследования мы увидели, как соотносятся между собой уровни декларативной и реальной толерантности – толерантность, предполагающая физическую и эмоциональную дистанцию, создает иллюзию мультикультурного принятия и даже поощрения и интеграции (этнической солидарности). Однако смещение фокуса анализа в зону бытового и межличностного взаимодействия показывает истинное «лицо» толерантности молодежи,

---

Международной научно-практической конференции. Белгород: ИД «Белгород», 2015. С. 164-172.

¹ Там же. С. 164-172.

весьма низкие значения, аутсайдерский круг национальностей, этническую ксенофобию и даже этническую нетерпимость. Все это позволяет сделать вывод – нельзя быть обманутыми внешней картинкой благополучия, необходимо честно обозначить отправные точки, их низкие значения и понимать, что этническая открытость – это результат долгой работы всех институтов социализации¹.

Приведенные данные показывают нам каузальность взаимоотношений показателей этнической толерантности и ксенофобии – рост этнического самосознания формирует и замыкает на все большей дистанции круг «этнического принятия», не впуская, не позволяя отождествляться с собой другому этносу, другому народу.

---

¹ Шаповалова, И.С. Молодежь российского приграничья: проблема этнической идентичности и толерантности / И.С. Шаповалова, И.С. Заводян, И.Н. Валиева // Научный результат. Социология и управление. 2021. Том 7. № 1. С. 34-35. URL: <http://rrsociology.ru/journal/annotation/2341/>

ГЛАВА X

ЭТНИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ АНКЛАВЫ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Бедрина Е.Б.

*кандидат экономических наук, доцент
кафедры международной экономики и
менеджмента Уральского федерального
университета, старший научный
сотрудник Института экономики УрО
РАН, г. Екатеринбург, Россия*

Аннотация. В данной главе рассматриваются вопросы расселения коренного и пришлого населения Свердловской области. Цель исследования – выявление особенностей формирования и развития этнических и миграционных анклавов на конкретной территории. Исследование основано на изучении литературных источников, сайтом муниципальных образований, сайтов учебных заведений, социальных сетей и интервью специалистов по работе с детьми в этнических поселениях региона. Исследование показало важность исторического контекста в процессе этногенеза, усиление динамики в развитии сельских этнических поселений, а также их «размывание» и сокращение в результате глобализации, агломерации и русификации. В тоже время в городской среде создаются места компактного поселения, которые могут характеризоваться, как особые «мигрантские» анклавы. Отмечено наличие разной степени мотивации к сохранению своей этнической самоидентификации у различных этносов. В результате исследования сделан вывод о том, что XXI веке усиление миграционных процессов не только меняют содержательную составляющую этнических анклавов, но и требуют переосмысления отношения к ним.

Ключевые слова: миграция, территории компактного проживания, анклализация, сельские этнические анклавы, мигрантские анклавы, национальные языки.

Свердловская область как географически-территориальное образование появилась в 1934 году путем деления Уральской области, в 1938 году от нее отделяется Пермская область. Для анализа

---

¹ Глава подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00445 «Социально-психологическая адаптация трудовых мигрантов в России: условия, факторы и механизмы»

этнических поселений важность представляют соседи региона: на западе – это Пермский край, на севере – Республика Коми и Ханты-Мансийский автономный округ, на востоке – Тюменская область, на юге – Курганская, Челябинская области и Башкирия.

Население Свердловской области, как и всего Урала, формировалось в результате активных миграционных процессов, волны которых были вызваны значимыми историческими событиями. Процессы этногенеза в этом суровом крае шли особенно бурно и привели к возникновению многонационального сообщества при явном доминировании русскоязычного населения. При этом расселение представителей различных этносов имеет как диффузный, так и анклавный характер.

Дело в том, что этнические поселения возникли на данной территории задолго до начала ее промышленного освоения и русификации. Сегодня их можно назвать сельскими этническими анклавами, являющихся одновременно и эксклавами, т. е. локальными территориями, отдаленными от места проживания основной части этноса – национальной республики. Формированию данных анклавов способствовали: во-первых, не заселённость или малая заселённость региона, во-вторых; этнокультурная парадигма, реализуемая в период существования Советского Союза¹. История возникновения и жизненного цикла данных анклавов на территории Свердловской области различна.

Первоначально территория, на которой ныне располагается Свердловская область, была заселена представителями финно-угорской группы – манси, или вогулами. Именно их, наряду с хантами, проживающими на севере в Ханты-Мансийском автономном округе, принято относить к коренным народам Урала². Однако манси достаточно легко «поглощались» другими более крупными этносами. Одновременно шел процесс вытеснения поселений манси к северным границам региона. Брошенные поселения, расположенные в лесных массивах, исчезали либо заселялись представителями других этносов.

Сами манси перенимали привычки, традиции и культурные ценности пришлого населения, в том числе и язык, являющийся одним из ключевых показателем самоидентичности. По данным ЮНЕСКО, в настоящее время только половина манси говорит на родном языке, другая половина мансийский язык не знает и пользуется русским

---

¹ Марусенко М.А. Смена парадигмы языковой политики Российской Федерации: неизбежная необходимость // Человек: образ и сущность. 2018. № 1-2 (32-33). С. 65-67.

² Максимовских М. В., Абрамова Н. Л. Этноэкология и природопользование коренных народов Урала // Успехи современного естествознания. 2013. № 8. С. 20.

языком. В соответствии с языковой картой ЮНЕСКО, восточно-мансийский язык находится в серьезной опасности, северо-мансийский – под угрозой исчезновения, западно-мансийский – уже не используется¹.

Манси официально относятся к малочисленным коренным народам Свердловской области. В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 08.05.2009 N 631-р (ред. от 29.12.2017) для проживания манси была определена территория на севере Свердловской области в границах Ивдельского городского округа². В 2007 году в рамках проекта по возрождению «мансийской деревни» в заброшенном мансийском поселке Ушма было возведено 10 домов для манси. В 2014 году на данной территории находилось 4 поселка с мансийским населением: Ушма, Хорпия, Тресколье, Полуночное, где проживало 112 манси, в том числе 32 ребенка³. По данным на 2019 год на его территории проживало 122 представителя данного народа, в том числе 41 ребенок⁴. В 2011 году в городе Ивдель для поддержки мансийских промыслов была открыта «Фактория», которая просуществовала до 2019 года.

Из-за малодоступности расположения и малочисленности мансийских поселков в них отсутствует социальная инфраструктура, мансийских детей для получения образования отправляют в школы-интернаты. В 2016 г. в поселке Полуночное Ивдельского городского округа на базе средней общеобразовательной школы № 3⁵, находящейся в 100 км от поселка Ушма, стартовал проект, направленный на поддержку и сохранение манси как малочисленного коренного народа севера. В частности, в образовательную программу были включены факультативные курсы, направленные на приобщение

---

¹ Moseley, Christopher (ed.). 2010. Atlas of the World's Languages in Danger, 3rd edn. Paris, UNESCO Publishing. Online version: URL: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas> (дата обращения: 10.06.2021).

² Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р (ред. от 29.12.2017) «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации». URL: <https://admivdel.ru/tekushhaya-deyatelnost/korennye-malochislennye-narody-severa-mansi> (дата обращения: 10.06.2021).

³ Ежегодный государственный доклад «О положении семьи и детей в Свердловской области» по итогам 2014 года. URL: <http://base.garant.ru/20976190/> (дата обращения: 10.06.2021).

⁴ Ежегодный государственный доклад «О положении семьи и детей в Свердловской области» по итогам 2018 года. URL: <https://megaobuchalka.ru/15/33533.html> (дата обращения: 10.06.2021).

⁵ Официальный сайт МАОУ средняя общеобразовательная школа № 3 поселка Полуночное. URL: <https://polunochschool.ucoz.ru/> (дата обращения: 10.06.2021)

детей к традиционному укладу жизни, на изучение родного мансийского языка, создание изделий традиционных народных промыслов¹. В целом на период с 2017 года по 2025 год на организацию обучения детей манси в средней общеобразовательной школе № 3 поселка Полуночное Ивдельского городского округа в соответствии с Планом основных мероприятий по реализации в Свердловской области в 2017 - 2025 годах в рамках Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации из местного бюджета выделено 9 млн. 263,4 тыс. рублей². Тем не менее сохраняется проблема с обеспечением педагогических кадров со знанием мансийского языка. Как выход из создавшегося положения рассматривается возможность отправки детей манси в интернат Ханты-Мансийского автономного округа, однако это не решает проблему, а лишь стимулирует процесс их «северизации». Манси, итак, для получения высшего образования предпочитают поступать в Югорский государственный университет, расположенный в городе Ханты-Мансийске. У манси распространены случаи заключения межнациональных браков с хантами. Тенденция «растворения» манси в хантыйской культуре сохраняется. В настоящее время манси, как и их поселения, в Свердловской области находится на грани исчезновения.

Кроме манси, территория Свердловской области заселялась другими представителями данной языковой группы: марийцами (черемисами), удмуртами (вотяками), мордвой, коми-пермяками, коми. По данным переписи населения за 2010 год, марийцы занимали 5-ую позицию с долей населения 0,55% от численности населения Свердловской области, удмурты – 8-ую с долей населения 0,33%, мордва – 15-ую с долей населения 0,15%, коми-пермяки – 24-ую с

---

¹ Ежегодный государственный доклад «О положении семьи и детей в Свердловской области» по итогам 2018 года. URL: <https://megaobuchalka.ru/15/33533.html> (дата обращения: 10.06.2021).

² Распоряжение Правительства Свердловской области от 17 марта 2017 года № 246-ПП «О реализации в Свердловской области в 2017 - 2025 годах Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (с изменениями на 12 марта 2021 года) (в ред. Распоряжений Правительства Свердловской области от 31.05.2018 № 340-ПП, от 09.04.2020 № 137-ПП, от 12.03.2021 № 100-ПП). URL: <https://docs.cntd.ru/document/446428396> (дата обращения: 10.06.2021).

долей населения 0,03%, коми – 33-ую, с долей населения 0,01%¹. Среди представителей данных этносов большую склонность к сохранению национальных поселений и этнической самоидентичности продемонстрировали марийцы.

Марийские анклавы, как и сельские этнические поселения других народов, сохранились в Свердловской области преимущественно в Артинском, Ачитском, Красноуфимском городских округах и Нижнесергинском муниципальном районе. Все эти территории, за исключением Красноуфимского городского округа, в настоящее время имеют относительно большую долю сельского населения, что в целом не свойственно региону (табл. 1).

Таблица 1

Оценка численности постоянного населения Свердловской области на 1 января 2020 г.²

Территориальная единица	Население, чел.	Городское население, чел.	Сельское население, чел.	Доля сельского населения, %
Свердловская область	4310681	3664715	645966	15,0
в том числе:				
Артинский городской округ	27344	12949	14395	52,6
Ачитский городской округ	15459	4832	10627	68,7
Городской округ Красноуфимск	38304	37735	569	1,5
Нижнесергинский муниципальный район	38578	29741	8837	22,9

Марийское население Свердловской области пытается поддерживать связи с Республикой Мари Эл. Более того, имеют место переезды марийских семей из Мари Эл в Свердловскую область, в том числе и в этнические поселения. Однако при этом происходят процессы «размывания» самоидентичности, а вместе с ней – и марийских этнических анклавов. По данным Этноэкспедиции «УРАЛ-2014», в этнопоселениях Свердловской области 28% марийцев считали

¹ Национальный состав Свердловской области // Официальный сайт Правительства Свердловской области. URL: <http://midural.ru/community/100332/100689/100690/> (дата обращения: 10.06.2021).

² Составлено по: Численность населения Российской Федерации на 1 января 2021 по муниципальным образованиям // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.06.2021).

родным русский язык, еще 12% владели русским языком наравне с марийским. Кроме того, некоторые марийцы, проживавшие в одном поселении вместе с татарами, владели также татарским языком¹.

Примером марийской деревни является Марийские Карши, расположенная в 10 км от поселка Ачит. В данной деревне сохранилась Марикаршинская Основная Общеобразовательная школа, где изучается родной марийский язык². Примером совместного проживания марийского, башкирского и русского населения является деревня Верхний Бугалыш, расположенная в 39 км на юго-восток от города Красноуфимск. С целью поддержки марийского языка в 2005 году в Республике Марий Эл был запущен проект «Марий Эл Радио», а в 2018 г. телеканал «МЭТР», на котором 40% вещания ведется на национальном языке³. Существуют фольклорные марийские коллективы, в городе Екатеринбург организуется марийская дискотека.

Рассказывая об этнических анклавах Свердловской области, нельзя не остановиться на башкирских поселениях. Исторически башкиры размещали свои поселения по берегам реки Уфы и ее притоков, селились родами, обладали вотчинным правом, которое было подтверждено Иваном Грозным после присоединения башкирских территорий к Московскому царству⁴. Позже башкирские поселения стали разбавляться другими этносами: русскими, марийцами, татарами и пр. Как отмечает Л.Н. Мазур, в начале XX в. произошло увеличение численности населенных пунктов, где помимо основной национальности проживали представители других народов, был введен термин «преобладающая национальность»⁵. Примерами совместного проживания башкир и татар может служить деревня Новый Бугалаш Красноуфимского городского округа.

Интересно, что деревни, которые были основаны башкирами, ныне регистрируются как татарские – деревни Артя-Шигири в Ачитском городском округе или Уфа-Шигири в Нижнесергинском муниципальном районе. Процесс «татаризации» башкирского

---

¹ Шкерин В. А., Абрамов И. В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Этноэкспедиция «УРАЛ-2014» // Уральский исторический вестник. 2014. № 4(45). С.132-137.

² Официальный сайт МКОУ АГО Марикаршинская ООШ. URL: <http://mkschool.ucoz.net/> (дата обращения: 10.06.2021).

³ Минкульт Марий Эл ответил уральским марийцам / MariUver. URL: <https://mariuver.com/2019/11/13/minkult-ural-mari/> (дата обращения: 10.06.2021).

⁴ Асылгузин Р.Р. Башкиры Свердловской области: история и современное состояние этнической идентичности в полиэтничном окружении. Уфа: «Хан», 2008. 64 с.

⁵ Мазур Л.Н. Народы среднего Урала в структуре сельского расселения (XX в.) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2007. № 49. вып. 13.

населения Свердловской области особенно активно происходил в советские времена, когда башкир из поселений, где жили татары, часто регистрировали как татар, либо постепенно в процессе совместного проживания они сами начинали себя отождествлять с более крупным этносом – татарами. Кроме того, смена национальности могла произойти и по политическим мотивам¹.

Рост тюркского населения на территории Свердловской области активизировался в IX-XI веках благодаря приходу татар, реже чувашей. В 1883 году в городе Екатеринбурге был открыт торговый дом знаменитых татарских предпринимателей – братьев Агафуровых², а вскоре ими было учреждено Мусульманское благотворительное общество, деятельность которого была направлена, в том числе на поддержку татарского и башкирского населения. По данным переписи населения за 2010 год татары занимали вторую позицию, после русских, с долей населения 3,35%, в то время как башкиры – 4-ую с долей населения 0,73%, чувашаи – 13-ую с долей населения 0,19%³. Примером татарского поселения может быть село Поташка, расположенное в Артинском городском округе, где в школе изучается татарский язык в качестве родного языка. Типичная структура занятий, призванных поддерживать национальные языки, представлена в табл. 2.

Таблица 2

Изучение татарского языка в Поташкинской средней общеобразовательной школе⁴

Предмет	Классы	Часов в неделю	Часов, всего
Родной язык (татарский)	1 - 4	0,5	17
Родной язык (татарский)	5 - 9	0,5	17
Родная литература (татарская)	5 - 9	0,5	17

Этническая составляющая сельскохозяйственных поселений оказала существенное влияние на особенности их развития, как отмечают Л.Н. Мазур и Л.И. Бродская, демографический переход в них

¹ Марусенко М. А. Двужычное обучение и проблемы этнической и языковой идентичности в СССР и современной России // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 2. С. 200.

² Девишев Б. История семьи Агафуровых // Наш Урал. 06.09.2016. URL: <https://nashural.ru/article/istoriya-urala/istoriya-semi-agafurovyh/> (дата обращения 10.06.2021).

³ Национальный состав Свердловской области // Официальный сайт Правительства Свердловской области. URL: <http://midural.ru/community/100332/100689/100690/> (дата обращения: 10.06.2021).

⁴ Официальный сайт МКОУ Поташкинская средняя общеобразовательная школа. URL: <http://potachka1.narod.ru/histscoll1.html>.

произошел значительно позже и на протяжении XX века татарские, мансийские и марийские деревни менялись не очень сильно, по сравнению с русскими¹.

В XVI в. в период промышленного освоения Урала на его территорию двинулись русские, украинцы, белорусы, эстонцы, евреи, поляки, немцы. Представители данных национальностей предпочитали селиться диффузно.

В связи со строительством горных заводов в 1720-30-е годы, на Урал прибыла большая группа немецких горных специалистов. В XVIII–XIX веках численность немецкого населения Урала значительно возросла благодаря притоку приглашенных колонистов. Несмотря на склонность к диффузному типу расселения, немцы на территории региона образовали своеобразные анклав, но их создание носило принудительный характер.

В середине XX века, в период второй мировой войны и после ее окончания, рост численности немецкого населения на Урале был связан с их депортацией из территорий Украины и Поволжской Немецкой Республики и созданием трудовых лагерей. В частности, в западной части Свердловской области был создан Тагиллаг (г. Нижний Тагил), а в Краснотурьинском районе и севернее – два крупных трудовых лагеря – Богословлаг и Ивдельлаг². В 1941-46 годах практиковалась мобилизация немецких спецпоселенцев на предприятия Свердловской области и вводились ограничения на их перемещение³. В результате на севере Свердловской области сформировались города со значительной долей немецкого населения: Краснотуринск, Карпинск, Ивдель. К 1989 г. по данным переписи населения в Свердловской области проживало 31500 немцев⁴. Однако в период перестройки и в начале 90-х годов XX века значительная доля

---

¹ 81. Мазур Л.Н. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке. Опыт динамического анализа / Л. Н. Мазур, Л. И. Бродская; Федер. агентство по образованию, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 316-317.

² Немцы на Урале XVII–XXI вв.: коллективная монография / В.М. Кириллов, Л.А. Дашкевич, В. П. Корепанов, В. П. Микитюк и др. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. 288 с.

³ Разинков С.Л., Кириллов В.М. Спецпоселение советских немцев в Свердловской области: территориальное распределение, правовое положение и взаимоотношения с властью (1946–1956 гг.) // Немцы на Урале XVII – XXI вв.: Коллективная монография / В.М. Кириллов, Л.А. Дашкевич, В.П. Корепанов, В.П. Микитюк и др. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. С. 129-141.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России: Свердловской области // Демоскоп – Weekl. – № 903-904. – 31 мая - 13 июня 2021. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=53 (дата обращения: 10.06.2021).

немецкого населения выехала в Германию. О резком сокращении численности немецкого населения в начале XXI в. свидетельствуют данные переписи населения 2010 года, засвидетельствовавшие присутствие в регионе 14914 человек с долей 0,35%¹. В настоящее время относительно большая доля немцев остается в поселке Полуночное, расположенном в 21 км от города Ивдель, где до 1962 года их силами велась разработки магния.

Еще один вид этнических анклавов – это «цыганские поселки». В городе Екатеринбурге, как и многих крупных городах России, они начали формироваться в конце 50-х гг. XX в. в связи с введенными ограничениями на кочевой образ жизни. Рост численности населения города Екатеринбурга и его развитие требовали поиски новых территорий, пригодных под застройку. Отсутствие законного оформления прав на участки и возведённые на них строения явилось поводом для их отчуждения под многоэтажную застройку и насильственного переселения их обитателей. Данные процессы начались еще в 2005 году, вскоре к защите цыган подключился Правозащитный центр «Мемориал»². К настоящему времени проведен перевод территорий ВИЗа и Юго-Западного микрорайонов, где располагались «цыганские поселки» из зоны с индивидуальным жилищным строительством в категорию многоэтажного, идет снос цыганских поселков и их застройка.

Как показал анализ, в регионе происходит сокращение и «размывание» традиционных этнических анклавов, наблюдается отказ от прежней самоидентификации в пользу доминирующего этноса, замена миноритарного языка на мажоритарный. Как подчеркивают эксперты, занимающиеся вопросами образования детей из этнических поселений, данные процессы подстегиваются нехваткой педагогических кадров со знанием национальных языков, а также отсутствием методических разработок и учебников на национальных языках. Одной из наиболее острых проблем в сохранении языков народов России является отсутствие в федеральном перечне учебников по изучению ряда национальных языков. В частности, из 16 языков, по которым ведется образование в Российской Федерации, только 11 включены в данный перечень, а из языков народов, компактно

---

¹ Национальный состав Свердловской области // Официальный сайт Правительства Свердловской области. URL: <http://midural.ru/community/100332/100689/100690/> (дата обращения: 10.06.2021).

² Право цыган на жилье и проблема насильственных выселений в России // Доклад Правозащитного центра «Мемориал». 2008. С. 7. URL: <http://adcmemorial.org/wp-content/uploads/Romrussie501russe2008.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).

проживающих в Свердловской области, в него включены только башкирский и татарский¹. Кроме того, имеет место и правовой аспект. В частности, «Закон об образовании»², по сути, упразднил такие понятия, как «школы с неродным русским» и «школы с родным нерусским языком». В 2018 году так называемый в народе «Закон об изучении родных языков»³ дал возможность учащимся получить дополнительные бесплатные занятия по подготовке ЕГЭ по русскому языку, чем и воспользовались многие родители и учителя в этнических поселениях. Также этому способствовало и закрытие ряда школ в связи с их малокомплектностью. Центростремительные силы заставляют молодежь покидать сельские этнические анклавы и перебираться в города. Данные процессы подстегиваются проводимой в стране социально-экономической политикой.

Глобализация привела к росту международной миграции. Вначале мигранты из зарубежных стран селились преимущественно в городе Екатеринбурге, а также в наиболее крупных городах Свердловской области, таких как Нижний Тагил, Первоуральск, Каменск-Уральский, а затем стали заселять близлежащие к этим городам населенные пункты, где стоимость жилья и его аренда значительно ниже. В том числе имеет место перемещение семей выходцев из стран Средней Азии в сельские этнические поселения региона, в школах таких поселений зафиксированы случаи выбора родителями детей мигрантов татарского языка как родного.

Одновременно с разрушением традиционных этнических анклавов формируются так называемые «мигрантские» анклавы или территории компактного проживания мигрантов, преимущественно выходцев из Средней Азии – киргизов, таджиков, узбеков, привыкших к традиционной структуре общества и активно пользующихся связующим социальным капиталом. Даже в случае доминирования местного населения, при относительном заселении территорий не свойственными ей этносами, такие территории в глазах сообщества

---

¹ Рекомендации круглого стола «Законодательное обеспечение сохранения, развития и изучения языков народов Российской Федерации: состояние и перспективы». URL: <file:///C:/Users/1/Downloads/%D0%93%D0%9E%D0%A1%20%D0%94%D0%A3%D0%9C%D0%90%2016.12.2019.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).

² Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция) // Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 10.06.2021).

³ Федеральный закон "О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" от 03.08.2018 № 329-ФЗ // Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304090/ (дата обращения: 10.06.2021).

оцениваются как анклав. В частности, данные поселения возникли в районе железнодорожного узла и промышленной зоны города Екатеринбурга, в микрорайонах Вокзальный, Новая Сортировка и Сортировка. Привлекательность данных микрорайонов связана, в первую очередь, с наличием доступного жилья и близостью традиционных мест занятости мигрантов (овощебаза, рынки, транспортные предприятия)¹. С нашей точки зрения, на выбор мест для компактного поселения мигрантов повлиял и сетевой фактор. Вначале заселение территории происходит хаотично, а затем к прибывшим подтягиваются родственники, друзья, знакомые и односельчане. С точки зрения развития города одним из значимых негативных последствий данных процессов является формирование школ мигрантского типа со значительной долей детей-инофонов. По данным, полученным от Департамента по образованию Свердловской области, доля детей, чьи родители являются иностранными гражданами, в школах города Екатеринбурга на конец 2017 года достигает 43,6 %². Однако, по оценкам руководства данных школ и учителей, доля детей-инофонов значительно больше и достигает 80 %. Разница в оценках связана с отсутствием официального учета и сложностью идентификации таких детей, благодаря, в том числе, и относительной быстрой адаптации к новым условиям, свойственной детям.

Таким образом, можно констатировать, что Свердловская область является показательной в исследуемом вопросе, ей исторически присущи различные формы поселений в виде этнических анклавов, возникших в результате миграций, и имеющих как добровольный, так и насильственный характер. При этом анклавы не являются чем-то неизбежным и постоянным, в процессе этногенеза они появляются, развиваются и исчезают. Важным фактором существования этнических поселений в современных условиях является предрасположенность населения к сохранению своей культуры и языка. Особая роль в этом процессе принадлежит образовательным учреждениям. Как показывает опыт Свердловской области, искусственное поддержание анклава достаточно затруднительно. В современных условиях глобализация вносит определённые коррективы в систему расселения населения,

---

¹ Бедрина Е.Б. Особенности расселения трудовых мигрантов из зарубежных стран в российских мегаполисах // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 2. С. 451-464; Региональные аспекты международной трудовой миграции в современной России: оценка факторов и эффектов – коллективная монография / Бедрина Е.Б., Вандышев М.Н., Куприна Т.В. и др. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. С. 127-155.

² Бедрина Е.Б. Особенности расселения трудовых мигрантов из зарубежных стран в российских мегаполисах // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 2. С. 458.

происходит появление нового типа для данной территории компактного, преимущественно городского поселения – «мигрантских» анклавов, т.е. территорий, изначально заселяемых представителями различных этносов, но ассоциируемых в глазах местных жителей как анклав.

ГЛАВА XI

ОБРАЗ СООТЕЧЕСТВЕННИКА В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ ¹

Асадуллина Г.Р.

доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, старший научный сотрудник БашГУ, г.Уфа

Коровкина Н.В.

старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, научный сотрудник БашГУ, г.Уфа

Садретдинова Э.В.

доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, старший научный сотрудник БашГУ, г.Уфа

Шайхисламов Р.Б.

профессор кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, главный научный сотрудник БашГУ, г.Уфа

Аннотация. В настоящей главе рассматриваются образы соотечественника как определенные социальные эталоны, служащие ориентиром в российской идентификации молодежи. Как и образ россиянина («настоящий россиянин»), образ соотечественника (кого можно назвать соотечественником) относится к должному, а не к сущему. Следовательно, эти образы представляют не «типичных» или «модальных» (наиболее часто встречающихся) представителей нашего общества и тех, кого законодательство относит к российским соотечественникам. Эти образы – то, что должно быть, а не то, что есть. Но именно это самое «должно быть», а не «что есть», является эталоном, по которому судят о россиянах, о соотечественниках.

---

¹ Глава подготовлена в рамках реализации проекта «Интолернтаность, толерантность, диалог в межэтнической коммуникации» программы фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и формирование общероссийской идентичности»

Ключевые слова: россиянин, соотечественник, образ «Мы», «Мы-концепция», российская идентичность, молодежь.

В настоящей работе использованы данные двух исследовательских проектов, реализованных нами. В рамках проекта «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан)» в 2016 году при финансовой поддержке РФФИ и Правительства РБ было проведено стандартизированное интервьюирование жителей региона старше 18 лет. Количество респондентов – 1000 человек. В выборочной совокупности молодежь была представлена двумя возрастными – от 18 по 24 года и от 25 по 30 лет. Выборка – районированная по типам городских и сельских муниципальных образований (численность и этнический состав) с последующим случайным отбором. Среди других предметом исследования была идентификация респондентами соотечественников. В рамках другого проекта «Информационные события в конструировании образа России в системе «Я-» и «Мы-концепций» поколений Y и Z» при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в 2020-2021 годы в числе различных конструкторов образа страны изучались представления респондентов о том, кого можно считать настоящим россиянином. Выборка – 1000 респондентов в возрасте 16-30 лет, проживающих в Башкортостане. Выборка – районированная по муниципальным образованиям с учетом численности и этнического состава населения с последующим случайным отбором.

Представления о соотечественниках ассоциируются с понятиями «Родина», «Отечество», «Россия», «россияне». Каждое из них имеет и формальное, и неформальное определения. Одним из маркеров неформального определения «россияне» является слово *«настоящий»*, что позволяет отграничить должное и сущее, идеальное и реальное, настоящее и мнимое, внутреннее и внешнее в идентификации россиян. Поскольку сначала речь пойдет о «внутренних» соотечественниках – гражданах страны, проживающих на Родине, рассмотрим представления молодежи о том, кто может считаться «настоящим россиянином».

Как видно из приведенной ниже таблицы, только треть респондентов не разграничивает формальную и неформальную характеристику россиян, полагая, что каждый российский гражданин сам по себе уже является настоящим россиянином. Это означает и то, что две трети респондентов наделяет «настоящих» россиян отличительными характеристиками.

Лидирующие позиции среди характеристик «настоящих» россиян занимают этические качества – уважительное отношение к другим народам, женщинам, детям, пожилым людям; лицепрятное поведение в другой среде. Эти как раз те качества, по которым обычно принято судить о цивилизованности того или иного народа. Поскольку Россия является многонациональной страной, а респонденты представляют молодежь многонационального региона – Башкортостана, очень значимым представляется то, что половина респондентов чертой «настоящего» россиянина называют уважительное отношение к другим народам. Вместе с другими нравственными критериями такое представление образует ядро конструирования идеального россиянина.

Таблица 1

Кого считать настоящим россиянином?

Настоящий россиянин, тот, кто...	Всего	Возраст респондентов					Этническая идентичность			
		16-18	19-21	22-24	25-27	28-30	русские	башкиры	татары	другие
уважительно относится к другим народам	47,9	52,7	50,2	50,0	36,9	42,7	43,7	54,9	47,9	51,1
не позорит своим поведением страну	42,1	44,1	38,6	44,4	37,8	45,5	43,3	40,6	44,2	37,2
конкретными делами содействует развитию страны	37,2	44,6	37,2	28,6	36,0	38,2	35,2	39,2	35,8	42,3
уважительно относится к женщинам, детям, пожилым	36,9	43,7	39,2	38,8	26,1	29,2	35,8	40,1	36,3	36,5
для меня каждый российский гражданин и есть подлинный россиянин	34,4	33,8	35,2	31,6	41,4	32,6	33,6	36,9	35,8	31,4
является патриотом России	34,1	40,1	26,6	28,6	26,1	48,9	29,0	38,7	42,1	32,8
хорошо знает русский язык как государственный	29,9	28,9	31,1	29,6	21,6	34,5	28,4	35,5	26,8	30,7
ставит интересы России выше своих интересов	17,6	15,8	14,7	19,9	17,1	22,5	16,7	18,4	17,4	19,0
не критикует свою страну	15,4	11,3	11,9	22,4	14,4	19,1	12,3	20,3	18,9	13,1

*Проект «Информационные события в конструировании образа России в системе «Я -» и «Мы-концепций» поколений Y и Z», 2021 год. N=1000 (16-30 лет). Респонденты могли выбрать не более 5 вариантов ответов.

Более трети респондентов исходят при конструировании «настоящего» россиянина из критерия деятельной идентичности («конкретными делами содействует развитию страны»). Это говорит о том, что значимая часть молодежи судит о российской идентичности не на основе номинальных признаков (место жительства, правовой статус, нравственные, социально-психологические черты и т.п.).

Значимым идентификаторами «настоящего» россиянина являются патриотизм, знание государственного языка. Обращает внимание на то, что у большинства респондентов отсутствует ложная лояльность («не критикует свою страну»). Превалирование общих интересов над частными также не является важной характеристикой «настоящего» россиянина.

С представлениями о «настоящем россияnine» тесно связана и идентификация россиян в качестве соотечественников. Исторически слово «соотечественник» связано с миграцией, оно относилось к тем, кто оказался на чужбине, далеко от своего Отечества, от своей большой и малой родины. В процессе формирования наций в этническом и гражданском смысле — это понятие меняет свой смысл. Как отмечает С.Т. Золян, в XIX веке изначальное, «местническое» или «земляческое», значение этого слова из обихода практически исчезает. При этом начинают конкурировать между собой «гражданское» (российское) и «этническое» (русское).¹

В современной России также сохраняется двойное — этническое и гражданское — представление о соотечественниках за рубежом (россияне и русские). В то же время понятие «соотечественник» приобретает и другое значение — оно применяется для обозначения в этническом и гражданском плане не только тех, кто живет на чужбине, но и для тех, кто живет на своей Родине. Это слово всегда усиливает семантически связанные слова — «граждане», «сограждане», «россияне», поэтому используется, например, государственными деятелями, в особо важных ситуациях. В фоносемантическом плане это слово вызывает такие ассоциации, как «нежный», «светлый», «легкий», «величественный», «могучий». Две известные строки из пьесы А. Грибоедова *«Когда ж постраниствуешь, воротись домой, И дым Отечества нам сладок и приятен!»*, позаимствованные из стихотворения Г. Державина, содержат глубокий смысл. Это и позитивное отношение к Родине людей, оказавшихся на чужбине, или

---

¹ Золян С.Т. Соотечественники – диахронический портрет по данным НКРЯ (XVIII – начало XIX вв.) // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и новации в русистике. Сборник научных статей IV Международной научно-практической конференции. Ереван: РАУ, 2019. С. 16-20.

возвращающихся домой, тоска по Отечеству, и радость встречи с ним, и приятие Родины со всеми положительными и отрицательными ее чертами.

Слово «соотечественник» обычно применяется для неформального обозначения (в отличие от слов «гражданин», «россиянин», «русский») определенной категории людей. Однако после распада СССР потребовалось и формальное, юридическое определение этого понятия. За очень короткое время огромное количество тех, о которых принято говорить как о русскоязычном населении, оказалось в других странах. Если до этого соотечественниками за рубежом были представители послереволюционных миграционных волн, то после 1991 года таковыми стали и те, кто постоянно проживал в едином государстве. В целях реализации государственной политики РФ в отношении соотечественников за рубежом потребовалось и нормативное определение статуса «соотечественник». Федеральный закон №99-ФЗ от 24 мая 1999 года «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» определяет три типа соотечественников. Первый – это лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии. Второй – граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами территории Российской Федерации. Третий – лица и их потомки, проживающие за пределами территории Российской Федерации и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией лица, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории Российской Федерации. В числе последних и граждане бывшего СССР, и эмигранты из Российского государства, ставшие гражданами других стран.

Согласно закону, «внутренние» соотечественники – это не просто российские граждане, проживающие или проживавшие в РФ, а те, кто еще и обладает определенными социокультурными признаками. Соотечественники за рубежом, утратившие российское гражданство, должны иметь этнические корни с Россией, идентифицирующие себя в социокультурном и правовом плане с нашей страной. Проблема же возникает как раз с определением критериев социокультурной идентификации «внутренних» и «внешних» соотечественников.

В нашей работе мы не ставим целью обсуждение вопросов формального статуса «соотечественник». Хотя есть ряд дискуссионных вопросов, правовой статус соотечественников законодателем определен достаточно полно. Актуальным и для теории, и для практики остается вопрос о политике в отношении государственной поддержки зарубежных соотечественников¹. Между формальной и неформальной идентификацией соотечественников может обнаруживаться значительное расхождение. С точки зрения социологии, важным представляется изучение неформальной идентификации соотечественников. Согласимся с С.Т. Золяном в том, что «слово «соотечественники» может считаться одним из главных параметров системы, в которой общество описывает себя и свои границы. Неопределенность его семантики оказывается характеристикой, отражающей неопределенность дискурсивных и рефлексивных систем социума»². В этой позиции автора, в котором видно влияние теории социальных систем Н. Лумана, мы обратим внимание на три аспекта. Первый – концепт «соотечественник» является обозначением границы между внутренней и внешней средой государства («внутренние» и «внешние» соотечественники). Второй – граница социальной системы, согласно теории Н. Лумана, определяет самореференцию (самообращение) коммуникативных операций. Третий – социальная система имеет свои границы в коммуникативном пространстве (и не связано с государственными границами). В условиях транснациональных коммуникаций обозначение их границ выходит за пределы государства. В этом плане, в пределах осуществления коммуникаций между считающими себя соотечественниками, независимо от их места проживания, образуется определенная социальная система. Этот феномен называют по-разному – «русский мир», «русскоязычный мир» и т.п.

---

¹ См.: Тарханова Э.И. Эволюция и основные направления оптимизации политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом // Вопросы политологии. 2016. №4 (24). С.106-123; Грачев С.И., Герцун А.А. Проблемы и задачи политики РФ в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на современном этапе // Кант. 2013. №1 (7). С. 107-110; Бутусова Н. В., Фурин В. А. О понятии «зарубежный соотечественник» в российском законодательстве и законодательстве Республики Венгрия // Конституционализм и государственное управление. Научно-практический журнал. 2018. №1(11). С. 58-70.

² Золян С.Т. Соотечественники – семантический портрет по данным национального корпуса русского языка // Политическая лингвистика. 2021. №2 (86). С.166-180.

Социологическое изучение проблематики соотечественников находится в начальной стадии, однако появился ряд интересных работ, которые могут дать импульс для научных исследований.¹

Как отмечалось выше, слово «соотечественник» имеет не только непосредственное, но и фоновое значение. Поскольку россияне – это люди разных характеров, мировоззренческих, нравственных, эстетических и иных позиций, то фоновое значение слова «соотечественник» не позволяет всех жителей страны идентифицировать таким образом. Мы предложили респондентам определить свое отношение к этноконфессиональным и социально-политическим вариациям концепта «россияне как соотечественники». Далеко не все респонденты полностью отождествляют россиян с соотечественниками. Для половины респондентов – это одни и то же, четверть респондентов частично отождествляют россиян с соотечественниками. Оценочные суждения респондентов мало связаны с их местом жительства и этнической идентичностью. Но имеются различия оценок респондентов различных возрастных групп: молодые люди в меньшей степени отождествляют соотечественников со всеми россиянами, чем представители среднего и старшего поколений.

---

¹ Чепиницкая П. Р. Категория «соотечественники за рубежом» в модуле этносоциологии и сетевая структура «русского мира» // Теория и практика общественного развития. 2011. №8. С.102-104; Бараш Р.Э. Концепция «соотечественников» - смысл и значение в контексте растущего этнического национализма в России // Мониторинг общественного мнения. 2011. №6 (106). С.15-24; Баскакова Ю.М. Соотечественники за рубежом // Мониторинг общественного мнения. 2009. №6 (94). С. 82-96; Баскакова Ю.М., Трифонова А.В. Портрет соотечественника за рубежом // Мониторинг общественного мнения. 2009. №1 (89). С. 124-144; Рязанцев С.В., Гребенюк А.А. Наши за границей: русские, россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию. М.: Институт социально-политических исследований РАН, 2014. 238 с.; Докучаева А.В. Отношение к России и русским в Украине, Белоруссии и Казахстане (по опросам соотечественников) // Россия и современный мир. 2011. №1 (70). С.72-79.

Таблица 2

**Отношение к суждению «Соотечественники – это все без
исключения россияне ***

	Все го	Место жительства			Этническая идентичность				Возраст респондентов					
		Уфа	другие города	село	русски е	башки ры	татары	другие	18-24	25-30	31-40	41-50	51-60	стар ше 60
Полно стью соглас ны	57,7	53,6	58,5	59,9	59,8	54,1	58,4	56,9	47,8	55,1	57,1	65,2	60,4	62,8
Частич но соглас ны	25,9	26,4	26,4	25,0	23,9	29,0	23,5	31,0	28,9	25,6	28,6	24,9	24,2	18,6
Не соглас ны	9,9	12,0	8,0	10,2	11,5	8,2	12,3	3,4	16,1	13,6	8,2	5,5	9,4	5,8
Затруд нились ответи ть	6,5	8,0	7,1	4,8	4,8	8,7	5,8	8,6	7,2	5,7	6,1	4,5	6,0	12,8

*Проект «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан)», 2016 год. N=1000.

Поскольку Россия – страна в этнокультурном отношении не только многообразная, но и в чем-то разнообразная, с существенными различиями в образе жизни, традициях, менталитете народов, то мы предположили, что респонденты, частично согласные с тем, что все россияне и есть соотечественники, и не согласные с подобным отождествлением, могут делать исключения из соотечественников по этническому признаку.

Таблица 3

Идентификация россиян как соотечественников по этническому признаку (*«Соотечественники – большинство россиян, за исключением представителей некоторых национальностей»*), в %*

«Соотечественники – россияне, за исключением некоторых национальностей»	Всего	Место жительства			Этническая идентичность			
		Уфа	другие города РБ	село	русские	башкиры	татары	другие
Полностью согласны	14,7	17,5	14,0	13,1	15,1	10,3	17,8	15,3
Частично согласны	30,4	26,1	27,7	36,2	27,8	30,4	31,5	34,2
Не согласны	36,2	40,3	36,0	33,3	39,4	39,7	30,9	34,2
Затруднились ответить	18,7	16,0	22,3	17,4	17,7	19,6	19,8	16,2
	всего	Возраст респондентов						
		18-24	25-30	31-40	41-50	51-60	старше 60 лет	
Полностью согласны	14,7	14,9	12,2	14,5	13,9	18,2	17,3	
Частично согласны	30,4	33,3	29,7	31,2	31,4	28,0	24,7	
Не согласны	36,2	33,9	39,5	36,6	37,1	34,3	34,6	
Затруднились ответить	18,7	17,8	18,6	17,7	17,5	19,6	23,5	

*Проект «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан)», 2016 год. N=1000.

Отметим, что исключение из числа своих соотечественников по этническому признаку не устраивает более трети респондентов, проживающих в разных населенных пунктах, разных возрастных групп и этнической идентичности. Однако, несмотря на то, эти респонденты составляют большую долю, значимая часть респондентов или частично (30,4%), или полностью (14,7%) склонны не считать отдельные этнические группы в качестве своих соотечественников. Довольно значительная часть (в целом, 18,7%) респондентов затруднились ответить на данный вопрос. Это тоже представляет собой исследовательский интерес: доля этих респондентов по сравнению с первым вариантом определения соотечественников увеличилась в три раза. Интеграционный потенциал концепта «соотечественники», таким

образом, ограничен в определенной степени подобным этническим исключением.

Традиционными в России, в том числе и Башкортостане, являются две религии – православие и ислам. В то же время постсоветское время характеризуется активизацией различных сект, оккультных практик. Необходимо добавить, что в связи с акциями экстремизма и терроризма религиозного толка у части населения сформировалось негативное отношение и к исламу в целом. Негативное отношение к отдельным религиям у части населения обусловлено и миграционными процессами. Образ жизни, обычаи, одежда и другие элементы культуры мигрантов могут контрастировать с культурой принимающего населения. Насколько эти и другие факторы, связанные с межконфессиональными отношениями, влияют на конструирование образа соотечественника, показано в следующей таблице 4.

Если сравнить идентификации соотечественников по этническим и конфессиональным признакам, то, как видим, последние играют меньшую роль. Почти половина респондентов считают россиян своими соотечественниками независимо от их конфессиональной принадлежности. Исключение из числа своих соотечественников по конфессиональному признаку делает треть респондентов (полностью согласны – 9%, частично согласны – 23%). Сельские жители больше, чем горожане, склонны исключать из числа соотечественников представителей тех или иных конфессий, что объясняется, возможно, большей конфессиональной однородностью населения сел. Что касается молодежи, то ее конструкции соотечественников по конфессиональному признаку практически не отличается от позиции представителей среднего и старшего поколений.

В целом же можно констатировать, что негативное или осторожное отношение к представителям отдельных конфессий, хотя и не является преобладающим, тем не менее, является значимым фактором конструирования такой номинальной общности, как соотечественники.

Таблица 4

**Идентификация россиян как соотечественников по
конфессиональному признаку* («Соотечественники – большинство
россиян, за исключением представителей некоторых религий») (в %*)**

«Соотечественники - россияне, за исключением некоторых религий»	всего	Этническая идентичность				Возраст					
		русские	башкиры	татары	другие	18-24	25-30	31-40	41-50	51-60	старше 60 лет
Полностью согласны	8,9	8,9	8,0	9,1	11,0	9,7	7,0	10,4	8,8	9,9	7,4
Частично согласны	23,1	22,3	19,1	22,2	35,8	21,7	24,6	22,4	23,7	24,8	19,8
Не согласны	46,7	49,0	50,2	44,4	39,4	48,6	48,5	47,5	46,9	41,8	45,7
Затруднились ответить	21,2	19,7	22,7	24,2	13,8	20,0	19,9	19,7	20,6	23,4	27,2

*Проект «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан)», 2016 год. N=1000.

Распределение оценок респондентов о том, кого на этническом и конфессиональном основании причислять или не причислять к своим соотечественникам, говорит о достаточно противоречивом восприятии социокультурной реальности российского общества. Мы склонны считать, что те, кто считает всех россиян своими соотечественниками независимо от их этнической или конфессиональной идентичности, воспринимают наше общество как этнокультурное единое и многообразное образование, как форму существования российского общества как единого, целостного в различных его этноконфессиональных проявлениях.

Те же, кто делает исключения из числа соотечественников представителей определенных этнических групп и конфессий, представляют российское общество как полностью или частично разнообразное, существующее как малосвязанное между собой этноконфессиональное образование.

Представления о россиянах как многообразном или разнообразном объединении людей связаны не только этноконфессиональным составом страны, но и различными социально-политическими позициями граждан. Мы использовали два таких

критерия, лежащих в основе представлений о том, кто может и не может считаться соотечественником – патриотизм и политическую лояльность.

Политическая лояльность и поддержка российских властей гражданами страны в глазах респондентов является значимым, но не главным, ведущим признаком отнесения их к числу соотечественников. Полностью согласны каждый пятый и частично согласны каждый четвертый респондент с тем, что настоящим соотечественником являются те, кто не является оппозиционером или безучастным к политике властей. Больше всего такой позиции придерживаются респонденты старше 60 лет. В то же четверть респондентов не согласна с таким выводом. Это, прежде всего, молодые люди в возрасте от 18 по 30 лет. Достаточно большая доля тех, кто затруднился со своей оценкой (от четверти до трети по разным возрастным и этническим группам).

Таблица 5

Отношение к суждению «Соотечественники – это россияне, поддерживающие сегодняшнюю российскую власть»* (в %)

	Всего	Этническая идентичность				Возраст					
		русские	башкиры	татары	другие	18-24	25-30	31-40	41-50	51-60	старше 60
Полностью согласны	19,2	22,6	15,6	20,7	13,9	13,1	15,2	17,9	18,2	25,9	35,8
Частично согласны	24,8	25,5	20,9	25,8	27,8	25,1	23,4	28,8	25,5	24,5	16,0
Не согласны	26,6	26,1	29,3	22,7	32,4	30,9	30,4	25,5	28,6	17,5	22,2
Затруднились ответить	29,4	25,8	34,2	30,8	25,9	30,9	31,0	27,7	27,6	32,2	25,9

*Проект «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан)», 2016 год. N=1000.

Патриотизм в качестве мерки отнесения части россиян к числу соотечественников рассматривает полностью почти половина и частично каждый пятый респондент. Больше, чем остальные, разделяют точку зрения о том, что соотечественниками следует считать только патриотов своей страны, респонденты старше 50 лет, выросшие в советское время. Что касается молодежи, то такой точки зрения также придерживается большая ее часть.

Таблица 6

Отношение к суждению «Соотечественники – это патриоты страны»* (в %)

	Всего	Этническая идентичность				Возраст					
		русские	башкиры	татары	другие	18-24	25-30	31-40	41-50	51-60	старше 60
Полностью согласны	45,1	52,8	38,5	43,0	42,3	37,7	40,1	47,0	44,9	52,4	54,2
Частично согласны	21,5	17,7	20,8	23,0	30,6	25,7	20,9	24,9	21,4	18,4	13,3
Не согласны	16,4	14,6	22,5	14,3	14,4	21,7	22,1	13,5	15,8	8,8	14,5
Затруднились ответить	17,0	14,9	18,2	19,7	12,6	14,9	16,9	14,6	17,9	20,4	18,1

*Проект «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан)», 2016 год. N=1000.

Таким образом, патриотизм является основным стержнем конструкции образа соотечественника. Другие «слагаемые» образа соотечественника – этническая, конфессиональная принадлежность, политическая лояльность – являются второстепенными. Однако обратим на один противоречивый факт. Как указывалось выше, 57% респондентов сочли, что все россияне без исключения являются соотечественниками. В то же время при определении соотечественников не делали исключения по этническим, конфессиональным и социально-политическим характеристикам от 16 до 46% респондентов. В этом обнаруживается противоречивая позиция отдельных респондентов. Также значительна доля респондентов, затруднившихся ответить на вопросы (17-30%). Это свидетельствует о том, что понятие и образ россиянина как соотечественника в общественном мнении являются достаточно размытыми, неопределенными, расплывчатыми. И это не случайно, поскольку это понятие большее ассоциируется с теми, кто живет за рубежом.

Как отмечалось выше, представления о соотечественниках за рубежом являются двумерными – этнические и гражданские. Поскольку после распада СССР большая часть людей, живущих вне пределов своей исторической родины, были этнически русскими, то сформировался устойчивый образ «русские ближнего зарубежья».

Наряду с этим сложилось и другое понятие – «русскоязычное население ближнего зарубежья», к нему относили не только русских,

но и представителей других народов, связанных с Россией. Кроме того, это население составляли представители семей, основанных на межэтнических браках, а также представители «титულных» этносов стран ближнего зарубежья, ассоциирующие себя с российской культурой и русским языком. Кроме тех, кто, проживая в странах бывшего СССР, за короткое время перестал быть советским гражданином, к зарубежным соотечественникам по этническим признакам относят русских и русскоязычное население стран дальнего зарубежья – Центральной и Западной Европы, Америки, других континентов.

Таблица 7

Социальная дистанция в отношении представителей русских, постоянно проживающих в разных странах* (в %)

Страны...	«дальнего» зарубежья					«ближнего» зарубежья				
	всего	русские	башкиры	татары	другие	всего	русские	башкиры	татары	другие
как близкого родственника (мужа, жены, снохи, зятя)	3,2	6,0	1,8	1,8	1,8	3,6	5,5	2,6	1,8	4,5
как близкого друга	9,4	12,9	7,1	7,2	9,9	8,7	11,0	6,2	6,1	13,4
как соседа	14,5	19,2	11,1	11,5	16,2	15,3	19,5	9,7	12,6	20,5
как коллегу по работе (учебе)	21,2	24,8	20,4	16,5	25,2	20,0	23,5	16,4	15,5	28,6
как жителя моего села, города	26,9	32,6	23,1	22,6	29,7	28,3	31,4	24,8	25,5	33,0
как жителя Башкортостана	35,5	35,4	34,7	31,9	45,9	33,7	35,1	31,0	31,7	40,2
как гражданина России, соотечественника	85,8	85,3	84,9	85,7	89,2	85,9	85,7	85,0	85,6	89,3
я не хотел бы с ним общаться, видеть в своей стране	14,2	14,7	15,1	14,3	10,8	12,9	10,8	14,3	15,9	8,3

*Проект «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан)», 2016 год. N=1000.

К числу соотечественников за рубежом относятся и те, кто является гражданином России или имеет право получить такое

гражданство, независимо от этнической идентичности. Но, поскольку в задачу нашего исследования входило измерение определения жителями Башкортостана жителей зарубежных стран как своих соотечественников по этническим признакам, мы не будем касаться «гражданской» составляющей этого образа. Существуют ли различия в восприятии как соотечественников русских за рубежом, с одной стороны, и представителей народов России за рубежом, с другой стороны? Существуют ли различия в восприятии как соотечественников русских и других народов России, проживающих странах ближнего и дальнего зарубежья?

В определении «наш зарубежный соотечественник» играет достаточно значимую роль этнический фактор (национальность жителей зарубежных стран), что несколько диссонирует с официальной трактовкой «соотечественник за рубежом». Как отмечает Р.Э. Бараш, *«принятие «узко этнической» трактовки категории «соотечественник» российским руководством в принципе невозможно, так как это поднимет вопрос, является ли Россия многонациональным государством или государством преимущественно этнических русских. В свою очередь, этническое «русское» понимание категории «соотечественники» невозможно еще и потому, что в российском правовом поле отсутствует термин «русский народ»¹.*

Но в общественном мнении образ зарубежного соотечественника в определенной степени, как показывают наши данные, ассоциируется с этнической принадлежностью жителей стран ближнего и дальнего зарубежья (табл. 8).

---

¹ Бараш Р.Э. Концепция «соотечественников» - смысл и значение в контексте растущего этнического национализма в России // Мониторинг общественного мнения. 2011. №6 (106). С.18.

Таблица 8

Определение зарубежных соотечественников по этническому признаку* (в %)

	Всего	Этническая идентичность				Возраст					
		русские	башкиры	татары	другие	18-24	25-30	31-40	41-50	51-60	старше 60
Зарубежные соотечественники – это все русские, проживающие в странах бывшего СССР											
Полностью согласны	33,8	38,8	30,7	30,0	36,5	32,0	32,4	26,4	34,3	38,5	48,3
Частично согласны	37,3	36,7	41,6	34,5	36,5	31,5	42,6	41,5	32,3	39,9	34,5
Не согласны	15,8	14,4	14,7	16,9	18,3	18,5	14,2	17,1	19,2	12,2	8,0
Затруднились ответить	13,2	10,1	13,0	18,6	8,7	18,0	10,8	15,0	14,1	9,5	9,2
Зарубежные соотечественники – это все представители народов России, проживающие в странах бывшего СССР											
Полностью согласны	25,7	25,7	27,8	21,5	32,8	19,8	21,8	18,2	30,6	35,1	35,3
Частично согласны	39,4	41,8	39,1	37,3	39,7	39,0	42,5	45,3	36,7	37,2	31,8
Не согласны	17,5	19,2	14,3	19,1	14,7	20,9	17,8	18,8	16,8	12,8	16,5
Затруднились ответить	17,3	13,3	18,7	22,1	12,9	20,3	17,8	17,7	15,8	14,9	16,5

*Проект «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан)», 2016 год. N=1000.

Своими соотечественниками респонденты склонны считать, прежде всего, тех жителей других стран бывшего СССР, кто этнически связан с Россией – русских (треть полностью согласны, и чуть больше – частично согласны) и других представителей народов страны (четверть полностью и 40% частично согласны). Каких-либо существенных отклонений в идентификации в качестве соотечественников русских и других представителей народов России, проживающих в ближнем зарубежье, в зависимости от места жительства и национальности респондентов не наблюдается. Больше, чем другие, склонны видеть в них своих соотечественников, респонденты старше 50 лет, сформировавшиеся как личности в советское время.

Таблица 9

Отношение к суждению «Зарубежные соотечественники – это все русские, проживающие в Западной Европе и Америке»* (в %)

	всего	Этническая идентичность				Возраст					
		русские	башкиры	татары	другие	18-24	25-30	31-40	41-50	51-60	старше 60
Полностью согласны	11,6	13,2	11,7	8,2	15,8	10,1	12,6	8,8	13,3	10,9	16,1
Частично согласны	31,8	32,2	26,8	37,2	28,1	36,5	36,0	33,7	28,7	27,9	25,3
Не согласны	36,4	37,7	37,2	32,9	39,5	33,7	32,0	37,3	37,9	41,5	35,6
Затруднились ответить	20,2	16,9	24,2	21,7	16,7	19,7	19,4	20,2	20,0	19,7	23,0

*Проект «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан)», 2016 год. N=1000.

То, что понятие «наши соотечественники в дальнем зарубежье» ассоциируется больше с русскими, нежели с представителями других народов России, вполне объяснимо. Русские не только численно преобладают по сравнению с соотечественниками других национальностей, но и проживают компактно в странах Прибалтики, Украины, Центральной Азии. Что касается русских и представителей других народов России, постоянно проживающих в странах Западной Европы и Америки (США, Канада), то респонденты менее склонны относить их к своим соотечественникам.

Как видно из таблицы, оценки респондентов практически не зависят от их национальности, проживания в городе или селе, возраста. Но сами по себе идентификационные позиции респондентов свидетельствуют об их неоднозначности. Менее половины респондентов в той или иной степени склонны видеть в русских и представителях других народов России своих соотечественников, при этом преобладает среди них частичное согласие. Тех, кто не признает указанную группу соотечественников в качестве таковых, два раза больше по сравнению с теми, кто не отказывается признавать соотечественниками проживающих в странах ближнего зарубежья.

Таблица 10

Отношение к суждению «Зарубежные соотечественники – все представители народов России, проживающих в странах Европы и Америки» * (в %)

	всего	Этническая идентичность				Возраст					
		русские	башкиры	татары	другие	18-24	25-30	31-40	41-50	51-60	старше 60
Полностью согласны	12,1	11,4	13,1	12,3	11,4	11,2	14,9	8,9	12,4	11,6	15,5
Частично согласны	30,5	29,6	26,2	32,8	36,0	39,1	33,3	27,2	27,8	28,6	23,8
Не согласны	34,5	39,5	30,1	32,8	34,2	29,1	28,7	42,4	36,6	32,7	39,3
Затруднились ответить	22,9	19,4	30,6	22,2	18,4	20,7	23,0	21,5	23,2	27,2	21,4

*Проект «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан)», 2016 год. N=1000.

То, что респонденты больше склонны считать своими соотечественниками жителей стран ближнего, а не дальнего зарубежья, может быть объяснено рядом факторов. Во-первых, большинство русскоязычного населения в странах бывшего СССР оказалось иностранцами для нашей страны не по своей воле. В странах дальнего зарубежья выделяется разные группы соотечественников. Это и потомки мигрантов послереволюционной волны (в большинстве своем они полностью ассимилированы в странах проживания); и те, кто эмигрировал в страны Западной Европы и Америки за последние 30 лет.

Особого внимания требует доля ответов «затрудняюсь ответить». 13% респондентов не смогли определить свое отношение к тому, следует ли считать русских в странах бывшего СССР соотечественниками, 17% не смогли определиться со своей оценкой в отношении представителей других российских народов в этих странах. Трудности с идентификацией «соотечественник» в отношении жителей стран дальнего зарубежья имеются у каждого пятого (в отношении этнически русских) и у 23% (в отношении других групп, представляющих традиционные российские этносы). Для многих из них вопрос о том, кто такой соотечественник, возможно, в первый раз встал в ходе этого интервью.

Свое влияние на общественное мнение оказывает распространяемый массовыми коммуникациями концепт «русский

мир», авторство которого принадлежит П.Г. Щедровицкому¹. Как отмечает З. Омарова, словосочетание «русский мир» актуализировалось на рубеже тысячелетий, когда в качестве базовой формулы для осуществления российской политики в СНГ была высказана гипотеза о наличии на постсоветском пространстве общего социокультурного ядра – примерно одинакового числа людей в России и за рубежом, говорящих и думающих на русском языке².

«Русский мир» – это в большей степени не этническая, а социокультурная характеристика соотечественников в трансграничном пространстве. Это – так называемое «русскоязычное население», которое объединяет русский язык и как этнический, и как язык межэтнического общения, российская культура, складывавшаяся в течение многих столетий, и общие черты ментальности.

В этом плане зарубежными соотечественниками можно считать тех, кто сохранил культурные связи с Россией. Такое представление о «русском мире», хотя и не является единодушным, но разделяется большей частью респондентов всех возрастов и этнической идентичности (см.табл.12 и 13).

Таблица 11

Отношение к суждению «Зарубежные соотечественники – только те представители русских и других народов России, которые сохранили культурные связи с Россией»* (в %)

	всего	Этническая идентичность				Возраст					
		русские	башкиры	татары	другие	18-24	25-30	31-40	41-50	51-60	старше 60
Полностью согласен	29,2	36,9	28,5	21,5	29,6	27,4	27,3	31,3	29,9	26,0	37,2
Частично согласен	35,6	34,8	33,2	37,7	36,5	32,4	38,1	32,3	35,6	40,0	36,0
Не согласен	18,0	18,3	16,6	19,2	17,4	21,2	17,6	22,1	17,5	14,7	10,5
Затрудняюсь ответить	17,2	10,1	21,7	21,5	16,5	19,0	17,0	14,4	17,0	19,3	16,3

*Проект «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан)», 2016 год. N=1000.

¹ Щедровицкий П.Г. Русский мир и транснациональное русское // Антология русской философии. В 3-х т. СПб.: СПбГУ, 2000. С.374-388.

² Омарова З. К вопросу об определении понятия «Соотечественники за рубежом»: опыт России // Власть. 2008. №3. С. 34-41.

В условиях геополитической борьбы в современном мире «русский мир» является важным фактором распространения российского влияния в разных странах и поддержки российского внешнеполитического курса. Особое значение данный фактор внешней политики приобретает в условиях расширения санкций, вводимых западными странами в отношении России. В связи с этим мы выясняли отношение «внутренних» соотечественников к тому, кого следует считать зарубежными соотечественниками в соответствии с их социально-политическими позициями, а именно – поддержкой внешней политики нашей страны.

Таблица 12

Отношение к суждению «Зарубежные соотечественники – только те представители русских и других народов России, которые поддерживают политику нашей страны»* (в %)

	всего	Этническая идентичность				Возраст респондентов					
		русские	башкиры	татары	другие	18-24	25-30	31-40	41-50	51-60	старше 60
Полностью согласен	21,6	24,5	21,1	18,5	21,7	15,2	16,1	21,0	24,0	24,8	35,7
Частично согласен	30,3	30,6	32,3	28,8	29,6	30,9	35,1	28,2	31,6	28,2	25,0
Не согласен	25,5	27,8	21,1	25,5	27,8	28,7	24,7	29,7	23,0	24,8	17,9
Затрудняюсь ответить	22,6	17,1	25,4	27,2	20,9	25,3	24,1	21,0	21,4	22,1	21,4

*Проект «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан)», 2016 год. N=1000.

Каждый пятый респондент полностью согласен считать подлинными соотечественниками тех, кто представляет так называемую «мягкую силу». Почти треть частично согласна с такой оценкой, а каждый четвертый не связывает воедино образ зарубежного соотечественника с образом политических пророссийских активистов. Старшее поколение в большей степени соглашается с таким определением зарубежных соотечественников, нежели молодежь. Если сравним эти данные с оценками респондентов суждения «Соотечественники – это россияне, поддерживающие сегодняшнюю

российскую власть» (таблица 5), то увидим, что от зарубежных соотечественников ожидается большая поддержка российской политики, нежели от «внутренних» соотечественников.

Образы «внутреннего» и «внешнего» соотечественника, существующие в общественном сознании, многогранны. Они представляют собой переплетение эталонных этнических, социокультурных, социально-политических представлений. Сами эти эталоны (образцы, стандарты), на основе которых конструируется образ соотечественника, представляют собой некий ориентир в формировании общероссийской идентичности молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Apine, I., Volkovs, V. Slāvi Latvijā. 1998. Rīga: LZA Filosofijas un socioloģijas institūts. P. 184–249; Volkovs, V. Krievi Latvijā // L.Dribins (ed.) Mazākumtautības Latvijā. Vēsture un tagadne. 2007. Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts. P. 91–139.
2. Dział kultury Związka Polaków na Łotwie. polonia.lv (18.05.2016).
3. Grozījums Latvijas Republikas Satversmē. likumi.lv (08.07.2014).
4. Iedzīvotāju skaits un īpatsvars pēc tautības reģionos, republikas pilsētās, novados un 21 attīstības centrā gada sākumā - Tautība, Teritoriālā vienība, Rādītāji un Laika periods. https://data.stat.gov.lv/pxweb/lv/OSP_PUB/START__POP_IR_IRE/IRE030/table/tableViewLayout1/ (25.6.2021).
5. IMHO club. imhoclub.by (18.05.2021).
6. Kaprāns, M., Procevska, O. Latvijas sociālās atmiņas monitorings. 2013. Rīga: LR Kultūras ministrija. P. 4, 6.
7. Latvijas ilgtspējīgas attīstības stratēģijas līdz 2030. gadam. Pamatziņojums. 2007. Rīga. P. 24.
8. Latvijas kultūras kanons. URL: <https://kulturaskanons.lv/> (15.12.2016).
9. Latvijas Republikas Satversme. URL: <https://likumi.lv/ta/id/57980-latvijas-republikas-satversme> (01.01.2019).
10. Moseley, Christopher (ed.). 2010. Atlas of the World's Languages in Danger, 3rd edn. Paris, UNESCO Publishing. Online version: URL: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas> (дата обращения: 10.06.2021).
11. Nacionālās identitātes, pilsoniskās sabiedrības un integrācijas politikas pamatnostādnes (2012– 2018). 2011. Rīga: LR Kultūras ministrija. P. 5-22, 70-73.
12. Postnikova Y. (2018). The Archetype of the Motherland in Modern Political Discourse (Aleksandr Prokhanov vs Dmitry Bykov). Quaestio Rossica, Vol. 6. № 4, 1174–1187.
13. Resolution CM/ResCMN9 on the implementation of the Framework Convention for the Protection of National Minorities by Latvia (*Adopted by the Committee of Ministers on 3 March 2021 at the 1397th meeting of the Ministers' Deputies*) (2021) URL: <https://www.coe.int/en/web/minorities/-/adoption-of-a-committee-of-ministers-resolution-on-latvia> (25.06.2021)
14. Rīgas pilsētas sabiedrības integrācijas programma 2012.–2017. gadam. 2012. Rīga. P. 4, 28, 29.
15. Valsts programma “Sabiedrības integrācija Latvijā”. 2001. Rīga. P. 6-10.

16. Volkov, V., Kurczewski, J. The Latvians, Russians and Poles of Present-Day Daugavpils: Integration, Acculturation and Historic Reconciliation. 2013. Rīga: Zinātne. P. 67.
17. Volkov, V., Kurczewski, J. The Latvians, Russians and Poles of Present-Day Daugavpils: Integration, Acculturation and Historic Reconciliation. 2013. Rīga: Zinātne. P. 70.
18. Volkovs, V. Latvijas etnisko minoritāšu identitātes vērtības: starp nomatīvismu un plurālismu. 2018. Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts. P. 9-12.
19. Yermek Baisalov. «Territorial disputes in Central Asia on the threshold of the 30th anniversary of independence». URL: <https://cabar.asia/en/territorial-disputes-in-central-asia-on-the-threshold-of-the-30th-anniversary-of-independence> (31.05.2021).
20. Адилханулы Н.А. Процессы этнической анклавизации: мировой опыт и Казахстан // Постсоветские исследования. 2019. № 2 (1). С. 827-828.
21. Аккиева, С.И. Профилактика экстремизма и ксенофобии в молодежной среде в СКФО / С.И. Аккиева, И.Ю. Теммиев // Colloquium-journal. 2019. № 27-6 (51). С. 42-44.
22. Александер Дж.К. Обещание культурной социологии: технологический дискурс и сакральная и профанная информационные машины // Контексты современности-II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории: хрестоматия / сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. Казань, 2001, с. 92
23. Аникина, А.В. Национальная и гражданская идентичность студенческой молодежи в зеркале социологии. / А.В. Аникина, О.К. Шиманская // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 1 (25). С. 118-126.
24. Апанасюк, Л.А. Ксенофобия в молодежной среде: современное состояние и динамика / Л.А. Апанасюк // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 5 (51). С. 253-260.
25. Апанасюк, Л.А. Ксенофобия в молодежной среде: социокультурный подход / Л.А. Апанасюк. Тамбов, 2013.
26. Арутюнова, Е.М. Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика. / Е.М. Арутюнова // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 259-272.

27. Арутюнова, Е.М. Идентичности и этнические установки молодежи Башкортостана / Е.М. Арутюнова // Панорама Евразии. 2012. № 2 (10). С. 39-48.
28. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Концепция сети в оптике парадигмы синергетической сложности // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 49-58.
29. Аршинов В.И. На пути к сетцентричному пониманию сложности // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2018. № 3. С. 34-55.
30. Асылгужин Р.Р. Башкиры Свердловской области: история и современное состояние этнической идентичности в полиэтническом окружении. Уфа: «Хан», 2008. 64 с.
31. Аязбекова С.Ш. «Большая Евразия» и евразийская культура в контексте мировых цивилизаций // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2019. № 1 (3). С. 5-11.
32. Аязбекова С.Ш. Евразийская культура: становление и основные этапы развития // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2017. № 1 (1). С. 5-10.
33. Аязбекова С.Ш. Культура в евразийском пространстве: теория, практика и современность // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2018. № 1 (2). С. 16-20.
34. Бабарыкина Н.В. Формирование этнической культуры молодежи в рамках евразийского пространства // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2018. № 1 (15). С. 103-106.
35. Багичева Н.В., Чикаева Т.А. «Свиток, на котором отмечены все тайны бытия»: Архетипы Родины-матери в русском менталитете // Филологический класс. 2017. №3 (49). С.34-40.
36. Бараш Р.Э. Концепция «соотечественников» - смысл и значение в контексте растущего этнического национализма в России // Мониторинг общественного мнения. 2011. №6 (106).
37. Баскакова Ю.М. Соотечественники за рубежом // Мониторинг общественного мнения. 2009. №6 (94). С. 82-96.
38. Баскакова Ю.М., Трифонова А.В. Портрет соотечественника за рубежом // Мониторинг общественного мнения. 2009. №1 (89). С. 124-144.
39. Бедрина Е.Б. Особенности расселения трудовых мигрантов из зарубежных стран в российских мегаполисах // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 2. С. 451-464; Региональные аспекты международной трудовой миграции в современной России: оценка факторов и эффектов – коллективная монография /

- Бедрина Е.Б., Вандышев М.Н., Куприна Т.В. и др. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. С. 127-155.
40. Бедрина Е.Б. Особенности расселения трудовых мигрантов из зарубежных стран в российских мегаполисах // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 2. С. 458.
  41. Беляева Н.Ф. Роль национально-регионального компонента в этнической социализации студентов педагогического вуза Республики Мордовия // Финно-угорский мир. 2013. № 3. С. 40.
  42. Большой Энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/136090>
  43. Бочарова Е.В. Социокультурный код и рекламные сообщения в российском обществе // Теория и практика общественного развития. 2012. № 1. С. 50-52.
  44. Бутусова Н. В., Фурин В. А. О понятии «зарубежный соотечественник» в российском законодательстве и законодательстве Республики Венгрия // Конституционализм и государственное устройство. Научно-практический журнал. 2018. №1(11). С. 58-70.
  45. Ванькина В.Б. О некоторых подходах к формированию творческих способностей учащихся на основе национальной культуры калмыцкого народа // Проблемы воспитания студенческой молодежи и пути их решения в условиях модернизации образовательной системы. Мат-лы регион. науч.-практ. конф (май 2010) Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2010. С. 184–186.
  46. Вектор, Г.Ю.А. Профилактика идеологии экстремизма, радикализма и ксенофобии в образовательной организации: обзор нормативной базы / Г.Ю.А. Вектор, В.Ф. Захаров // Этнодиалоги. 2018. № 1 (55). С. 8-30.
  47. Власова Т.А. Почему родители хотят, чтобы их дети учились в национальной школе? // Журнал социологии и социальной антропологии 2014. №2. С. 159.
  48. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России: Свердловской области // Демоскоп – Weekl. –№ 903-904. – 31 мая - 13 июня 2021. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=53
  49. Габдрахманова, Г.Ф. Этническая идентичность татарской молодежи республики Татарстан: общероссийские, региональные и культурные символы / Г.Ф. Габдрахманова, А.Р. Мухаметзянова // Вестник Российской нации. 2016. № 5 (50). С. 102-115.

50. Гаджигасанова Н.С., Хайруллина Н.Г. Значимость идентификаций в представлениях населения в контексте особенностей этноконтактной среды (на примере исследования в российских регионах) // Знание. Понимание. Умение. 2015. №4. С.78-93.
51. Гарагуля С.И. Имя личное как знак идентичности индивида // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.9. 2007. Вып.4. Ч.II. С. 107-114.
52. Гонцовский, В.К. Этническая ксенофобия в южном федеральном округе: причины и тенденции распространения в молодежной среде / В.К. Гонцовский // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 68-71.
53. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. С. 67.
54. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31- 50.
55. Грачев С.И., Герцун А.А. Проблемы и задачи политики РФ в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на современном этапе // Кант. 2013. №1 (7). С. 107-110.
56. Данилов А.Н. Новые геополитические реалии будущей цивилизации // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 8–9.
57. Девишев Б. История семьи Агафуровых // Наш Урал. 06.09.2016. URL: <https://nashural.ru/article/istoriya-urala/istoriya-semi-agafurovyh/> (дата обращения 10.06.2021).
58. Денисова Г.С., Денисова А.В., Намруева Л.В. Этнокультурное образование в Республике Калмыкия: существует ли угроза формированию гражданской идентичности? // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 2. С. 176-186.
59. Доклад о положении молодежи в Республике Башкортостан. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. С. 10.
60. Докучаева А.В. Отношение к России и русским в Украине, Белоруссии и Казахстане (по опросам соотечественников) // Россия и современный мир. 2011. №1 (70). С.72-79.
61. Донцов, А.И. Этническая идентичность молодежи, живущей в мире риска и неопределенности. / А.И. Донцов, Е.Б. Перельгина, О.Ю. Зотова // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире. Материалы XXI российской научно-практической конференции (с международным участием). Екатеринбург, 2019. С. 382-384.

62. Дробижева Л.М. Ученые записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. М.К. Горшков. Выпуск 3. Потенциал межэтнического согласия как ресурс консолидации российского общества. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 7.
63. Дягилева, Н. С. Теоретические аспекты городской идентичности / Н. С. Дягилева // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 54–59.
64. Дякиева Б.Б. Развитие национально-регионального образования Республики Калмыкия (организационно-управленческие аспекты). Элиста: Изд-во КГУ, 2005.
65. Ежегодный государственный доклад «О положении семьи и детей в Свердловской области» по итогам 2014 года. URL: <http://base.garant.ru/20976190/>
66. Зверинцева Т. «Границы без дружбы. Почему анклавы стали головной болью стран Центральной Азии» (17.08.2018). URL: <https://www.fergananews.com/articles/10127>
67. Золян С.Т. Соотечественники – диахронический портрет по данным НКРЯ (XVIII – начало XIX вв.) // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и новации в русистике. Сборник научных статей IV Международной научно-практической конференции. Ереван: РАУ, 2019. С. 16-20.
68. Золян С.Т. Соотечественники – семантический портрет по данным национального корпуса русского языка // Политическая лингвистика. 2021. №2 (86). С.166-180.
69. Идрисов, К.А. Интолерантность и ксенофобия, как источник экстремистского поведения личности / К.А. Идрисов, И.С. Хажуев // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2020. № 2 (40). С. 80-88.
70. Информационный сайт Русского общества в Латвии. URL: <https://russkie.org.lv/> (25.06.2021).
71. Касьянов, В.В. Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде: факторы распространения / В.В. Касьянов, Д.В. Кротов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8-9. С. 60-63.
72. Киреев Е.Ю. Социальное многообразие: некоторые подходы к социологическому осмыслению // Социальная политика и социология. 2018. Т.17. №2. С.78-85.
73. Кондрашов Д. Этот день Победы // Балтийский мир. 2008. С. 14 – 22; Рерих С. Николай Рерих – художник и провидец // Балтийский мир. 2009. Рига. С. 32 – 37.

74. Кубякин, Е.О. Социально-психологические и социально-возрастные особенности молодежи как фактор формирования ксенофобных и экстремистских установок / Е.О. Кубякин // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 3. С. 166-172.
75. Лазаревич А.А. Беларусь: культурно-цивилизационный выбор / А.А. Лазаревич, И.Я. Левяш; науч. ред. И.Я. Левяш. Минск: Беларуская навука, 2014. С. 30-31.
76. Лапин Н.И. Своеобразие культур цивилизаций – достояние и ресурс каждого человека и всего человечества // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 5-16.
77. Латвийская православная церковь. <http://www.pravoslavie.lv> (18.5.2016).
78. Лашук И.В. Социокультурный анализ современного белорусского общества. – Нац. академ. наук Беларуси, Институт социологии. Минск: Беларуская навука, 2019. С. 3-4.
79. Луговой, Р.А. Типы этнической идентичности молодежи Дагестана в традиционной и иноэтнической среде / Р.А. Луговой // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2011. № 2 (15). С. 9-15.
80. Мадюкова, С.А. Общенациональная и этническая идентичность молодежи этнических групп республик Сибири в сравнительной перспективе / С.А. Мадюкова, О.А. Персидская, Ю.В. Попков // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. С. 69-83.
81. Мазур Л.Н. Народы среднего Урала в структуре сельского расселения (XX в.) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2007. № 49. вып. 13.
82. Мазур Л.Н. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке. Опыт динамического анализа / Л. Н. Мазур, Л. И. Бродская; Федер. агентство по образованию, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 564 с.
83. Максимова О.А., Нигматуллина Л.К. Молодежь Татарстана о межэтнических отношениях: региональный срез в контексте социологического анализа // Вестник экономики, права и социологии. 2020. №4. С.222-226.
84. Максимова С.Г., Морковкина А.Г. Образ России в представлениях населения современных приграничных регионов // Siberian Socium. 2017. Т. 1. № 1. С. 76-83.
85. Максимовских М.В., Абрамова Н.Л. Этноэкология и природопользование коренных народов Урала // Успехи современного естествознания. 2013. № 8. С. 20.

86. Маланцева, О.Д. Ксенофобия и молодежный экстремизм: истоки и взаимосвязи / О.Д. Маланцева, Е.Г. Дозорцева // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. 2012. № 2. С. 1-10.
87. Марусенко М. А. Двухязычное обучение и проблемы этнической и языковой идентичности в СССР и современной России // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 2. С. 200.
88. Марусенко М.А. Смена парадигмы языковой политики Российской Федерации: неизбежная необходимость // Человек: образ и сущность. 2018. № 1-2 (32-33). С. 65-67.
89. Марушкина Н. Экономика городского общественного пространства. Создание комфортной среды – это выгода или убыток для городского бюджета? 2018. URL: <https://itpgrad.ru/node/2799> (дата обращения: 20.07.2021).
90. Матис В.И. Формирование евразийской поликультуры // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2019. № 1 (3). С. 19-23.
91. Матуева, Л.К. Ксенофобия, экстремизм и национализм как формы самовыражения молодежи XXI века / Л.К. Матуева, В.О. Микрюков // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11-2 (38). С. 154-156.
92. Мелас В.Б. Шесть способов существования // Логико-философские штудии. 2016. Т.14. №1. С.224-231.
93. Меркулов, П.А. Межэтническая толерантность молодёжи российской провинции в условиях интенсификации миграционных потоков./ П.А. Меркулов, Н.В. Проказина, А.В. Исаев // Социум и власть. 2017. № 2 (64). С. 28-33.
94. Минкульт Марий Эл ответил уральским марийцам / MariUver. URL: <https://mariuver.com/2019/11/13/minkult-ural-mari/> (дата обращения: 10.06.2021).
95. Морен Э. Метод. Природа природы. М.: КАНОН+, 2013.
96. Музей «Евреи в Латвии». URL: www.ebrejumuzejs.lv (18.05.2016).
97. Мукомель, В.И. Ксенофобия в молодежной среде / В.И. Мукомель // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 228-258.
98. Мукомель, В.И. Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия / В.И. Мукомель // Мир России. Социология. Этнология. 2014. Т. 23. № 1. С. 137-166.
99. Намруева Л.В. Молодежь и процессы возрождения этнической культуры в Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 76–80.

100. Намруева Л.В. Особенности развития современной этнической культуры (на примере Республики Калмыкия) // Диалог культуры народов России: отечественный опыт и современность: Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Волгоград, 15-16 октября 2012 г.) / Под ред. В.Н. Игнатова, Ю.Д. Гражданова, О.А. Васильевой. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. С. 166–169.
101. Намруева Л.В. Роль элиты в сохранении этничности (на примере Калмыкии) // Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности: мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-н/Д., 9-10 июня 2009 г.) / Отв. ред. акад. Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2009. С. 228–230.
102. Намруева Л.В. Этническая социализация молодежи Калмыкии (анализ 2000-2010-х гг.). Монография. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 195 с.
103. Национальный состав Свердловской области // Официальный сайт Правительства Свердловской области. URL: <http://midural.ru/community/100332/100689/100690/>
104. Немцы на Урале XVII–XXI вв.: коллективная монография / В.М. Кириллов, Л.А. Дашкевич, В. П. Корепанов, В. П. Микитюк и др. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. 288 с.
105. Нигматуллина, Т.А. Политическая интерпретация этноксенофобии в молодежной среде: новые вызовы глобализации / Т.А. Нигматуллина // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2014. № 1 (24). С. 83-94.
106. Новые издания латвийских староверов. URL: <http://www.russkije.lv> (18.5.2016); Православие в Балтии // Научно-аналитический журнал. 2014. Riga: LU FSI.
107. Озерина А.А. Городская идентичность как социально-психологический феномен // Вестник Волгоградского государственного ун-та. Сер. 7, Филос. 2016. № 4 (34). С. 135-139
108. Омарова З. К вопросу об определении понятия «Соотечественники за рубежом»: опыт России // Власть. 2008. №3. С. 34-41.
109. Отчет о государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Татарстан по итогам 2019 г. // URL: https://zags.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2185286.doc (дата обращения 21.09.2021).

110. Официальный сайт МАОУ средняя общеобразовательная школа № 3 поселка Полуночное. URL: <https://polunochschool.ucoz.ru/> (дата обращения: 10.06.2021)
111. Официальный сайт МКОУ АГО Марикаршинская ООШ. URL: <http://mkschool.ucoz.net/> (дата обращения: 10.06.2021).
112. Официальный сайт МКОУ Поташкинская средняя общеобразовательная школа. URL: <http://potachka1.narod.ru/histscoll1.html>.
113. Панарин С.А. Локус евразийства в современной российской культуре // Вестник Евразии. 2006. №1. С.19-29.
114. Панькин А.Б. Этнокультурная коннотация образования. Монография. Элиста: Калм.гос. ун-т, 2009. С. 114.
115. Панькин А.Б. Этнокультурная коннотация образования. Монография. Элиста: Калм.гос. ун-т, 2009. С. 110.
116. Полежаев, П.Л. Этническая идентичность молодежи в современном мире / П.Л. Полежаев // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2019. № 31. С. 1-6.
117. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Феномен евразийства // Евразийство и мир. 2013. Т. 1. № 2. С. 4-17.
118. Право цыган на жилье и проблема насильственных выселений в России // Доклад Правозащитного центра «Мемориал». 2008. С. 7. URL: <http://adcmemorial.org/wp-content/uploads/Romrussie501russe2008.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).
119. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности / Под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой и др. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003.
120. Разинков С.Л., Кириллов В.М. Спецпоселение советских немцев в Свердловской области: территориальное распределение, правовое положение и взаимоотношения с властью (1946–1956 гг.) // Немцы на Урале XVII – XXI вв.: Коллективная монография / В.М. Кириллов, Л.А. Дашкевич, В.П. Корепанов, В.П. Микитюк и др. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. С. 129-141.
121. Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р (ред. от 29.12.2017) «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации». URL: <https://admivdel.ru/tekushhaya-deyatelnost/korennye-malochislennyye-narody-severa-mansi> (дата обращения: 10.06.2021).

122. Распоряжение Правительства Свердловской области от 17 марта 2017 года № 246-ПП «О реализации в Свердловской области в 2017 - 2025 годах Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (с изменениями на 12 марта 2021 года) (в ред. Распоряжений Правительства Свердловской области от 31.05.2018 № 340-ПП, от 09.04.2020 № 137-ПП, от 12.03.2021 № 100-ПП). URL: <https://docs.cntd.ru/document/446428396> (дата обращения: 10.06.2021).
123. Рекомендации круглого стола «Законодательное обеспечение сохранения, развития и изучения языков народов Российской Федерации: состояние и перспективы». URL: <file:///C:/Users/1/Downloads/%D0%93%D0%9E%D0%A1%20%D0%94%D0%A3%D0%9C%D0%90%2016.12.2019.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).
124. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Москва: ГУ ВШЭ, 2003.
125. Русские Латвии. URL: <http://www.russkije.lv/ru/lib/read/the-russian-community-of-latvia.html>
126. Рязанцев С.В., Гребенюк А.А. Наши за границей: русские, россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию. М.: Институт социально-политических исследований РАН, 2014. 238 с.;
127. Савин, С.Д. Петербургские школьники: между ксенофобией и толерантностью / С.Д. Савин, Е.И. Москальчук // Социологические исследования. 2018. № 4 (408). С. 54-60.
128. Сарумов А.А., Савченко В.Н. О понятиях «единое-много» и «множество» в ретроспективе философской мысли // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9-2 (35). С. 158-161.
129. Сикевич З.В. Влияние этнического фактора на современное общество и человека // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 2. С. 51.
130. Ситяева, С.М. Субъективные и объективные предикторы экстремистских установок молодежи / С.М. Ситяева, С.В. Яремчук // Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет. Комсомольск-на-Амуре, 2019.
131. Скрипкина, Т.П. Ксенофобия у российской молодежи, проживающей в разных регионах страны / Т.П. Скрипкина //

- Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26. № 3. С. 73-86.
132. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. Общечеловеческое. М.: ООО «Сандра»: Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.
133. Солдатова Г.У., Рыжова С.В. Типы этнической идентичности // Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл, 2008. С.140-146.
134. Стадник, В.Ю. Этническая конфликтогенность студенческой молодежи: региональный аспект / В.Ю. Стадник // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 3 (64). С. 155-159.
135. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025. г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/
136. Тарханова Э.И. Эволюция и основные направления оптимизации политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом // Вопросы политологии. 2016. №4 (24). С.106-123.
137. Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. Идентичность и жизненные стратегии студенчества в России // Социологические исследования. 2017. №8 (401). С.81-87.
138. Умиралиева Н. Образование Калмыкии: основные направления // Калмыкия сегодня. 2014. 4 сентября.
139. Федеральный закон "О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" от 03.08.2018 № 329-ФЗ // Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304090/ (дата обращения: 10.06.2021).
140. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция) // Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 10.06.2021).
141. Харченко, А.А. Экстремизм и ксенофобии как протестный механизм социального аутсайдерства молодежи / А.А. Харченко, О.В. Заслонкина, О.Н. Дровникова // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 2 (38). С. 92-100.
142. Целищева, В.Г. Особенности этнической идентичности молодежи малочисленных народов Дальневосточного региона / В.Г. Целищева // Социологические исследования. 2007. № 1 (273). С. 122-127.

143. Чеботарёва, Е.Ю. Этническая идентичность молодежи в полиэтнической среде / Е.Ю. Чеботарёва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2012. № 1. С. 22-28.
144. Чепиницкая П. Р. Категория «соотечественники за рубежом» в модуле этносоциологии и сетевая структура «русского мира» // Теория и практика общественного развития. 2011. №8. С.102-104;
145. Шавель С.А. Gens una sumus – мы все одна семья: социологический анализ этногенеза белорусов // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019. № 4. С. 49.
146. Шайхисламов Р.Б. Социокультурная система и личность. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005.
147. Шайхисламов, Р.Б. Гражданская идентичность: региональное измерение глобализации / Р.Б. Шайхисламов, Р.И. Ирназаров, Э.В. Садретдинова, Н.В. Коровкина // Вестник ВЭГУ. 2013. № 3 (65). С. 79-86.
148. Шаповалова И.С., Заводян И.С., Валиева И.Н. Молодежь российского приграничья: проблема этнической идентичности и толерантности // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7. № 1. С. 21-38.
149. Шаповалова, И.С. Духовно-нравственные выборы в жизненных стратегиях молодежи: опыт социологического исследования / И.С. Шаповалова, А.В. Кисиленко // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13. № 6. С. 14-28.
150. Шаповалова, И.С. Молодежь российского приграничья: проблема этнической идентичности и толерантности / И.С. Шаповалова, И.С. Заводян, И.Н. Валиева // Научный результат. Социология и управление. 2021. Том 7. № 1. С. 25. URL: <http://rrsociology.ru/journal/annotation/2341/>.
151. Шаповалова, И.С. Молодежь российского приграничья: проблема этнической идентичности и толерантности / И.С. Шаповалова, И.С. Заводян, И.Н. Валиева // Научный результат. Социология и управление. 2021. Том 7. № 1. С. 29-30. URL: <http://rrsociology.ru/journal/annotation/2341/>
152. Шаповалова, И.С. Проявления экстремистских настроений в среде студенческой молодежи / И.С. Шаповалова // Управление в XXI веке. сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Белгород: ИД «Белгород», 2015. С. 164-172.

153. Шаповалова, И.С. Реализация государственной молодежной политики в России: региональный аспект / И.С. Шаповалова, Е.В. Маликова // Теория и практика общественного развития. 2018. № 6 (124). С. 22-26.
154. Шевченко Н.А. К вопросу о структуре Мы-концепции личности и группы // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева. М., 2020. С. 553-556.
155. Шкерин В. А., Абрамов И. В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Этноэкспедиция «УРАЛ-2014» // Уральский исторический вестник. 2014. № 4(45). С.132-137.
156. Шкурова Е.В. Трансформация религиозности в социокультурном пространстве постсоветского общества. Минск: БГУ, 2019.
157. Щедровицкий П.Г. Русский мир и транснациональное русское // Антология русской философии. В 3-х т. СПб.: СПбГУ, 2000. С.374-388.
158. Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М., 2004. 286 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Асадуллина Гузелия Рауфовна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, старший научный сотрудник Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

Бедрина Елена Борисовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры международной экономики и менеджмента Уральского федерального университета, старший научный сотрудник Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия

Валиева Ирина Николаевна – ассистент кафедры социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород; сотрудник Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

Волков Владислав Викторович – доктор социологии, ведущий исследователь философии и социологии Латвийского Университета, г. Рига, Латвия

Данилов Александр Николаевич – доктор социологических наук, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, профессор, заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Ефлова Мария Юрьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия

Коровкина Наталья Владимировна – старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью, научный сотрудник Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

Лавренюк-Исаева Наталья Михайловна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

Максимова Ольга Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета; г. Казань; старший научный сотрудник Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

Нагматуллина Людмила Константиновна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева-КАИ, г. Казань, Россия

Намруева Людмила Васильевна – кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела комплексного мониторинга и информационных технологий Калмыцкого научного центра Российской академии наук, г. Элиста, Россия

Садретдинова Эвеллина Винеровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, старший научный сотрудник Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

Шайхисламов Рафаэль Бадретдинович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью, главный научный сотрудник Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

Шапвалова Инна Сергеевна – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Научное издание

**ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ
И ГРАЖДАНСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
МОЛОДЕЖИ В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Коллективная монография

*Под общей редакцией
доктора социологических наук, профессора
Шайхисламова Рафаэля Бадретдиновича*

*За достоверность информации, изложенной в монографии,
ответственность несут авторы*

*Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 021319 от 05.01.99 г.*

Подписано в печать 30.12.2021 г. Формат 60х84/16.
Усл.печ. л. 10,81. Уч.-изд. л. 11,28.
Тираж 500 экз. (1-й завод 28 экз.). Изд. № 155. Заказ 495.

*Редакционно-издательский центр
Башкирского государственного университета
450076, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

*Отпечатано на множительном участке
Башкирского государственного университета
450076, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*